

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Бесѣда, предложенная въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ день годовичнаго акта 10 мая 1896 г. О христіанской осторожности относительно направленія нашего вѣка. Преосвященнаго *Амвросія* . . . . . 553—571
- Чудо на Гадаринскомъ берегу Галилейскаго моря. *К. Сильченкова*. . . . . 572—613
- Культъ золотого тельца. *Dr. М. Глубоковскаго* . . . . . 614—618

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Разборъ возраженій Джона Стюарта Милля противъ теизма (продолженіе). *М. Лебедева* . . . . . 451—475
- Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ (продолженіе). * * * . . . . . 476—490
- О благотѣніяхъ („De Beneficiis“). Л. Аннея Сенеки нъ Эбуцію Либералію (продолженіе). * * * . . . . . 491—494

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ публичныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брепано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Мая 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

БЕСѢДА

Преосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго,
предложенная въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ
дѣвиць, въ день годичнаго акта 10 мая 1896 г.

О христіанской осторожности относительно направленія нашего вѣка.

*„Будьте единомысленны между собою;
не высокоумствуйте, но послѣдуйте
смиренымъ; не мечтайте о себѣ“ (Рим.
12, 16).*

Это наставленіе св. Апостола Павла я признаю по духу нашего времени весьма полезнымъ для васъ, благородныя дѣвицы, особенно для оканчивающихъ курсъ ученія и воспитанія и выходящихъ на широкое поле жизни. Нашъ вѣкъ насѣялъ на этомъ полѣ много такого, чего не видѣли прошедшіе вѣка. Всегда было невѣріе между людьми, но никогда оно не получало такой силы и такого широкаго распространенія въ христіанскомъ мірѣ, какъ нынѣ. Всегда самонадѣянный умъ человѣческой враждовалъ съ истиною Христовою, но никогда его гордыня и самоувѣренность не проявлялись въ такой степени, какъ нынѣ. Всегда были пороки и соблазны, но никогда они не представлялись въ такомъ обольстительномъ видѣ, особенно для людей образованныхъ, какъ нынѣ. И отъ этихъ опасностей не спасаетъ вѣрующихъ современное образованіе, такъ

какъ въ немъ-то и заложены нашимъ вѣкомъ сѣмена невѣрія и нравственнаго растлѣнія. Люди образованные и писатели изъ руководителей народовъ въ нравственной жизни во многихъ христіанскихъ странахъ превратились въ развратителей народовъ и въ начинателей общественныхъ безпорядковъ, смятеній и преступленій.

Вы, по вашему общественному положенію, принадлежите къ высшему и руководящему сословію нашего народа. Что знали вы, по слухамъ изъ за стѣнъ этого заведенія, то вы ближе другихъ увидите своими глазами. Вы скорѣе другихъ услышите эти восторженные рѣчи о небывалыхъ успѣхахъ науки въ наше время и о необычайныхъ опытахъ приложенія знанія къ жизни. Вы будете получать съ разныхъ сторонъ призывы къ участію въ этомъ горячемъ стремленіи нашихъ молодыхъ поколѣній къ современной научной и общественной дѣятельности и къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя такъ щедро разсыпаетъ предъ юностію наше время. Вы вступите неизбежно въ этотъ шумный водоворотъ разнообразныхъ ученій, мнѣній, преній, смѣлыхъ предпріятій и обольстительныхъ надеждъ и ожиданій.

Примите же съ должнымъ благоговѣніемъ и любовію это кроткое, отеческое наставленіе святаго Апостола, поучающее и всѣхъ насъ осторожности относительно направленія нашего вѣка: „будьте единомысленны между собою; невысокомудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ; не мечтайте о себѣ“.

Здѣсь три отдѣльныхъ мысли. Разсмотримъ каждую порознь.

„Будьте единомысленны между собою“. Кому и когда это было сказано Апостоломъ?—Римлянамъ, во время еще непобѣдимой силы всемірной Римской имперіи, въ ея столицѣ, при блескѣ языческой образованности, при

множествѣ гордыхъ философовъ и разнообразіи философскихъ школъ, при богатствѣ и роскоши общественной жизни; сказано, наконецъ, едва возникающему христіанскому обществу, которому въ самомъ началѣ грозило гибелью, окрѣпшее въ теченіи вѣковъ язычество. И вотъ для борьбы противъ такихъ страшныхъ силъ Апостоль предлагаетъ такое, повидимому, слабое оружіе: „единомысліе между собою“. Кто были члены общества, которымъ заповѣдуется блюсти единомысліе? Известно изъ исторіи, что во главѣ юной римской церкви (какъ и всякой другой) стоялъ Епископъ, съ нимъ пресвитеры, какъ учителя вѣры и совершители таинъ Божіихъ, потомъ вѣрующіе изъ разныхъ сословій, отъ рабовъ и бѣдныхъ гражданъ до лицъ служившихъ въ домѣ Кесаря, и наконецъ, пламенѣвшіе любовью ко Христу, разбросанные по римскимъ тюрьмамъ, исповѣдники и мученики. Въ чемъ они должны были хранить единомысліе? Въ исповѣдываніи вѣры во Христа Спасителя, проповѣданной Апостолами, въ соблюденіи евангельскихъ заповѣдей, въ послушаніи пастырямъ, въ благоговѣйномъ общеніи въ молитвахъ и таинствахъ, наконецъ, въ единодушной ревности—страданіями и смертію доказать любовь свою ко Христу и запечатлѣть вѣрность своему исповѣданію. И вотъ это сокровище церковнаго единомыслія Апостоль зановѣдуетъ хранить отъ расхищенія врагами вѣры Христовой.

Но угрожаетъ ли эта опасность христіанамъ нашего времени, когда міръ просвѣщеннаго язычества остался только въ преданіяхъ исторіи?—Угрожаетъ, и болѣе чѣмъ когда либо въ древности. Нынѣ философскимъ ученіямъ, бывшимъ въ прежніе вѣка внѣ церкви, за ея оградою, открылся доступъ въ самыя нѣдра христіанства; сами христіане стали предпочитать философскіе взгляды чистому исповѣданію догматовъ вѣры и

постановленіямъ церкви. Свобода мысли и слова, т. е., своемысліе и разномысліе въ дѣлахъ вѣры поощряется современными учеными, и даже обращается въ законъ, покровительствуемый въ нѣкоторыхъ странахъ христіанскими правительствами, подъ именемъ не вѣрно понимаемой *свободы совѣсти*. Такимъ образомъ наше положеніе становится болѣе опаснымъ, чѣмъ положеніе древнихъ христіанъ, окруженныхъ міромъ языческимъ и подвергавшихся преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Насъ убиваютъ не физически, а нравственно; не совнѣ, а изнутри; не пытками и терзаніями плоти, а растлѣніемъ ума и развращеніемъ сердца.

„Будьте единомысленны между собою“. Какимъ же образомъ нынѣ мы можемъ исполнить эту заповѣдь Апостола? Обратите особенное вниманіе на это выраженіе: „между собою“. Его легко было понять и примѣнить къ жизни не многочисленнымъ христіанамъ зарождающейся римской церкви, тѣсно сплоченнымъ опасностями и попеченіемъ членовъ другъ о другѣ. Но нынѣ, при милліонахъ православныхъ христіанъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ міра, — какъ со всѣми сохранить единомысліе въ исповѣданіи вѣры и исполненіи ея предписаній? — Для искренно вѣрующихъ и нынѣ это не трудно. Когда вы стоите при богослуженіи въ храмахъ въ праздничные дни, или вмѣстѣ съ народомъ приступаете къ святой Чашѣ Пріобщенія, вы сознаете, что это ваши братія, проникнутые одною съ вами вѣрою и любовію къ общему всѣхъ Спасителю, и единократно стремящіеся къ внутреннему общенію съ Нимъ. Обратитесь мыслію ко всей нашей отечественной церкви: всюду въ тѣже дни и часы она дышетъ и живетъ, и движется въ міръ горній, „къ Іерусалиму небесному и тьмамъ ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ

на небесахъ“ (Евр. 12, 22—23). Представьте себѣ и всю вселенскую православную церковь: она вся въ одно время „единими устами и единымъ сердцемъ“ возсылаетъ славословіе Трїединому Богу, Творцу, Промыслителю и Спасителю нашему. Вотъ съ кѣмъ будьте единомысленны. Въ частной жизни примыкайте къ кружкамъ людей любящихъ Святую Церковь, строго и въ чистотѣ хранящихъ ея ученіе, покорныхъ ея уставамъ,—и вы будете дѣйствительно единомысленны со всею церковію. Не то будетъ съ вами, если вы склоните свой слухъ къ оболъстительнымъ рѣчамъ людей современнаго противухристіанскаго направленія, когда отдадите имъ ваше довѣріе и сочувствіе сердца: вы затеряетесь въ обществѣ людей, преслѣдующихъ частныя отрасли (спеціальности) естествознанія, неимѣющихъ между собою никакой внутренней связи, кромѣ единодушнаго стремленія къ наслажденіямъ жизни, прикрывающихъ себя знаменемъ „науки“, безъ яснаго сознанія общихъ основаній, связующихъ раздробленныя части человѣческаго знанія въ одно стройное цѣлое.

„Не высокоумудствуйте“. Что такое высокоумудріе? Для уясненія понятія о немъ нужно сначала опредѣлить, что такое *мудрость*. Мудрость, по ученію Слова Божія, есть ревность къ познанію истины и заботливость объ осуществленіи ея въ жизни. Но ни совершенное познаніе истины, ни устроеніе жизни по ея требованіямъ, для разстроенной грѣхомъ природы человѣческой, невозможны безъ руководства Божественнаго откровенія и безъ помощи благодати Божіей. Посему покорность ума и сердца нашего наставленіямъ Слова Божія и подчиненіе воли и свободы нашей волѣ Божіей, при скромномъ мнѣніи о себѣ и сознаніи своихъ немощей, называется *смиренномудріемъ*. Противоположность этому христіанскому настроенію духа состав-

ляетъ самонадѣянность ума, горделивость сердца и противленіе воли человѣческой закону Божію. Это—*высокомудріе*. Оно увлекаетъ человѣка, омраченнаго самомнѣніемъ, на путь познанія и жизни по своимъ соображеніямъ и по своему произволу. Это и есть путь свободныхъ мыслителей (либераловъ) христіанскаго міра,—необыкновенно расширенный и утоптаный въ наше время.

Предоставляя здравомыслящимъ философамъ бороться съ высокомудренными философскими ученіями нашего времени на началахъ ихъ науки, мы посмотримъ на эти ученія съ точки зрѣнія апостольской, призвавъ въ помощь прирожденные намъ и просвѣтленные въ насъ свѣтомъ Христовымъ,—чувство истины, голосъ сердца и свидѣтельство совѣсти.

Нынѣ господствуютъ два направленія въ области свободнаго мышленія. Одно, признавая дѣйствительно и несомнѣнно существующимъ только міръ видимый, вещественный, совершенно отрицаетъ все, что мы разумѣемъ подъ именемъ міра духовнаго, куда относится бытіе Бога и чистыхъ духовъ, духовная природа нашей души и ея безсмертіе (матеріализмъ). Другое, появившееся позднѣе, признаетъ достовѣрнымъ и истиннымъ только то, что принимается чувствами и доказывается внѣшнимъ опытомъ, оставляя безъ вниманія и изслѣдованія все сверхчувственное и духовное въ ученіи христіанскомъ, или принимая все сюда относящееся съ сомнѣніями, ограниченіями и произвольными толкованіями (сенсуализмъ и позитивизмъ). Оба эти направленія,—одно отрицая, а другое оставляя безъ вниманія міръ духовный и духовную жизнь,—приводятъ къ однимъ выводамъ и послѣдствіямъ.

По обоимъ этимъ ученіямъ человѣкъ считаетъ себя полноправнымъ и единственнымъ господиномъ природы,

не признавая никого и ничего выше себя. Въ области міра неорганическаго и животнаго все неразумно и уму его покорно. Силою знанія онъ не только распоряжается всѣмъ живущимъ на землѣ во всѣхъ царствахъ природы, но извлекаетъ изъ нѣдръ ея мощныя и грозныя силы и направляетъ ихъ себѣ на служеніе. Всѣ ринулись на изученіе природы. Умы, по истинѣ великіе и геніальные, дѣлаютъ поразительныя открытія и изобрѣтенія. Открытія умножаются, примѣненіе знанія къ жизни даетъ необычайный просторъ и могущество человѣку и его дѣятельности. Природа безгранична, жизнь ея неизчерпаема, знанію нѣтъ предѣловъ, открытіямъ, усовершенствованіямъ и всякаго рода успѣхамъ человѣческимъ—нѣтъ конца,—и вотъ по всему образованному міру раздается кличъ побѣды нашего вѣка надъ всѣми препятствіями, заграждавшими человѣчеству пути къ совершенству и благополучію. Мы много сдѣлали, говорятъ люди нашего времени, но какая свѣтлая будущность предстоитъ человѣчеству впереди! Кто можетъ положить предѣлъ возрастанію и расширенію его жизни, его силъ, его благоденствія (прогрессу)? Какъ при этомъ не возгордиться?...

Когда одни ученые,—естествоиспытатели,—неустанно разрабатываютъ богатства природы, другіе ученые того же направленія—философы—рѣшаютъ неотразимые для человѣка вопросы: что такое природа, и что такое самъ человѣкъ?

Природа, неизмѣнно дѣйствующая по однимъ непреложнымъ законамъ, безостановочно продолжаетъ производить самыя разнообразныя существа, надѣляя ихъ свойствами, способностями и инстинктами изумительными, представляя въ цѣломъ стройность, гармонію и красоту. Что же она такое? Чтобы быть вѣрными своимъ началамъ, положительныя философы могли дать на этотъ

вопросъ одинъ отвѣтъ: природа есть необъятная, великолѣпная *машина*. Откуда она произошла? Мы не создавали ее, другаго существа высшаго ея, которое могло бы создать ее, не видимъ и, слѣдовательно, не знаемъ. Очевидно, она произошла сама отъ себя, когда и какъ—трудно сказать, но несомнѣнно—путемъ саморазвитія, выдвигая изъ нѣдръ своихъ постепенно зародыши организмовъ и, по времени, совершенствуя ихъ и сообщая имъ большія силы и лучшія формы. Кто же движетъ эту жизнь въ природѣ и развиваетъ ея дѣятельность? Нѣкая присущая ей *воля*, конечно, *безсознательная* (послѣднее слово науки). Такимъ образомъ, философы міра христіанскаго пали ниже философовъ языческихъ. О послѣднихъ Апостоль Павель говоритъ: они поняли напечатлѣнную въ природѣ вѣчную силу Творца и Его Божество, но не познали духовнаго существа Его и превратили славу Его въ образы, подобные тлѣнному человѣку и животнымъ; „называя себя мудрыми, обезумѣли“ (Рим. 1, 20—23). Что же сказать о философахъ, приписывающихъ происхожденіе природы и всѣ чудеса ея дѣятельности неразумной машины? Они не видятъ на ней и печати высочайшей силы и разума!

Откуда же человѣкъ? И онъ вмѣстѣ со всѣми животными выдвинутъ изъ нѣдръ той же природы, и путемъ различныхъ превращеній явился тѣмъ, что онъ есть, т. е. совершеннѣйшимъ *животнымъ*. Не будемъ говорить о томъ, какъ это ученіе о человѣкѣ противорѣчитъ его сознанію себя по душѣ существомъ духовнымъ, его разуму, свободѣ, безкорыстному стремленію къ познанію вѣчной истины, къ достиженію нравственной правоты и вѣчнаго блаженства. Всѣ эти высокія свойства природы человѣческой положительныя мыслители, недостойными истинныхъ философовъ натяжками и увертками, стараются объяснить,

хотя и безуспѣшно, изъ свойствъ матеріи и ея механическихъ законовъ. Но всего противуестественнѣе и всего обиднѣе для природы человѣческой утѣшеніе, во всѣхъ трудахъ, лишеніяхъ и страданіяхъ земной жизни, которое они указываютъ людямъ послѣ смерти вмѣсто „упованія“, даровавшаго христіанамъ (1 Солун. 4, 13). Вы, конечно, умрете, говорятъ они,—наука не надѣется найти средства для избавленія отъ смерти,—и съ концемъ этой жизни лично для васъ все кончится, но за васъ будутъ блаженны будущія поколѣнія, которыя будутъ пользоваться высшими благами жизни сравнительно съ вами. И они будутъ, какъ вы, устилать землю своими костями и погибать безвозвратно, но они, какъ и вы, будутъ питать *благородную* надежду изъ своихъ костей сдѣлать ступени для восхожденія къ совершенству будущихъ поколѣній. Ваше и всѣхъ послѣдующихъ поколѣній личное желаніе вѣчной жизни за гробомъ каждому для себя есть самообманъ (иллюзія), вложенный въ васъ природою для того только, чтобы вы не ослабѣвали въ вашей работѣ для блага человѣчества. Большаго отъ всѣхъ успѣховъ науки вы для себя не надѣйтесь.—Итакъ, по этому ученію, земная жизнь всего человѣчества есть вѣчная каторга безъ надежды, утѣшенія и освобожденія. Это сознали и сами мыслители послѣдняго времени, создавшіе новое ученіе о безотрадности и безнадежности жизни человѣческой,—одобряющіе самоубійство (пессимизмъ). Такъ-то они мечутся изъ одной крайности въ другую, отъ преувеличенныхъ надеждъ на свѣтлое будущее до отчаянія за судьбу человѣчества. Ясно, что они блуждаютъ во тьмѣ, лишившись свѣта Христова.

Жалко видѣть, какъ наши слегка образованные люди, не знакомые съ философіею и Богословіемъ, повторяютъ бессознательно эти чужія мысли,—разрозненные

и отрывочныя, и предаваясь восторгамъ отъ успѣховъ современнаго просвѣщенія, но не видя темныхъ сторонъ его, заражаютъ *духомъ невѣрія и отрицанія* и простыхъ, неученыхъ людей, неимѣющихъ возможности разобратъся во лжи и противорѣчїяхъ. Но мы христїане. Намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ самое ясное и твердое начало, какъ оселокъ, для испытанія и опредѣленія достоинства всякихъ человѣческихъ воззрѣній и ученій: „по плодамъ ихъ узнаете ихъ; не собираютъ съ терновника виноградъ и съ рпейника смоквы“ (Матѳ. 7, 16). Это значитъ, что человекъ по природѣ своей не можетъ довольствоваться праздными мыслями, а стремится осуществить ихъ на дѣлѣ для своихъ цѣлей, и качество дѣла покажетъ достоинство его мыслей. И вотъ мы видимъ подлинныя плоды цѣпкаго рпейника и колючаго терновника современныхъ ложныхъ ученій. Они закрываютъ для нашего ума и сердца мїръ духовный со всѣмъ царствомъ небожителей и царемъ ихъ Богомъ,—мїръ, который движется къ намъ и влечетъ насъ къ себѣ. Отсюда происходитъ пораженіе всѣхъ нашихъ способностей для принятія впечатлѣній изъ мїра духовнаго, и тѣхъ стремленій человѣческаго духа, которыя составляютъ сущность религіи у всего человечества. Отсюда отрицаніе, или искаженіе божественнаго откровенія и пренебреженіе къ Церкви Христовой.—доказавшей въ теченіе тысячелѣтій благотворное дѣйствіе на всѣ отрасли человѣческой жизни. Невѣріе и отрицаніе лишаютъ мыслителей въ отвлеченныхъ изслѣдованїяхъ, по важнѣйшимъ вопросамъ жизни человѣческой, твердости и устойчивости; а въ примѣненіи къ нравственной дѣятельности эти изслѣдованія отличаются мертвенностью и разрушеніемъ. Отсюда идеалы художниковъ облакаются плотяностію и пропитываются страстностію, низводятся къ картинамъ и сценамъ обыденной,

мелочной жизни, которыя не возвышаютъ умы любителей искусствъ къ созерцанію духовной красоты и нравственнаго совершенства, а погружаютъ иногда глубже въ жизнь порочную и суетную, чѣмъ соблазны встрѣчаемые въ дѣйствительности. Въ частности полные матеріалисты по воззрѣніямъ и склонностямъ отличаются отупѣніемъ совѣсти, равнодушіемъ къ преступленіямъ (*нѣтъ страха Господня съ ними* Сир. 16, 1),—эгоизмомъ въ отношеніяхъ къ ближнимъ, жаждою обогащенія и неразборчивостію въ средствахъ пріобрѣтенія, погрязновеніемъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, утратою здравыхъ понятій о великомъ значеніи нашей земной жизни и, въ случаѣ неудачъ, порывами къ самоуничтоженію.

Иисусъ Христосъ сказалъ: „оправдывается премудрость отъ чадъ своихъ“ (Матѣ. 11, 19), т. е., во внѣшнемъ поведеніи обнаруживается внутреннее расположеніе ума и сердца человѣческаго. И вотъ чада современной премудрости со всею откровенностію выдаютъ свое внутреннее высокомеріе и горделивость. Мы говоримъ о томъ тщеславіи и самовосхваленіи, которыми преисполнены рѣчи современныхъ дѣятелей и не столько великихъ ученыхъ, сколько ихъ рабскихъ послѣдователей. Мало того, что они вообще о нашемъ вѣкѣ съ упоеніемъ говорятъ: „о, нашъ вѣкъ сдѣлалъ больше всѣхъ вѣковъ предшествовавшихъ вмѣстѣ взятыхъ, занимавшихся безплодными отвлеченными изслѣдованіями“; но и въ частныхъ случаяхъ при какомъ либо новомъ изобрѣтеніи, или замѣчательномъ сооруженіи, даже при постройкѣ новаго увеселительнаго заведенія, возглашаютъ: „это наша гордость, этимъ мы *справедливо* можемъ гордиться!“ Все это тяжело ложится на христіанское чувство. Но не много нужно труда, чтобы съ христіанской точки зрѣнія и на основаніи здраваго смыс-

ла оцѣнить всю суетность и легкомысліе этого тщеславія.

Во первыхъ, нѣтъ гордости „справедливой“. Природа, изучаемая современными учеными, не ими создана, и способности, которыя они при этомъ обнаруживаютъ, не ими пріобрѣтены, а отъ нѣкоего высшаго начала и источника, какъ его ни назовите (христіане говорятъ: „отъ Бога“). Успѣхи ихъ трудовъ зависятъ отъ условій, которыя не всегда въ ихъ власти (христіане говорятъ, что они зависятъ отъ воли и благословенія Божія): что-же въ ихъ великихъ пріобрѣтеніяхъ остается на ихъ долю? Только труды, но и они—оправдаются-ли благотворными послѣдствіями,—это не всегда извѣстно. И вотъ подобнымъ горделивымъ людямъ Апостоль Павелъ говоритъ: „что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получившій?“ (1 Кор. 4, 7). Какое же чувство прилично христіанину при достиженіи успѣха въ трудѣ?—Благодареніе Богу и кроткая радость о дарованной милости Божіей въ успѣхѣ дѣла. „Хвалящійся хвались о Господѣ“ (1 Кор. 1, 31).

Далѣе,—современные дѣятели въ упоеніи своими успѣхами забываютъ ту великую истину, что нѣтъ полного совершенства въ дѣлахъ человѣческихъ, и что слѣдомъ за успѣхами не рѣдко идутъ неудачи и даже несчастія. Такъ не было прежде такихъ удобныхъ путей сообщенія, но не было и такихъ несчастій, какъ крушеніе цѣлыхъ поѣздовъ и частые случаи смерти и тяжелыхъ увѣчій, какія постигаютъ служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ. Не было такихъ успѣховъ промышленности, но не было и такихъ тяжелыхъ работъ для бѣдныхъ людей изъ за куска насущнаго хлѣба, какъ работы въ каменно-угольныхъ копяхъ и на заводахъ, которыя напоминаютъ участь осужденныхъ пристуни-

ковъ—и еще угрожаемыхъ взрывами газовъ, отъ которыхъ люди гибнутъ сотнями. Не было такихъ успѣховъ во врачебномъ искусствѣ, какъ нынѣ. но не было и нервныхъ болѣзней, происходящихъ отъ изысканной жизни, и годъ отъ году умножающихся умопомѣшательствъ. Не было такихъ удивительныхъ орудій для войны, но не было и такихъ опасеній за избіеніе и изувѣченіе милліоновъ людей и за бѣдствія ихъ семействъ. Не было такихъ удобствъ жизни, но не было и такой бѣдности и нищеты, какую нынѣ видитъ просвѣщенный міръ рядомъ съ богатствомъ и роскошью. Всё это должно умѣрить гордость ученыхъ, а христіанскаго мыслителя озабочиваетъ вопросомъ: куда ведетъ путь современной жизни и что ожидаетъ человѣчество въ будущемъ,—рай на землѣ, или нѣчто другое? Погребенныя въ землѣ древнія цивилизаціи наводятъ на печальныя размышленія; а продолжающееся распространеніе матеріализма отнимаетъ надежду на свѣтлое будущее. Что значатъ эти восторженные возгласы въ рѣчахъ писателей современнаго направленія: „нынѣ вѣкъ электричества, пара, желѣзныхъ дорогъ, машинъ, аэростатовъ, телеграфовъ, телефоновъ и пр.?—То, что нынѣ вѣкъ матеріализма въ наукѣ и жизни, и ничего болѣе.

„Не высокоумудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ.“ Кто эти смиренные, которымъ Апостоль повелѣваетъ намъ послѣдовать, удаляясь отъ высокоумудрія?—Это тѣ истинные, живые члены церкви Христовой, съ которыми онъ требуетъ отъ насъ единомыслія. Называетъ же онъ ихъ смиренными не по недостаткамъ ихъ въ познаніи истины, и не по нравственной немощи, но именно по внутренней ихъ силѣ и могуществу, въ сравненіи съ гордыми философами; такъ какъ христіанамъ было извѣстно, что „Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрое, и немощное міра избралъ Богъ,

чтобы посрамить сильное, и не знатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы посрамить значущее“. (1 Кор. 1, 27—28). Прошли вѣка, смѣнялись народы и ихъ руководители, возникали и исчезали новыя направленія въ области знанія; отъ горделивыхъ мудрецовъ вѣка возникали противъ этихъ смиренныхъ—порицанія, преслѣдованія, гоненія, но они живы и сильны силою своего „кроткаго и смиреннаго“ Учителя—Христа, давашаго имъ въ божественной истинѣ и благодати Святаго Духа „сильныя оружія на разрушеніе твердынь“ (2 Кор. 10, 4), т. е., всѣхъ ложныхъ человѣческихъ системъ и ученій.

Намъ теперь нѣтъ надобности объяснять, какія великія блага хранятъ въ душахъ своихъ твердые послѣдователи ученія Христова, свободные отъ увлеченій вѣка: это скажутъ каждому его сердце и совѣсть. Такъ же нѣтъ нужды доказывать и то, какія тяжкія цѣпи съ ума и сердца снимутъ обратившіеся отъ матеріалистическихъ заблужденій къ вѣрѣ и церкви. Это также покажетъ имъ собственный опытъ. Намъ нужно только дать отвѣтъ на два вопроса. Первый: препятствуетъ-ли вѣра христіанская успѣхамъ современныхъ наукъ, въ чемъ упрекаютъ христіанство? Второй вопросъ: справедливо-ли христіанъ, твердыхъ въ вѣрѣ, обвиняютъ въ слѣпой враждѣ къ современному научному направленію и даже въ склонности къ преслѣдованіямъ людей этого направленія (фанатизмъ)?

Что видитъ въ природѣ христіанинъ и матеріалистъ? Для христіанина это храмъ Бога живаго, въ которомъ Его вседѣйствующею силою и промышленіемъ все рождается, питается, живетъ и радуется жизни. При созерцаніи дивной красоты созданій Божіихъ христіанинъ и въ сердцѣ своемъ чувствуетъ приливъ жизни и радости. Вздохъ, обращенный къ Создателю въ чув-

ствѣ благодарности, свидѣтельствуемъ о заложенномъ въ духѣ человѣка сознаниі его сродства съ Богомъ и стремленіи къ вѣчной жизни въ союзѣ съ Нимъ. Это чувствуетъ и земледѣлецъ, перекрестясь, выходящій въ поле съ восходомъ солнца, и естествоиспытатель, собирающій на лугахъ растенія и рѣдкихъ насѣкомыхъ, и изслѣдователь горныхъ высотъ и ихъ богатствъ, и мореплавателъ среди красотъ необъятнаго моря. Что же долженъ чувствовать матеріалистъ, при своихъ научныхъ работахъ, согласно съ направлениемъ своего духа? Думаемъ, что нѣчто похожее на то, что ощущаетъ служащій на фабрикѣ, который приходитъ наблюдать за своимъ дѣломъ. Машина въ ходу, колеса вертятся, работа идетъ, собираются издѣлія, подводятся счетъ прибытковъ. Онъ изучаетъ строеніе фабрики, и, не помышляя о великомъ Художникѣ, Который построилъ ее, гордится только своимъ умомъ и тѣмъ, что онъ *понимаетъ* ее, и можетъ направлять ея дѣйствія и произведенія въ свою пользу. Если же онъ скажетъ, что и ему нечужды безкорыстные эстетическія наслажденія красотами природы, то этимъ онъ только докажетъ, вопреки своему ученію, что и въ немъ есть душа, стремящаяся въ область представленій и ощущеній, превышающихъ механическое движеніе и отправленіе матеріи, что напрасно онъ стѣсняетъ горизонтъ своей мысли, направляя взоръ свой въ центръ міровой матеріи, въ ту темную бездну, въ которой онъ ничего не видитъ, откуда, по его ученію, выдвигается все существующее (эволюція). Изъ этого видно, что христіанинъ—естествоиспытатель въ изученіи природы находитъ двойной интересъ. Онъ видитъ въ природѣ, по древнему выраженію, первую книгу, въ которой Богъ открылъ себя человѣку, и въ изслѣдованіи твореній Божихъ сближается съ умомъ творческимъ и находитъ

великое духовное утѣшеніе въ созерцаніи Того, Кто разсыпалъ въ видимомъ мірѣ чудеса Своей премудрости и всемогущества. Такимъ образомъ, сверхъ вещественной пользы отъ изученія природы онъ находитъ еще питательную для своего духа возможность сближенія такъ называемаго естественнаго откровенія съ сверхъестественнымъ, библейскимъ, и возможность восходить отъ созерцанія міра видимаго къ невидимому и достигать сближенія съ послѣднимъ. Итакъ, матеріалистъ есть поденный работникъ въ природѣ, невидящій ничего дальше своего привычнаго частнаго мастерства (спеціальности), а христіанинъ есть созерцатель природы въ ея цѣломъ и стройномъ движеніи, направляемомъ перстомъ Божиимъ. А по высшему христіанскому ученію и опытамъ христіанской жизни, онъ есть не только обладатель, но въ лицѣ святыхъ Божіихъ и *повелитель* природы чудодѣйственной силою Божіею.

Упрекъ въ нетерпимости и враждѣ къ современному развитію наукъ и общественнаго благоустройства, дѣлаемый нынѣ строгимъ христіанамъ, есть плодъ недоразумѣнія и легкомыслія порицателей. Только крайности и односторонности въ современномъ направленіи возбуждаютъ опасенія и вызываютъ предостереженія со стороны христіанскихъ мыслителей. Не изученіе природы и не употребленіе ея силъ и законовъ на улучшеніе человѣческаго благосостоянія, а погруженіе въ матеріальную жизнь природы съ забвеніемъ духа и его высшей жизни,—не великія усовершенствованія въ разныхъ отрасляхъ общежитія, которыми всѣ мы съ благодарностію пользуемся, а излишества и прихоти въ удобствахъ жизни, питающія роскошь, суетность и тщеславіе,—не богатство, а безсердечіе въ пользованіи имъ,—не удовольствія, а плотское и порочное ихъ направленіе,—не многосторонняя ученость, а гордость и

невѣріе,—вотъ что заслуживаетъ справедливаго осужденія съ христіанской точки зрѣнія.

Но по истинѣ удивительна, по отношенію именно къ нашему вѣку, послѣдняя мысль апостольскаго наставленія: „не мечтайте о себѣ“. Какъ будто нарочито она къ намъ направлена. Кто нынѣ подъ вліяніемъ горделивости и самонадѣянности нашего вѣка не мечтаетъ о себѣ, т. е., не почитаетъ себя болѣе даровитымъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, заслуживающимъ болѣе достойнаго его положенія, чѣмъ то, въ какомъ онъ поставленъ, способнымъ къ болѣе высокимъ дѣламъ и должностямъ, чѣмъ какія ему поручены? Развѣ только истинно смиренный христіанинъ свободенъ отъ такого самообольщенія и самонадѣянности. И какъ дорого расплачиваются нынѣ люди гордые за свои ошибки въ выборѣ занятій не по силамъ, въ предпріятіяхъ необдуманыхъ, въ перемѣнѣ скромнаго, но твердаго положенія на случайное и не вѣрное, въ борьбѣ съ препятствіями и затрудненіями не взвѣшенными и не осмотрѣнными! Все это достаточно можно видѣть въ ежедневныхъ опытахъ современной жизни.

Но для васъ, благородныя дѣвицы, особенно должно быть полезно наставленіе Апостола, какъ предостереженіе отъ невѣрныхъ сужденій по возбужденному нынѣ, такъ называемому, „женскому вопросу“. Нынѣ и женщины возмечтали о себѣ, что онѣ должны быть равны съ мужчинами,—не по призванію, какъ учитъ христіанство, къ вѣрѣ во Христа, ко всѣмъ нравственнымъ подвигамъ и степенямъ совершенства и блаженства въ будущей жизни, гдѣ *нѣтъ мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 22),—а ко всѣмъ трудамъ, должностямъ и отличіямъ общественнымъ, какими пользуются исключительно мужчины. Невозможно дать вамъ въ этомъ отношеніи точныя и подробныя наставленія, которыми

могла бы руководиться каждая изъ васъ въ отдѣльности. Но есть особая практическая наука, такъ называемое, „христіанское благоразуміе“, т. е., вѣрный взглядъ на жизнь, складывающійся при чистомъ сердцѣ, при усвоеніи и памятованіи наставленій и заповѣдей Христа Спасителя; это особый христіанскій разумъ, который Апостолъ Павелъ, въ высшемъ его развитіи, называетъ „умомъ Христовымъ“ (1 Кор. 2, 16). Не выходите изъ предѣловъ христіанскихъ понятій о человѣкѣ, его природѣ, назначеніи, обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и порокахъ, о неустранимыхъ особенностяхъ женщины по ея призванію, природнымъ свойствамъ и склонностямъ, съ утратою которыхъ она перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должна быть; объ измѣнчивости обстоятельствъ нашей жизни, о нашей слабости и беспомощности въ удаленіи отъ Бога и вѣры въ Его благое промысленіе о насъ. Есть краткое, но знаменательное и много объясняющее въ этомъ отношеніи наставленіе св. Апостола Петра, данное въ руководство женщинамъ христіанкамъ, бывшимъ въ супружествѣ за язычниками. Онъ не учитъ ихъ (даже при унижительномъ положеніи, въ какомъ были женщины у язычниковъ) отыскивать свою равноправность съ мужчинами вслѣдствіе своего новаго призванія къ высшей жизни въ христіанствѣ, а, оставляя ихъ въ естественномъ семейномъ ихъ положеніи, указываетъ великую силу и вліяніе на язычниковъ христіанскаго ихъ поведенія. „И вы, жены, говоритъ Апостолъ, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова приобрѣтаемы были (Христу), когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе“ (Петр. 3, 1—2). Таково же, разумѣется, должно быть положеніе и дѣвицы въ нашемъ обществѣ. Всѣ вызыватели женщинъ на несвойственную вамъ общест-

венную дѣятельность безъ словъ будутъ вразумляемы вашею вѣрностью ученію Христову и „богобоязненнымъ житіемъ вашимъ“. А направленіе жизни и устройство судьбы вашей, при руководствѣ любви къ вамъ и опытности родителей и благонамѣренныхъ друзей христіанскаго направленія,—предоставляйте Господу, отъ Котораго *стопы чловѣка исправляются* (Пс. 36, 23) и молитесь съ вѣрою: „укажи мнѣ, Господи, путь, по которому мнѣ идти, ибо къ Тебѣ я возношу душу мою“ (Пс. 142, 8).

Заклучимъ нашу бесѣду словами Христа Спасителя нашего: „будьте мудры, какъ зміи, и просты (не злобивы), какъ голуби“ (Матѣ. 10, 16) и наставленіемъ великаго истолкователя ученія Христова, св. Апостола Павла, особенно нужнымъ въ наше время, когда христіанъ обвиняютъ въ отчужденіи отъ современной образованности: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Сол. 5, 21). Аминь.

Чудо на Гадаринскомъ берегу Галилейскаго моря.

(Мѡ. VIII, 28—34; Мр. V, 1—20; Лук. VIII, 26—39).

Есть, несомнѣнно, какая-то глубокая тайна въ исторіи кратковременнаго пребыванія Господа Иисуса Христа на противулежащемъ отъ Галилеи берегу Галилейскаго или Геннисаретскаго озера—моря, а между тѣмъ, эта исторія представляется тѣмъ болѣе знаменательною, что мѣстомъ совершенія передаваемыхъ ею событій является, но всей вѣроятности, страна языческая,—о чемъ болѣе подробная рѣчь будетъ ниже,—и мы имѣемъ въ ней такимъ образомъ изображеніе перваго опыта проповѣди, обращенной Иисусомъ Христомъ къ язычникамъ ¹⁾).

Послѣ плаванія по бурному озеру—морю, во время котораго Апостолы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ познали, что Учителю ихъ и море, и вѣтры повинуются (Мѡ. VIII, 28 и пар.), Господь вступилъ съ ними въ страну, которую св. Матѡей именуетъ Гергесинскою, а Маркъ и Лука—Гадаринскою ²⁾). Не могло еще пройти впечатлѣніе отъ великаго чуда укрощенія бурнаго моря, какъ здѣсь же, на его берегу, совершается новое чудо, чудо укрощенія бурнаго смятенія—на сей разъ уже не въ морѣ, а въ душѣ человѣческой.

Едва вступилъ Господь на берегъ Гадары, какъ Его тотчасъ ³⁾ встрѣтилъ несчастный, одержимый духами нечистыми ⁴⁾).

¹⁾ Такъ смотритъ на эту евангельскую исторію о. А. В. Горскій въ своей „Исторіи евангельской и Церкви апостольской“ (Акад. лекц. Моск. 1883). Стр. 184.

²⁾ Объ этомъ разногласіи въ наименованіи мѣстности между свв. повѣствователями рѣчь будетъ ниже.

³⁾ Мр. V, 2.

⁴⁾ По ев. Матѡею, ихъ было два. О семъ подробнѣе скажемъ также впереди.

Унизительное для разумнаго существа и мучительное положеніе—потерять свой разумъ, свою волю, и слѣдовать велѣніямъ воли чуждой, враждебной,—воли, только ко злу направленной, только погибель строящей (1 Петр. V, 8). Что могло быть мучительнѣе для того, кто по самому происхожденію своему предназначенъ быть образомъ и подобіемъ Творца своего, въ чьемъ бессмертномъ духѣ живетъ незаглушимое стремленіе къ добру и къ вѣчному, верховному Источнику всякаго добра и любви; что для человѣка могло быть горше и прискорбнѣе этого безвольнаго служенія послушнымъ орудіемъ для врага всего сущаго, для врага Божія?... А тотъ несчастный, что повстрѣчался Господу въ Гадарѣ, былъ особенно несчастенъ, особенно жалокъ. Евангелисты повѣствуютъ о немъ, какъ о какомъ то полномъ отщепенцѣ человѣческаго общества: *и отъ ризы не облачашеся, и во храмъ не входивше, но во гробѣхъ* ¹⁾,—т. е. въ пещерахъ, высѣченныхъ въ горахъ, въ окрестностяхъ города ²⁾, куда, конечно, рѣдко и лишь по крайней нуждѣ проникали люди, что и обуславливало возможность почти полнаго уединенія. Велика была надъ несчастнымъ власть злыхъ демоновъ и проявлялась она въ самыхъ унижительныхъ для человѣка и безумныхъ формахъ бѣшенства, дѣлая его предметомъ ужаса и тяготы и для другихъ, *якоже не моги никому минути путемъ тѣмъ* ³⁾. *И вязяху его узы желѣзны и нуты* ⁴⁾, *стерегуще его, и разтерзая узы, гонимъ бывше бысы сквозь пустыни* ⁵⁾... Его вязали цѣпями, прибѣгали къ мѣрамъ самымъ суровымъ, какъ бы по отношенію къ дикому звѣрю,—а развѣ самъ онъ не страдалъ,

¹⁾ Лк. VIII, 27.

²⁾ Почва горъ въ окрестностяхъ Гадары—мигкій известнякъ—была особенно удобна для устройства въ нихъ громадныхъ пещеръ. Д—ръ Коппинггэвъ Гейки. Жизнь и ученіе Христа. Пер. съ англ. св. М. Фивейскаго. Москва. 1894. Выпускъ III, стр. 180.

³⁾ Мѣ. VIII, 28.

⁴⁾ Πέδας καὶ ἀλύσει. —"Αλύσει—цѣпь вообще, а πέδη ножная цѣпь. Слѣд., его связывали цѣпями вообще, а въ частности еще сковывали ему ноги. См. у Ольсгаузена, стр. 294. (Biblischer Commentar über sammtlichen Schriften des Neues Testaments zunachts für Prediger und Studirende. Von. Dr. H. Olshausen 1. Bd., 3. Aufl. Königsberg. 1837) и у Мейра стр. 69 (Kritisch—exegetischer Kommentar über das Neue Testament Von Dr. H. Meyer. 1. Abth; 2 t.; krit—exeg. Handbuch über die Evangelien des Marcus und Lucas.—5 Aufl. Göttingen. 1867.

⁵⁾ Лук. VIII, 29.

не мучился ужасно? Нѣтъ, велики были и собственные его муки—и физическія, и нравственныя, при пробуждавшемся сознаниі своего ужаснаго состоянія: *и выну ночь и день во гробѣхъ и въ горахъ бѣ вопія и толкійся каменіемъ*,—всегда ночью и днемъ въ горахъ и гробѣхъ кричалъ онъ и бился о камни ¹⁾. Таковы прямыя евангельскія свидѣтельства о силѣ власти демонской надъ нимъ и о мученіяхъ его; но мы имѣемъ и косвенное свидѣтельство о томъ же, еще яснѣе и поразительнѣе изображающее намъ ужасное душевное состояніе бѣсноватаго. Когда Господь Іисусъ Христосъ спросилъ его: *что ты есть имя?* ²⁾—вотъ какъ отвѣчалъ Ему бѣсноватый: *легеонъ* ³⁾, *легеонъ имя мнѣ, яко мнози есмь* ⁴⁾. Очевидно, несчастный дошелъ уже до такого положенія, что не различалъ своей души отъ обдержавшихъ ее духовъ, отождествлялъ себя съ демонами, говорилъ о себѣ въ единственномъ числѣ, разумѣя свою подавленную личность, и тутъ же теряя сознание ея, продолжалъ рѣчь во множественномъ числѣ—по числу обдержавшихъ ее...

Но и поработенное, и угнетенное, и поруганное, существо человѣка неудержимо влечется къ Тому, въ Комъ для него жизнь и блаженство. Чудомъ знаменуется уже первое вступленіе Господа на берегъ Гадары. Какъ ни велика, ни исключительна была власть нечистыхъ духовъ надъ бѣсноватымъ,—она сразу колеблется и уступаетъ мѣсто иной, высшей власти: одинъ взглядъ на дивнаго Пришельца, или, быть можетъ, первоначально одно даже ощущеніе присутствія Его—потрясаетъ все существо бѣсноватаго, озаряетъ свѣтомъ душу его, восстанавливаетъ ее противъ насильственнаго владычества... Очевидно, не волю злыхъ духовъ, которой доселѣ былъ онъ столь послушенъ, творилъ бѣсноватый, когда, *узрѣвъ Іисуса издаля, тече и поклонися Ему*,—воздалъ Ему благоговѣйное поклоненіе (*προσεκύνησεν* ⁵⁾), *прииде къ Нему* (*προσέπεσεν* ⁶⁾), какъ къ своему послѣднему защитнику, своей послѣдней надеждѣ. Такъ поступилъ тотъ, кто одер-

¹⁾ Мрк. V, 5.

²⁾ Лк. VIII, 30.

³⁾ Лк. VIII, 30.

⁴⁾ Мар. V, 9.

⁵⁾ Мр. V, 6.

⁶⁾ Лк. VIII, 28.

жимъ былъ человѣконенавистничествомъ, кто небезопасной для путниковъ дѣлалъ дорогу въ горахъ межъ гробовъ; такъ поступилъ одержимый легиономъ злыхъ духовъ, для которыхъ приближеніе къ Сыну Божию было явленіемъ на судъ грознаго Судии; такъ поступилъ тотъ, кто долженъ былъ не прибѣгнуть къ Господу, а поспѣшно убѣжать отъ Него... Но святое спокойствіе, кроткое величіе, видъ Владыки неба и земли—неудержимо привлекли къ себѣ несчастнаго, мгновенно возбудили его къ борьбѣ съ чуждой, подчинившей его себѣ волей,—и вотъ человѣкъ дѣлаетъ все, что только онъ могъ въ такомъ положеніи сдѣлать. Онъ чувствовалъ, что искра сознанія въ немъ сейчасъ потухнетъ, что ему не дано будетъ и высказать ни просьбы, ни мольбы, что его слово послужитъ лишь къ выраженію мыслей и желаній одержавшихъ его,—и съ жалкимъ, мучительнымъ крикомъ онъ припадаетъ только къ стопамъ Господа ¹⁾).

Но, хотя на мгновеніе, онъ побѣдилъ врага, и эта побѣда въ окончательную и полную обращена была Тѣмъ, къ Кому онъ прибѣгъ, Чья сила и совершается именно въ немощи. Милосердая надъ несчастнымъ, Господь властно повелѣлъ: *изыди, душе нечистый* ²⁾, *отъ человека* ³⁾. Тогда бѣсноватый, вновь

¹⁾ Ольсгаузенъ (Bibl. Comm. S. 295) полагаетъ, что *κράξας μεγάλη ψωνή* не должно быть въ текстѣ Марка и Луки относимо къ *προσεχόντες* (у Луки собств. *ἀνακράξας*—къ *προσέπεσεν*), а—къ послѣдовавшей затѣмъ просьбѣ демоновъ. Но текстъ Луки совершенно несогласимъ съ такимъ представленіемъ дѣла. Сверхъ того, почему крикъ бѣсноватаго должно считать лишь обнаруженіемъ власти надъ нимъ демоновъ,—непонятно.

²⁾ Господь обращается, такимъ образомъ, въ единственномъ числѣ: *душе нечистый*,—тогда какъ самъ бѣсноватый изъясняетъ, что бѣсовъ въ немъ весьма много, легионъ. Можно думать, что Господь говорилъ въ смыслѣ собирательномъ, т. е., подъ духомъ нечистымъ разумѣлъ всю нечистую силу, вселяющуюся въ человѣка, независимо отъ численной ея величины. Но трудно принять то мнѣніе, что бѣсноватый заблуждался, предполагая въ себѣ одновременное бытіе многихъ духовъ, и потому его слова должны быть понимаемы лишь въ томъ смыслѣ, что его мученія были разнообразны и ужасны. Такъ—Годэтъ (Commentar zu dem Evangelium des Lucas—von E. Godet. Deutsch bearbeitet von C. Wunderlich. Hannover 1872. S. 215). Ибо евангелисты о бѣсахъ далѣе вездѣ говорятъ во множественномъ числѣ, что и соотвѣтствуетъ самому событію гибели цѣлаго стада свиней (а не одного животнаго) въ морѣ. Кромѣ того, трудно допустить и то, чтобы бѣсноватый отвѣчалъ Господу самъ отъ себя; общее содержаніе его рѣчи показываетъ въ немъ именно лишь безвольное орудіе сатаны.

³⁾ Мрк. V, 8.

обращаясь въ безвольное орудіе сатаны, отвѣчалъ Ему: *что мнѣ и Тебѣ, Иисусе, Сыне Бога Всевышняго? Заклинаю Тя Богомъ, не мучи мене* ¹⁾. Его устами, и не только устами, но и понятіями врагъ его говорилъ противъ него. Несчастнѣйшій по видимому противился избавленію, которое принесъ ему Господь, и чисто по человѣчески „заклиналъ Его Богомъ“ „не мучить его“, когда Господь именно и избавлялъ его отъ мученій.

Тогда то, видя его состояніе и желая возвратить его къ сознанію своей личности, Господь спросилъ его, какъ обычно спрашиваютъ, когда хотятъ возвратить человѣка къ самосознанію: „какъ тебѣ имя“?—Имя, носимое нами отъ рожденія, пріобрѣтаетъ для насъ великое значеніе и силу; оно для насъ уже не звукъ пустой,—въ немъ отраженіе нашего я, въ немъ для насъ и сокращенная исторія всей прожитой нами жизни. Произнесенное, оно имѣетъ свойство мгновенно обращать нашу мысль къ самимъ себѣ... Но мы видѣли, какъ отвѣтилъ на вопросъ Господа бѣсноватый. Онъ не могъ уже возвратиться, такъ сказать, къ себѣ самому, ибо на пути стояли грозные призраки, подобныя тѣмъ грознымъ, непобѣдимымъ полчищамъ Римской имперіи, предъ которыми въ безсиліи простирался весь тогдашній міръ. Римскій легіонъ ²⁾ былъ въ то время для народовъ символомъ и олицетвореніемъ чужеземнаго ига и той страшной, побѣдоносной силы, которая налагала его, почти исключая всякую возможность сопротивленія,—бѣсноватый и отвѣчалъ, что имя ему—легіонъ, *яко мнози есмы*,—добавилъ онъ въ поясненіе. Призывъ къ самосознанію остался не услышаннымъ; одержимый говорилъ только отъ имени обдержавшихъ его...

Но столь ужасно проявлявшаяся надъ несчастнымъ власть демоновъ была бессильна предъ явившимся Сыномъ Божиимъ. И бѣсы это знали... Хотя самое приближеніе бѣсноватаго ко Христу, припаденіе къ стопамъ Его, ясно указывало, что онъ, если не позналъ, то, по крайней мѣрѣ, почувствовалъ въ Немъ милующаго Бога, привлекся къ Нему той таинственной силой, которою влечется всякая душа человѣческая къ Творцу

¹⁾ Мрк. V, 7; ср. Лк. VIII, 28.

²⁾ 4000 чел.

своему Богу: однако же, трудно думать, чтобы и въ первоначальномъ даже возгласѣ его: *Иисусе, Сыне Бога Всевышняго!*... заключалось исповѣданіе съ его стороны Божества Иисуса Христа. Скорѣе, въ виду того, что во всей бесѣдѣ своей со Спасителемъ бѣсноватый является только какъ безвольное орудіе злыхъ духовъ, должно предполагать, что и эти слова были обнаруженіемъ *ихъ* именно знанія объ Иисусѣ Христѣ, какъ истинномъ Сынѣ Божіемъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и неоднократно свидѣтельство евангелистовъ о дѣйствительности такого знанія у злыхъ духовъ относительно лица Господа Иисуса Христа (Мр. I, 34; III, 11—12; Лк. IV, 41). Вотъ почему и св. Іоаннъ Златоустъ, изъясняя вопль демоновъ ко Христу: *что намъ и Тебѣ, Иисусе, Сыне Божій? Пришелъ еси съмо прежде време не мучити насъ*,—замѣчаетъ: „тогда какъ народъ почиталъ Его человѣкомъ, бѣсы пришли исповѣдать Божество Его, и тѣ, которые оставались невнимательными при возмущеніи и укрощеніи моря, услышали демоновъ, взывающихъ о томъ, о чемъ возвѣщало море своею тишиною“¹⁾.

Но, зная Иисуса Христа, какъ истиннаго Сына Божія, демоны знали Его и какъ Судію, Который нѣкогда произнесетъ надъ ними грозный Свой приговоръ (Мѡ. XXV, 41). Этотъ послѣдній судъ будетъ предѣломъ, съ котораго невозможно станетъ ихъ злая дѣятельность на землѣ, и сами они навсегда заключены будутъ въ бездну; отсюда раскрывается истинный смыслъ жалобы ихъ: *пришелъ еси съмо прежде време не мучити насъ*²⁾, и ихъ мольбы: *и моляху Его, да не повелитъ имъ въ бездну ити*³⁾. За особыя злодѣянія, за особое преступленіе, выразившееся въ поработченіи свободной человѣческой личности, демоны опасались ускоренія надъ ними суда, наступленія для нихъ мученій *прежде време*.

Господь не отвѣчалъ на это ихъ моленіе, самымъ Своимъ молчаніемъ подтверждая, что они не ошиблись въ своемъ горестномъ предположеніи. Нѣтъ, конечно, основаній думать,

¹⁾ Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго Бесѣды, въ Евангелиста Матѡея. Изд. 2-е Москва 1843. ч. I, стр. 577.

²⁾ Мѡ. VIII, 29.

³⁾ Лк. VIII, 31.

что съ этого же времени для нихъ должно было начаться то полное воздаяніе, которое для всѣхъ имѣетъ наступить лишь послѣ послѣдняго суда; но уже самое удаленіе *въ бездну* ¹⁾ (по Лукѣ, а по Марку—*изъ страны той*) было для нихъ величайшимъ наказаніемъ, ибо лишало ихъ возможности дѣлать зло, въ чемъ единственно они и находили себѣ отраду и наслажденіе,—и возвращало ихъ вниманіе исключительно къ себѣ самимъ, ко внутреннему ихъ ужасному состоянію. Высшее наказаніе для злыхъ волей—это предоставленіе ихъ самимъ себѣ, безъ возможности проявленія себя во внѣ, заключеніе ихъ въ узкую сферу личнаго бытія: если самое зло нравственное, по сущности и глубочайшимъ основаніямъ своимъ, есть стремленіе къ самобытію существъ ограниченныхъ и всецѣло зависящихъ отъ единого источника бытія—Бога, то и соотвѣтствующее этому злу наказаніе должно состоять въ опытномъ познаніи всей лживости, тщетности такого мятежнаго стремленія. Но доколѣ для злыхъ духовъ оставляется еще возможность во внѣ проявлять свою злую волю, дотолѣ дѣйствительная пустота и бессодержательность ихъ бытія, въ отрѣшеніи отъ полноты жизни Божественной, еще какъ бы нѣсколько заполняется, и мучительная ложь его не столь ясна и ужасна; послѣдній же судъ, когда наступитъ изгнаніе ихъ изъ всей „страны“, изъ вселенной, когда послѣдуетъ заключеніе ихъ въ „бездну“, гдѣ они предоставлены будутъ лишь себѣ самимъ,---и будетъ „временемъ“ наступленія страшныхъ мученій ²⁾).

Молчаніе Госнода въ отвѣтъ на моленіе демоновъ знаменовало, что Онъ не измѣняетъ рѣшенія Своего, что Его владычественное повелѣніе должно быть исполнено ³⁾. Тогда они рѣшаются на послѣднюю просьбу: *бгси же моляху Его, гла-*

¹⁾ Ἄβυσσος—бездна. Ср. Римл. X, 7; Апокал. IX, 1—2, 11; XI, 7; XVII, 8; XX, 1—2. Тоже, что *τάρταρος* (2 Петр. II, 4) и *γέεννα*,—мѣсто заключенія злыхъ духовъ. Ветхозавѣтный *шеолъ* не имѣетъ такого значенія.

²⁾ Полюе подробнѣя разсужденія о предоставленіи злымъ волямъ замкнуться въ себѣ самихъ, какъ высшемъ для нихъ наказаніи, можно читать въ книгѣ пр. И. Иванова: *Дѣбро и зло въ исторіи рода человѣческаго по свидѣтельству Св. Писанія*. Воронежъ. 1894. См. стр. 64—72; 458—459 et passim.

³⁾ Что молчаніе Господа въ данномъ случаѣ имѣло значеніе отвѣта отрицательнаго,—видно вмѣнно изъ этихъ словъ демоновъ: *аще изгонити ны...* и т. д.

гомоше: *еще изгоними ны, повели намъ ити въ стадо свиное* ¹⁾. И повелъ имъ абіе Іисусъ ²⁾,—и рече имъ: *идите* ³⁾. Понятна эта просьба злыхъ духовъ,—ненасытная злоба побуждаетъ ихъ хотя меньшимъ горемъ людскимъ вознаградить себя за невозможность творить бѣльшее,—и вотъ, когда Господь даетъ имъ желанное повелѣніе, они—*изшедше отъ чловѣка, внидоша во свинія, и устремися стадо по берегу въ озеро и истопе* ⁴⁾. А животныхъ было около двухъ тысячъ ⁵⁾.

Послѣдующее повѣствованіе евангелистовъ со всею ясностію даетъ познать дѣйствительную таинственность и необычайность событій, ознаменовавшихъ пребываніе Господа на берегахъ Гадары. Становится очевиднымъ, что, если таинственною и загадочною является исторія этихъ событій у евангелистовъ, то это единственно потому, что такова она и сама по себѣ, такова она и въ самой сущности своей,—и если такую же является и на страницахъ Евангелія, то это—только знакъ того безпристрастія, той вѣрности, съ какою передали ее евангелисты, ничего къ ней не прибавляя, ничего въ ней не разъясняя,—передавая ее именно въ томъ видѣ, въ какомъ она имѣла мѣсто.

Что такой таинственный и необычайный характеръ имѣла настоящая исторія и на самомъ дѣлѣ,—видно именно изъ того впечатлѣнія, какое она произвела на очевидцевъ ея,—изъ того душевнаго состоянія, въ какое приведены были жители страны Гадаринской необычайнымъ происшествіемъ, случившимся въ области ихъ.

Пасущіе свиней нобѣжали и рассказали въ городѣ и въ деревняхъ ⁶⁾ обо всемъ и о томъ, что было съ бѣсноватымъ ⁷⁾. И вотъ, весь городъ вышелъ на встрѣчу Іисусу ⁸⁾—посмотрѣть, что случилось ⁹⁾. Приходятъ къ Іисусу и видятъ, что бѣсно-

¹⁾ Мѡ. VIII, 31.

²⁾ Мрк. V, 13 ср. Лк. VIII, 32.

³⁾ Мѡ. VIII, 32.

⁴⁾ Лук. VIII, 33 ср. Мрк. V, 13 и Мѡ. VIII, 32.

⁵⁾ Мрк. V, 13.

⁶⁾ Мрк. V, 14; Лук. VIII, 34.

⁷⁾ Мѡ. VIII, 33.

⁸⁾ Мѡ. VIII, 34.

⁹⁾ Мрк. V, 14; Лк. VIII, 35.

ватый, въ которомъ былъ легионъ, сидитъ ¹⁾ у ногъ Иисусовыхъ ²⁾, одѣтый и въ здоровомъ умѣ, и—убояшася ³⁾.

Убояшася... во чего же именно?... Того ли, что Господь проявилъ божественную силу и власть, что въ Его лицѣ они ощутили присутствіе Всемогущества?... Но проявленіе этого Всемогущества было благодѣтельно и цѣльбоносно; страданія разумнаго существа Господь замѣняетъ гибелью, хотя и многихъ существъ, но существъ неразумныхъ; человѣкъ къ благодѣющей Силѣ долженъ былъ чувствовать не ужасъ и страхъ, а любовь и довѣріе... Или ужаснулись Гадаряне, видя *человѣка съдѣша, изъ него же бѣси изыдоша, оболена и смѣшляща, при ноу Иисусову?* ⁴⁾... Но это зрѣлище было радостно, а не ужасно; оно должно было подвигнуть на благодарность Исцѣлителю, а не на „моленіе“—*отъити отъ нихъ*. Гдѣ же источникъ этого непонятнаго ужаса, этого удивительнаго моленію къ чудному врагу душъ и тѣлесъ объ удаленіи?... Неужели оно вызвано было только гибелью стадъ въ морѣ? Но евангелисты, особенно Маркъ и Лука, не желаютъ повидимому сказать этого: по ихъ повѣствованію, Гадаряне не тогда утрашились, когда получили вѣсть о гибели стадъ, а именно—когда увидѣли зрѣлище радостное: исцѣленнаго при ногахъ Исцѣлителя... Да и чувство ихъ, по изображенію его у евангелистовъ, не походитъ на то, какое вызывается у человѣка жаднаго и корыстолюбиваго, когда у него отнимаютъ его достояніе,—это не гнѣвъ, не раздражительность, не озлобленіе, вызывающее человѣка на поступки дерзкіе и насильственные: нѣтъ, Гадаряне ощутили именно благоговѣйный ужасъ (*εφοβήθησαν*) ⁵⁾, и слѣдствіемъ его была ихъ покорная просьба, или, какъ прекрасно передано въ нашемъ славянскомъ евангеліи, *моленіе* къ Господу—оставить страну ихъ ⁶⁾.

Такой благоговѣйный страхъ проистекалъ скорѣе изъ дру-

¹⁾ Мр. V, 15.

²⁾ Лк. VIII, 35.

³⁾ Мр. V, 15; ср. Лк. VIII, 35.

⁴⁾ Лк. VIII, 35.

⁵⁾ Мр. V, 15; ср. Лк. VIII, 35.

⁶⁾ И моляше. Мр. VIII, 34: *καὶ ἰδόντες αὐτὸν παρακαλεσαν*; Мр. V, 15: *καὶ ἤρξαντο παρακαλεῖν*; Лк. VIII, 37: *καὶ ἠρώτησαν*.

того источника. Такъ нѣкогда и блаженный Апостоль Петръ, при видѣ необычайнаго улова рыбы, отъ множества коихъ *протерзашеся мрежа* ¹⁾),—тогда какъ бесплодны были всѣ труды рыбарей во всю минувшую ночь,—*приаде къ колѣнома Иисусовама, глаголя: изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи.*—*Ужасъ бо одержание его и вся сущая съ нимъ,*—поясняетъ при этомъ евангелистъ ²⁾).—Не таково-ли по существу своему было и чувство Гадарянъ, при видѣ чуда дивнаго исцѣленія?... Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что Гадаряне скорѣе всего были язычниками, а въ язычествѣ развита была вѣра въ то, что сами безсмертные ихъ боги сходятъ иногда съ Олимпа и вступаютъ въ непосредственное общеніе съ людьми. На страницахъ священной новозавѣтной исторіи сохранилось одно повѣствованіе, связанное съ такою вѣрою, или, говоря точнѣе, съ такимъ суевѣріемъ языческимъ. Когда свв. апостолы Павелъ и Варнава пришли въ Листру и *тамо бѣста благовъстествующа,* ³⁾ то въ числѣ слушателей ихъ проповѣди оказался и одинъ хромоу *отъ чрева матери своея* ⁴⁾. Ап. Павелъ, видя, *яко въру имать здравъ быти* ⁵⁾, даровалъ ему исцѣленіе единымъ своимъ словомъ. И вотъ, пораженный необычайнымъ чудомъ народъ *воздвигоша гласъ свой, по Ликаонски глаголюще: бози, уподобимься челоукомъ, снисдоша къ намъ. Наричаху же убо Варнаву Діа (т. е. Зевесомъ), Павла же Эрміа* ⁶⁾. Апостолы едва успѣли разубѣдить несчастныхъ слѣпцовъ—не приносить имъ жертвы, для совершенія которой *жрецъ Діевъ уже приведе юницы и принесе юницы предъ врата* ⁷⁾. Но если таковы же были и чувства Гадарянъ по отношенію къ Иисусу Христу, то, конечно, они ближе стояли къ истинѣ, чѣмъ жители Листры, ибо, хотя и не разумѣли они Истиннаго Бога и въ Иисусѣ Христѣ видѣли, конечно, одного изъ своихъ боговъ,—все же они правы были въ томъ своемъ предположеніи, что предѣлы ихъ дѣйствительно

1) Лк. V, 6.

2) Лк. V, 8—9.

3) Дѣян. XIV, 7.

4) Дѣян. XIV, 8.

5) Дѣян. XIV, 9.

6) Дѣян. XIV, 11—12.

7) Дѣян. XIV, 13—18.—

посѣтилъ Самъ Богъ,—и благоговѣйное чувство ихъ надлежало только просвѣтить, довести ихъ до истиннаго познанія поразившаго ихъ умы Чудотворца. Хотя и суевѣрное, хотя и вполнѣ языческое,—чувство это все же скорѣе повидимому заслуживало снисхожденія и участія, чѣмъ ожесточенное невѣріе іудеевъ, которые вовсе не признавали Божества Пророка изъ Назарета (Іоан. 1, 46), которымъ только земное происхожденіе Его было хорошо извѣстно (Мѡ. XIII, 55). Какъ незнатное и простое, оно не только не вызывало благоговѣнія къ сему Пророку, но и часто, напротивъ, было основаніемъ для хулы на Него, переходившей въ оскорбленія и даже въ попытки на убіеніе Его (Іо. VIII, 59; X, 31)...

И однакоже, Господь, знавшій всю злобу ихъ, знавшій, что эта злоба будетъ причиной самой смерти Его, до конца не уставалъ въ попыткахъ просвѣтить ихъ потемненное духовное око для истиннаго познанія Его, найти дорогу къ ихъ сердцу, ожесточенному злобой,—а Гадарянъ Онъ тогчасъ покидаетъ, не разъяснивъ имъ даже, какъ заблуждались они относительно лица Его и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, близки были къ истинѣ... Или Его сердце было оскорблено тѣмъ, что ихъ чувство прямо выражается въ просьбѣ *отъйти отъ нихъ?*... Но эта просьба была естественна и понятна, ибо видѣніе Божества невозможно для человѣка въ сей жизни и потому влечетъ за собою ея прекращеніе, смерть ¹⁾. Сверхъ того, такая же просьба была однажды высказана, какъ мы видѣли, и ап. Петромъ,—и однакоже, не гнѣвъ вызвала со стороны Господа, а—напротивъ—любвеобильное ободреніе: *не бойся!*...—и великое обѣтованіе: *отселъ будешь человеки лова* ²⁾.—Чѣмъ же столь прогнѣвили Господа Гадаряне?.. Чѣмъ негодна Ему была ихъ просьба? Чѣмъ негоденъ былъ Ему ихъ благоговѣйный ужасъ предъ Его Божественнымъ лицомъ? Почему безъ укоризнъ, безъ вразумленія Онъ тогчасъ исполняетъ ихъ „моленіе,“ клонившееся къ величайшему несчастію для нихъ,—къ лишенію присутствія Его?.. Представляется очевиднымъ, что „моленіе“ Гадарянъ, помимо благоговѣнія къ Господу, какъ къ нѣкому невѣдомому

¹⁾ Исх. XXXIII, 20; Суд. VI, 28.

²⁾ Лук. V, 10.

Богу, въ основѣ своей имѣло нѣчто особенно неугодное Ему, возбранившее Ему вступленіе въ среду людей, изрекшихъ такое моленіе. Что же это было такое?...

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, должно предварительно рѣшить другой, тѣсно съ нимъ связанный: какое значеніе имѣло потопленіе стада свиней въ морѣ, дозволенное бѣсамъ Господомъ?... Какъ изъясняется соизволеніе Господа на злое желаніе ихъ?..

Обыкновенно предполагаютъ, что Гадаряне были іудеями, и въ гибели ихъ стада видятъ особое наказаніе Божіе за разведеніе животныхъ, недозволенныхъ закономъ къ употребленію въ пищу. Рѣшеніе вопроса очень легкое и повидимому естественное—и тѣмъ не менѣе весьма сомнительное; самые сторонники его легко допускаютъ и другую возможность,—что Гадаряне были язычниками ¹⁾. Уже это одно обстоятельство колеблетъ и даже совсѣмъ почти разрушаетъ значеніе и силу приведеннаго рѣшенія вопроса: объясненіе дѣйствительнаго событія причинами только возможными, очевидно, недостаточно и неудовлетворительно. Но должно сказать и болѣе: самая возможность того, что Гадаряне были іудеями, весьма трудно допустима и граничитъ съ невозможностью. Іудеи времени Христа Спасителя были весьма ревнивы къ буквѣ закона. Посему необходимо придти къ заключенію, что не могло быть съ ихъ стороны допущено разведеніе стадъ свиней.

Другое соображеніе, имѣющее въ данномъ случаѣ не менѣе важное значеніе, относится къ тому знаменательному обстоятельству, что ни одинъ изъ евангелистовъ, передающихъ исторію пребыванія Господа въ странѣ Гадаринской, не упоминаетъ о томъ, что Гадаряне были язычниками. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что доводъ „отъ умолчанія“ не всегда убѣдителенъ,—что не всегда отъ умолчанія повѣствователя о чемъ-либо должно заключать къ небытію, къ отсутствію того, о чемъ онъ умалчиваетъ. Но въ разныхъ случаяхъ этотъ доводъ пріобрѣтаетъ разную силу, получая иногда

¹⁾ Такъ, напр. Арх. Михаэль въ своемъ Тolk. Евангеліи, Ольсгаузенъ (Bibl. Comm. S. 301).—Мейеръ (Krit. exeget. Handb. S. 230), признавая Гадарянъ за іудеевъ, сомнѣвается, вѣ-ли принадлежали свиньи яля языческимъ поселенцамъ.

значеніе почти непререкаемаго свидѣтельства истины. Такимъ именно и представляется онъ въ данномъ случаѣ. Если, напр., евангелисты не передаютъ намъ ничего о томъ, сошли ли на берегъ съ Учителемъ своимъ Апостолы,—мы отсюда не въ правѣ еще заключать, что они на берегъ не сходили, а оставались въ ладьѣ, потому что это обстоятельство существеннаго значенія не имѣетъ, и этимъ умолчаніе о немъ евангелистовъ совершенно удовлетворительно и пзъясняется. Но иное значеніе имѣетъ ихъ умолчаніе о томъ, что Гадаряне были іудеями (если бы это было дѣйствительно такъ): оно было бы совершенно непонятнымъ—и въ виду необычайности, исключительности того обстоятельства, что іудеи—Гадаряне разводили свиней, и въ виду того, что это обстоятельство составляло бы тогда всю сущность въ разсказѣ о гибели въ морѣ свиней, представляя естественнѣйшее и яснѣйшее указаніе причинъ къ соизволенію на нее Господа. Возможно ли было здѣсь умолчаніе?... И не въ правѣ ли мы рассуждать такимъ образомъ, что, если евангелисты не отмѣчаютъ, какъ чего то необычайнаго, того, что Гадаряне разводили свиней, и не говорятъ, что они были іудеями, то, слѣд., Гадаряне были язычниками, для которыхъ это было дѣломъ совершенно обычнымъ и позволительнымъ;—и что, если евангелисты не предлагаютъ намъ того естественнаго объясненія соизволенія Господа на гибель стада въ морѣ, что это было наказаніемъ іудеямъ—Гадарянамъ за нарушеніе предписаній закона, а оставляютъ дѣло безъ объясненій, во всей его загадочности и темнотѣ,—то, слѣд., этого объясненія и нельзя принять въ данномъ случаѣ—и именно потому, очевидно, что Гадаряне были не іудеями, а язычниками.

Наконецъ, Іосифъ Флавій Гадару прямо называетъ греческимъ городомъ ¹⁾. По всѣмъ указаннымъ основаніямъ, объясненія соизволенія Господа на гибель стада въ морѣ нельзя искать въ томъ обстоятельстве, что Гадаряне были будто бы

¹⁾ Joseph. Antiqu. XVII, II. 4. Мы не прибѣгаемъ къ болѣе сомнительнымъ доводамъ въ пользу своего мнѣнія, каковъ, напр., доводъ Годэта (Comm. zu d. Evang. d. Lucas, S. 214), который въ именованіи Иисуса Христа—*Сыномъ Бога Вышняго* видитъ подтвержденіе сильнаго развитія политеизма въ Гадарѣ. Но странно и заключеніе Мейера (Krit.—exeget. Handb., S. 230) изъ словъ бѣсноватыхъ у Мн.: *прителъ еси съмо прежде времеи мучити насъ*, что они были іудеями.

іудеями и разводили животныхъ, выдѣленныхъ закономъ въ разрядъ нечистыхъ ¹⁾). Итакъ, должно искать рѣшенія вопроса другимъ путемъ.

Безспорно, что потопленіе стада въ морѣ имѣло большое значеніе для исцѣленного бѣсноватаго ²⁾); чрезъ это внѣшнее знаменіе онъ долженъ былъ получить увѣренность въ дѣйствительности своего избавленія отъ ужасной власти злыхъ духовъ,—и внѣшнее знаменіе для него въ этомъ отношеніи было тѣмъ болѣе потребно, что нечистый духъ, по замѣчанію еванг. Луки, долгое время мучилъ его (VIII, 29); поэтому ему трудно было сразу повѣрить, что его мученія уже миновали, прекратились по единому повелѣнію дивнаго Пришельца ³⁾). Но этимъ вопросъ рѣшается съ одной только своей стороны; почему при этомъ должны были пострадать Гадаряне,—на это отвѣта еще не дано.

Совершенно, наконецъ, нельзя согласиться съ тѣмъ разсужденіемъ, что Господь дозволилъ бѣсамъ только войти въ стадо свинное, виновниками же его гибели являются уже исключительно бѣсы ⁴⁾). Но, какъ Всевѣдущій, Господь *зналъ*, въ чемъ заключалось истинное желаніе ихъ, и потому, соизволяя на ихъ просьбу, соизволялъ и на гибель стада; какъ Всеспльный, Онъ

¹⁾ За язычнковъ Гадарянъ признаетъ, какъ мы видѣли, о. А. В. Горскій. Книжечка Гейки (Жизнь и ученіе Христа. Вып. III, стр. 182) держится также мнѣнія, что свиньи принадлежали язычникамъ. Но признавалъ Гадарянъ за язычнковъ, мы надѣемся дать такое объясненіе чуда въ странѣ ихъ, которое, за исключеніемъ частности, не теряло бы значенія и для тѣхъ, кто предпочелъ бы остаться при протвположномъ мнѣніи. Характеристика нравственнаго состоянія Гадарянъ останется таже; только въ послѣднемъ случаѣ въ нихъ должно будетъ видѣть не представителей язычества, а печальное явленіе въ средѣ самаго іудейскаго міра. Такимъ образомъ, мы совершенно исключаемъ элементъ случайности изъ своего толкованія.

²⁾ Но, конечно, не для «смигченія параксизма» бѣшенства, который будто-бы долженъ былъ сопровождать его исцѣленіе, о чемъ толкуетъ Ольсгаузенъ (Bibl. Comm. S. 301).

³⁾ Впрочемъ, положеніе несчастныхъ было столь тяжело, что и обычно нужны были внѣшнія средства, когда они отъ него избавлялись, для увѣренія ихъ въ этомъ избавленіи. Годэтъ передаетъ, что іудейскіе заклинатели (экзорцисты), при изгнаніи бѣсовъ, всегда ставили въ комнатѣ, гдѣ происходило изгнаніе, сосудъ съ водой или другой какой н. предметъ, который демонъ, выходя изъ человѣка, переворачивалъ... (Godet. Comm. zu d. Ev. Lucas. S. 25).

⁴⁾ Такъ именно—Мейеръ (Krit.—exeg. Handbuch. S. 232). А Блекъ полагалъ, что стадо бросилось въ море, подъ влияніемъ ужаса, который нагнали на него сами бѣсноватые (см. у Мейера ib.).

могъ воспрепятствовать имъ злоупотребить Его дозволеніемъ, воспрепятствовать совершенію ими новаго зла, какъ воспрепятствовалъ и вообще дальнѣйшему пребыванію ихъ въ странѣ той,—почему же не воспрепятствовалъ?... Зачѣмъ это поущеніе, эта какъ бы уступка демонамъ?... Конечно, Богъ не можетъ быть виновникомъ зла, но заключать отсюда, что Господь Иисусъ Христосъ не былъ виновникомъ гибели стада въ морѣ, —нельзя: для такого заключенія должно было бы предварительно доказать, что потопленіе стада было зломъ, а доказать этого нельзя. „То, что мы называемъ зломъ физическимъ, чѣмъ Богъ наказываетъ насъ за грѣхи, не есть зло, ибо заключаетъ въ себѣ силу добра, содѣйствуя нашему исправленію и возбуждая къ добру“¹⁾. Почему не отнести къ такому роду зла и гибель Гадарянскаго стада?...

Вѣрно также и то, что Богъ не нарушаетъ свободы даже злой воли въ мірѣ; однакоже, ограничиваетъ ея проявленія; конечно, въ потопленіи стада нашла себѣ выраженіе свободная, ко злу направленная, воля духовъ, но самое поущеніе Господне такого проявленія ея указываетъ на особыя цѣли Его премудрости; если Онъ, изгнавши ихъ изъ человѣка, не дозволилъ имъ остаться даже въ странѣ той, то очевидно, что и злое хотѣніе ихъ погубить стадо должно было бы также остаться безъ удовлетворенія, ибо оно относилось къ совершенію того зла, ради котораго они и желали остаться въ странѣ той. Но Господь, возбранивши имъ послѣднее, не возбраняетъ имъ потопленія стада.

Итакъ, объясненія событія гибели стада въ морѣ должно искать не въ зломъ произволеніи духовъ, которое, хотя и обнаружилось въ немъ, но лишь по особому поущенію Господню,— а въ самомъ Господнемъ поущеніи. Поэтому справедливо другіе толкователи въ гибели стада видятъ испытаніе для Гадарянъ, и именно въ томъ отношеніи,—способны ли они вѣчныя блага предпочесть временнымъ, или нѣтъ?..²⁾ Однако, неясно,

¹⁾ Правосл. догм. Богословіе Макарія, Митропол. Московск. и Коломенск. Т. I, § 21, стр. 184.

²⁾ Такъ—Шеггъ, Арнальди и Ульманъ. См. у Мейера (Krit. exeg. Handb. S. 232).

какимъ образомъ въ этомъ событіи для Гадарянъ представлялся выборъ между временными и вѣчными благами?.. Какимъ образомъ, при видѣ гибели стада, они могли вознестись мыслию къ благамъ послѣдняго рода?..

Поэтому, соглашаясь, что потеря стада была, дѣйствительно, испытаніемъ для Гадарянъ со стороны Господа, опредѣлимъ, въ чемъ же былъ внутренній смыслъ испытанія? Въ этомъ, очевидно, главный вопросъ.

Во всей Гадаринской исторіи,—въ этомъ непонятномъ попущеніи Господнемъ бѣсамъ—потопить стадо и тѣмъ доставить имущественный ущербъ и огорченіе хозяевамъ его, Гадаряне ясно должны были видѣть, что, такъ или иначе, страданія одного человѣка, одного отщепенца общества, замѣнены горемъ многихъ,—что вражеская сила, которая въ области той терзала и ужасно мучила одного, теперь свое губительное дѣйствіе простерла на всѣхъ жителей страны. А такая замѣна страданій одного—страданіемъ многихъ естественнымъ слѣдствіемъ своимъ, какъ и всегда, имѣла то, что самая степень страданій стала несравненно ниже, и ужасный духовный и тѣлесный недугъ замѣняется простымъ имущественнымъ убыткомъ, убыткомъ тѣмъ болѣе нетяжелымъ, что дѣлится онъ между многими. Итакъ, *одному страдать или многимъ?..* Дѣлится ли страданіе по возможности между всѣми и чрезъ то уменьшать его и количественно, и качественно, или же—сваливать всю тяжесть его на отдѣльныя единицы, какъ на жертвы искупленія, а другимъ предоставлять наслаждаться жизнью мирно и спокойно, забывая даже о существованіи страданія и горя въ мірѣ?.. Вотъ вопросъ, который всегда иначе склонны рѣшать счастливые и довольные и иначе—тѣ, на долю которыхъ выпалъ жребій испытывать всѣ невзгоды земнаго бытія, видѣть постоянно только обратную сторону его, какъ бы расплачиваясь за благоденствіе первыхъ.

Отсюда то до нѣкоторой степени и можно уяснить причины непонятнаго повидимому дѣйствія Господа,—Его попущенія демонамъ потопить стадо свиное. *Это было дѣйствительно испытаніе,—испытаніе любви:* способны или неспособны были Гадаряне, позабывъ гибель собственныхъ стадъ, всецѣло войти въ безмѣрную радость ближняго своего: всѣмъ сердцемъ умилиться

зрѣлищемъ исцѣленнаго при ногахъ Исцѣлителя, такъ чтобы совсѣмъ заглохли на это время всѣ эгоистическіе порывы, всѣ себялюбивые расчеты? Въ одномъ дѣйстви Своемъ, въ одномъ Своемъ чудѣ Господь какъ бы символически изображаетъ тотъ идеальный порядокъ жизни, къ которому призвать пришелъ Онъ все человѣчество, для привлеченія къ которому Гадарянь прибылъ Онъ нынѣ въ страну ихъ: тотъ порядокъ жизни, гдѣ всѣ братски дѣлятъ между собою страданіе и тѣмъ изгоняютъ его, гдѣ не ищутъ только *своихъ си* ¹⁾, *иди другъ друга тѣмоты носятъ. дабы тѣмъ исполнить законъ Ею Христовъ* ²⁾,—тотъ порядокъ жизни, который однажды только былъ потомъ осуществленъ на землѣ, когда *все имяху вся общи* ³⁾.

Какъ же отнеслись къ испытанію Гадаряне?

И моли Христа (Ею) весь народъ страны Гадаринскія отъйти отъ предѣлъ ихъ, яко страхомъ велимъ одержими быху ⁴⁾.

Страхъ и—только страхъ!.. Одинъ только примѣръ, одно только дѣйствіе, выходящее изъ круга обычной жизни, обычнаго порядка вещей, повергаетъ Гадарянь въ ужасъ; видъ исцѣленнаго ни мало не радуетъ ихъ... Тутъ не одинъ мотивъ корыстолюбія имѣлъ мѣсто, не одна страсть къ стяженію говорила, не горе только о гибели стада сказывалось,—нѣтъ. Ужасъ предъ величіемъ Явившагося, порожденный признапіемъ Ею Существомъ необычайнымъ, божественнымъ, усугубился самымъ проявленіемъ Ею могущества,—этимъ дѣяніемъ Ею, направленнымъ къ замѣнѣ страданія одного—страданіемъ многихъ. Тутъ прежде всего сказалось полное несогласіе Гадарянь на тотъ порядокъ жизни и отношеній, который хотѣлъ водворить въ ихъ области внезапно снисшедшій къ нимъ Богъ, начатокъ которому и примѣръ показалъ Онъ при самомъ вступленіи Своемъ на ихъ землю. Это былъ исполненный религіознаго суевѣрнаго страха, робкій и униженный, но и рѣшительный, вмѣстѣ съ тѣмъ, протестъ противъ Чудотворца—преобразователя. Ихъ просьба ко Христу—*отъйти отъ нихъ* не бы-

¹⁾ I Кор. X, 24; XIII, 5.

²⁾ Галат. VI, 2.

³⁾ Дѣян. II, 44.

⁴⁾ Лк. VIII, 37; ср. Мѣ. VIII, 34; Мр. V, 17.

ла подобна просьбѣ Петровой: *изыди отъ мене, яко мужъ уръшенъ есмь, Господи!*—ибо въ основѣ ея лежало не одно чрезвычайное благоговѣніе къ Господу; ихъ просьба къ Нему: „уйди отъ насъ!“ значила: „мы не понимаемъ Тебя, мы боимся Тебя, чудный Пришлецъ. Твои дѣйствія на насъ наводятъ только ужасъ, ибо они не таковы, не къ тому клонятся, къ чему мы привыкли, съ чѣмъ мы сроднились, среди чего мы и можемъ только жить. Удались отъ насъ, оставь насъ жить, какъ мы жили; мы не принимаемъ Тебя, мы отвергаемъ ученіе Твое: мы боимся и только боимся Тебя“.

И вотъ, Господь, нѣкогда, въ отвѣтъ на просьбу Петра *изыти отъ него*, съ любовію привлекшій его къ Себѣ, въ число Своихъ возлюбленныхъ учениковъ, безмолвно нынѣ соглашается на просьбу Гадарянъ. Жалкіе люди!.. Ихъ страхъ, ихъ трепетное моленіе—не даютъ мѣста гнѣву и прещенію на нихъ; но, по крайней мѣрѣ--въ настоящемъ ихъ состояніи, нѣтъ относительно ихъ мѣста и надеждѣ на возможность привлеченія ихъ къ познанію закона Божественной правды и любви. Имъ непонятна самая идея любви, странна идея страданія другъ за друга; ихъ ужасаетъ самая возможность такой жизни... *И блъзъ Господь въ корабль, возвратися*. Сурово, но справедливо замѣчаетъ по этому поводу бл. Теофилактъ: „познай изъ сего, что гдѣ свинская жизнь, тамъ живетъ не Христосъ, а живутъ демоны“.

Свидѣтельствомъ крайне печальнаго, дѣйствительно, нравственнаго состоянія Гадарянъ было удаленіе отъ нихъ Господа. Достоинно замѣчанія, что, пришедши на землю для наученія и спасенія людей, Господь постепенно возводилъ ихъ къ пониманію Своего небснаго (Іо. III, 12) ученія и благовѣстническаго труда Своего не покидалъ и тогда, когда Его не понимали, гнали, оскорбляли,—и до конца не покинулъ Онъ учить Іудеевъ, этихъ, особенно враждебно настроенныхъ къ Нему и къ Его ученію, людей. Итакъ, Его удаленіе изъ предѣловъ страны Гадаринской, послѣ предложеннаго жителямъ ея испытанія любви ихъ, знаменовало, что нравственное состояніе ихъ было еще печальнѣе, чѣмъ открытыхъ враговъ Его. И это было дѣйствительно такъ.

Въ одномъ изъ откровеній Апокалипсиса содержится слѣ-

дующее изреченіе, которое Духъ повелѣваетъ Тайнозрителю передать ангелу церкви Лаодикійской: „знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ“... (Апокал. III, 15). Голосъ сердца, живой, хотя и неразумной привязанности къ закону отцевъ, къ преданіямъ старцевъ, слышался въ горячихъ протестахъ іудеевъ противъ ученія Христова; живая душа сказывалась, быть можетъ, въ самыхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ими Господу, въ самыхъ хулахъ на Него, какъ на разорителя ихъ вѣковыхъ вѣрованій и учрежденій. И было надъ чѣмъ работать; оставалась надежда эту живую душу, этотъ огонь протеста, обратить на истинный путь, заставить служить истинѣ. И трикратно отвергшійся Господа пламенный и бурный духомъ Апостоль возсоединяется затѣмъ съ Нимъ неразрывнымъ союзомъ любви... Но холодно разсудочное отреченіе отъ Господа сразу давало возможность видѣть въ Гадарянахъ людей, къ которымъ вполне можно примѣнить сказанное Духомъ ангелу церкви Лаодикійской: отъ нихъ не слышно бурнаго протеста, не обнаружили они пылакаго гнѣва,—но не потому, что они были добры, кротки и незлобивы, а потому, что примѣнимо къ нимъ и иное изреченіе Духа Тайнозрителю—для передачи ангелу другой церкви: „ты носишь имя будто живъ, но ты—мертвъ“... (Апокал. III, 1).

Въ такомъ состояніи духовно-правственной жизни Гадарянъ и должно искать объясненія причинъ, почему они не поняли Господа, ужаснулись дѣлъ Его и добровольно удалили себя отъ единого Источника жизни и свѣта. Напрасно было бы искать этихъ причинъ въ корыстолюбіи ихъ, въ привязанности къ земному стяжанію,—о чемъ, какъ мы видѣли, не только не сказано прямо въ Евангеліи, но чего и самимъ основательно вывести изъ него нельзя. Невоспріимчивыми къ тому, „яже Духа Божія“ (I Кор. II, 14), мертвыми для жизни духа Гадарянъ сдѣлалъ не частный какой либо порокъ ихъ, а общее направленіе ихъ жизни, къ характеристикѣ котораго мы теперь и перейдемъ.

Нужно было постепенное преобразование всей ихъ жизни, ихъ понятій, всего ихъ настроенія,—нужна была постепенная разработка этой почвы. чтобы сдѣлаться ей той доброй нивой,

на которой посѣянное, слово Божіе дало бы плодъ сторицей.

Господь, удаляясь, и оставляетъ дѣлателя на этой, еще дикой, не обработанной нивѣ.—Когда Онъ вошелъ въ лодку ¹⁾, человекъ, изъ котораго вышли бѣсы, просилъ Его, чтобы быть съ Нимъ. Но Іисусъ не дозволилъ ему ²⁾, сказавъ: возвратись въ домъ твой и расскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ ³⁾ и какъ помиловалъ тебя ⁴⁾. Онъ пошелъ и проповѣдовалъ по всему городу, что сотворилъ ему Іисусъ ⁵⁾.

Мы сказали, что исторія въ странѣ Гадаринской знаменательна, какъ опытъ проповѣди, обращенной Господомъ Іисусомъ Христомъ къ язычникамъ. Поведеніе Гадарянъ во время посѣщенія Господомъ страны ихъ является особенно характеристичнымъ для тѣхъ началъ, которыя легли въ основу жизни язычества, и нравственное настроеніе ихъ объясняется изъ этихъ началъ, какъ естественное слѣдствіе всесторонняго и послѣдовательнаго приложенія ихъ къ жизни. „Гадаринскій бѣсноватый,—замѣчаетъ А. В. Горскій,—образъ міра языческаго; въ немъ не семь, а цѣлый легіонъ духовъ“ ⁶⁾. Въ такомъ смыслѣ—„это событіе—притча, хотя и несомнѣнна его достовѣрность историческая“ ⁷⁾. Но можно сказать, что вмѣстѣ съ бѣсноватымъ, какъ истинный образъ міра языческаго, могутъ разсматриваться и его земляки—всѣ Гадаряне, представшіе Господу на берегу своего моря. Если событіе гибели стада въ морѣ въ отношеніи Гадарянъ имѣло значеніе, какъ испытаніе любви ихъ, то въ отрицательномъ отношеніи къ этому испытанію съ ихъ стороны ясно сказалось то отсутствіе сей добродѣтели, которое прежде всего характеризовало язычскій міръ. Можно сказать, что именно на противоположныхъ этой добродѣтели началахъ строилась вся жизнь послѣдняго.

Языческому міру была дѣйствительно чужда истинная лю-

1) Мр. V, 18.

2) По ев. Лукъ—отпустилъ его.

3) Мр. V, 19; Лук. VIII, 39.

4) Мр. V, 19.

5) Лук. VIII, 39.

6) Исторія Еванг. и Церкви апостольской, стр. 188.

7) Ibid... Стр. 187.

бовъ къ ближнему; этотъ міръ отличался, напротивъ, неуваженіемъ къ человѣческой личности, къ высокому достоинству ея, безотносительно къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ и положенію. Это было высшимъ выраженіемъ эгоизма, эгоизма не отдѣльныхъ только личностей, но и цѣлаго общества: человѣкъ разсматривался не самъ по себѣ, не по богоподобному достоинству природы своей, а лишь какъ орудіе государства; его достоинство всецѣло опредѣлялось степенью приносимой имъ пользы, а говоря точнѣе и какъ было въ дѣйствительности, — занимаемымъ имъ въ государствѣ мѣстомъ. Отсюда—именно въ язычествѣ, какъ нигдѣ болѣе, слабый, страждущій или вообще бесполезный, хотя бы и не по своей винѣ, человѣкъ не могъ рассчитывать на сочувствіе и поддержку и всегда, наоборотъ, могъ ожидать, дѣйствительно, предпочтенія предъ собою даже простого, но полезнаго животнаго.

Многочислениѣйшіе и поразительнѣйшіе примѣры подобнаго печальнаго порядка жизни въ языческомъ мірѣ можетъ дать, конечно, одна исторія рабства, съ хорошо всѣмъ извѣстными случаями откармливанія рабами рыбъ въ садкахъ богатыхъ господъ и другими примѣрами низведенія людей не только на степень животныхъ, но и ниже ея. Въ рабствѣ люди систематически воспитывались именно къ тому, чтобы, рѣзко проводя границу между счастливыми и обездоленными, не только не сочувствовать и не сострадать послѣднимъ, но и смотрѣть на ихъ страданія, какъ на нѣчто должное, а ихъ самихъ признавать существами низшаго рода... Ихъ страданія, ихъ обездоленность были необходимымъ условіемъ благоденствія тѣхъ, которымъ только и усвоилось какъ бы право на счастье и истинно человѣческое достоинство: это былъ какъ бы естественный законъ природы, противъ котораго не возмущалось уже притупленное нравственное чувство; на унижительное рабство, на лишеніе человѣческаго достоинства однихъ—другіе смотрѣли столь же безучастно и равнодушно, какъ на естественное и мало касающееся ихъ дѣло,—какъ Гадаряне—на рабство своего ближняго духу зла ¹⁾).

¹⁾ Рабство было явленіемъ, общимъ всему древнему міру,—было оно и у Евреевъ; но здѣсь, гдѣ сохранилась вѣра въ Единаго Творца и Отца всѣхъ людей, оно

Но рабство въ язычествѣ не было частнымъ и случайнымъ явленіемъ; оно лежало въ основѣ всей жизни древнеязыческаго міра и было ея характернѣйшимъ признакомъ; оно было лишь крайнимъ выраженіемъ общаго направленія ея. Тѣ же характерныя признаки, которые отличали рабство, наблюдались и во всѣхъ сторонахъ и отношеніяхъ общественной жизни; духомъ рабства была проникнута вся ея система ¹⁾... Особенно при этомъ замѣчательно и въ то же время—печально было то, что полное неуваженіе къ личности человѣка, къ богоподобному достоинству его, уживалось въ язычествѣ съ просвѣщеніемъ, съ умственнымъ высокимъ развитіемъ, съ философіей. Вотъ яснѣйшее подтвержденіе того, что новыхъ началъ жизни языческой міръ не могъ усвоить иначе, какъ путемъ *полнаго перерожденія*.

Древность передала намъ величайшія творенія, въ которыхъ говорится о безсмертіи души, о случайности земнаго жребія, суетности земнаго величія,—къ сожалѣнію, она не оставила никакихъ данныхъ къ рѣшенію труднѣйшаго вопроса: какъ вмѣстѣ съ тѣмъ самые высокоразвитые люди грубѣйшія формы выраженія безправія и несправедливости въ жизни общества считали за естественное и необходимое явленіе, а мечту объ устраненіи ихъ признавали за невозможность, о которой можно было развѣ говорить, но пытаться осуществить которую въ дѣйствительности было бы безуміемъ?..

никогда не достигало тѣхъ возмутительныхъ формъ—произвола съ одной стороны и —полнаго безправія съ другой, какія наблюдались въ язычествѣ. Человѣкъ здѣсь оставался человѣкомъ и въ рабствѣ. И въ какомъ блескѣ гуманности и свободы представляется, при сравненіи съ угнетеніемъ личности въ язычествѣ, это, столь часто по испониманію за образецъ жестокости В.-Завѣтнаго законодательства выставленное требованіе его, *ко оculus pro oculo, зубъ за зубъ, рана за рану!*..

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только вспомнить объ императорѣ римскомъ, высшемъ представителѣ тогдашняго общества,—объ его неограниченной, безусловной и часто по капризу примѣнявшейся къ дѣйствительности власти надъ жизнью, честью и достоинствомъ всѣхъ его подданныхъ. Какое бы нравственное чудовище ни занимало этотъ постъ, всѣ были безответными его рабами, и жизнь высшаго сановника государства была въ такомъ же полномъ распоряженіи его и такъ же мало была защищена отъ произвола его, какъ и жизнь послѣдняго раба. Предъ его прихотью, минутнымъ капризомъ, безразлично гибла счастье, достоинство и честь всякаго. И это всѣмъ казалось естественнымъ. Слѣдовательно, что наблюдалось въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, наблюдалось и въ высшихъ: вездѣ царилъ одинъ духъ, одно направленіе.

Съ этой точки зрѣнія, поведеніе язычниковъ Гадарянъ совершенно понятно. Они не сердятся, не гнѣваются, поступкомъ Господа не раздражены. Но имъ представляется совершенно неправильнымъ и ненормальнымъ, чтобы изъ за спасенія одного человѣка должны были жертвовать своимъ благополучіемъ другіе. Что одинъ страдаетъ, а другіе благоденствуютъ, въ этомъ они не видятъ ничего страннаго; но съ тѣмъ, чтобы несчастный пересталъ быть несчастнымъ, какъ бы позаимствовавъ счастья у другихъ и нѣсколько уменьшивъ его у нихъ,—они рѣшительно не согласны; это для нихъ совсѣмъ непонятно и странно. И они только какъ бы говорятъ: такой порядокъ жизни, быть можетъ, и хорошъ, но мы его не принимаемъ, не считаемъ его для себя возможнымъ,—онъ не для насъ... Кому неизвѣстно, что приблизительно это же и обычно говорили язычники, когда, признавая высокое достоинство нравственнаго ученія христіанскаго, отвергали, однако, его, какъ невозможное? И просвѣщеннѣйшимъ изъ нихъ казалось, что все: и государство, и цивилизація, и весь порядокъ жизни рухнуть, если будутъ осуществлены на дѣлѣ начала христіанства. Этотъ міръ вѣрилъ только въ силу, хотя бы и переходящую въ насиліе,—въ право, хотя бы въ основѣ его и лежало безправіе; ученіе любви и самоотверженія было для него безуміемъ...

Поистинѣ „не семь, а цѣлый легіонъ духовъ“ обдержалъ языческій міръ, и этотъ легіонъ необходимо было изгнать, прежде чѣмъ языческій міръ принялъ ученіе Христа и сталъ царствомъ Божиимъ. И тѣмъ, которые наивно полагаютъ, что гуманныя идеи нашихъ дней суть прямое слѣдствіе нравственнаго развитія человѣчества, а не великій плодъ христіанства исключительно, стоитъ вдуматься во внутренній смыслъ исторіи на Гадаринскомъ берегу Галилейскаго моря. *Отвѣтъ Гадарянъ Господу—это отвѣтъ язычества, отвѣтъ всего естественнаго, предоставленнаго самому себѣ человечества на высокой призывъ христіанства*, когда впервые міръ огласился проповѣдью любви и милосердія... Тѣ которые слѣдовали закону: око за око, зубъ за зубъ,—были несравненно болѣе способными внимать этому призыву.

Да, не напраснымъ былъ Законъ, не тщетно водительство Промысла, не безплодны грозныя рѣчи пророковъ: и народъ жестоковѣрный и непокорливый былъ приготовленъ ими въ ниву, на которой должно было посѣяться благовѣствованіе Новаго Завѣта. Избраніе еврейскаго народа Богомъ и непосредственное водительство Его не было дѣломъ какъ бы пристрастія Божія къ тѣмъ, которые были чадами Авраама, какъ это предполагали они сами: нѣтъ, оно было не столько почестью, сколько міровымъ служеніемъ. Не напрасно Господь все ученіе Свое проповѣдалъ среди іудеевъ. Его гнали, ненавидѣли, Его убили,—но ученіе Его сохранили и передали міру. Языческій міръ Его не гналъ, но—вотъ какъ кончилась первая попытка обращенной къ нему проповѣди. Здѣсь было хуже: равнодушіе, полное непониманіе, презрѣніе. И если бы Господь явился на землю среди язычниковъ и среди нихъ совершилъ бы служеніе Свое, проповѣдуя ученіе спасенія, міра и любви,—Его. быть можетъ, и не убили бы,—но явиться среди нихъ Онъ не благоволилъ, ибо быть убиту Ему надлежало, а ученіе Его—и на площадяхъ Рима, и въ ареопагѣ Аѳинъ не имѣло ли бы того же успѣха, что и среди Гадарянъ? Припомнимъ, какъ, когда ап. Павелъ заговорилъ о воскресеніи мертвыхъ въ Аѳинскомъ ареопагѣ, высокоразвитые Греки только усмѣхнулись: что было бы, если бы и Господь Свое ученіе о всеобщемъ братствѣ, любви и безусловной нравственной чистотѣ возвѣстилъ бы, напр., въ центрѣ тогдашняго деспотизма, Римъ?... И Онъ туда не пошелъ; не Ему туда надлежало идти, а Петру и Павлу. Онъ и отъ Гадарянъ немедленно удалился, лишь только просьбой своей они показали, что не Онъ не хочетъ ихъ спасенія и просвѣщенія, а они сами изгоняютъ Его. Его путешествіе въ Гадару было многозначительно, но лишь въ томъ смыслѣ, что должно было служить отвѣтомъ на возможный вопросъ: почему не покидаетъ Онъ жестоковѣрнаго народа Своего и не обращаетъ, какъ послѣ Апостолы Его, ученія Своего прямо къ тѣмъ, о которыхъ Самъ сказалъ: и нынѣ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести ¹⁾?...

¹⁾ Іоанн. X, 16.

Предвидимъ возраженіе. Скажутъ: но если язычники не приняли бы Господа, то какъ приняли слугъ Его, Апостоловъ?... Если Его отвергли бы, то какъ не отвергли Павла и Петра?... Какъ слуги совершили то, чего не совершилъ Господь ихъ? Какъ побѣдили они язычество, побѣдили непобѣдимый Римъ, когда Господь и изъ Гадары тотчасъ удалился?...

Но здѣсь—великая тайна. Это та тайна, о которой Самъ Господь говорилъ ученикамъ Своимъ въ Прощальной бесѣдѣ Своей съ ними: *вѣруй въ Мя дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ и—болыиа сихъ сотворитъ* ¹⁾. ... Слово Спасителя на ученикахъ и сбылось прежде всего именно въ великомъ дѣлѣ обращенія къ Нему языческаго міра, въ великой побѣдѣ надъ нимъ. Когда *прославился* ²⁾ Онъ въ богочеловѣческой природѣ Своей и, какъ истинная Глава Церкви Своей, ниспослалъ вѣрующимъ Духа Св., они *во Имя Его* ³⁾ совершили ту дивную побѣду, которую Онъ только подготовилъ Своимъ явленіемъ въ міръ; Его силою и властью, дарованною Ему послѣ вольныхъ страданій и смерти Его (*дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли*,—сказалъ Онъ имъ по воскресеніи Своемъ—*Мѡ. XXVIII, 18*), они возродили міръ и измѣнили весь строй его жизни. Въ одинъ день ап. Петръ, пользуясь впечатлѣніемъ чуда ниспосланія вѣрующимъ дара языковъ ⁴⁾, обращаетъ ко Христу вѣрующихъ болѣе, чѣмъ Самъ Господь обратилъ за все время земной Своей жизни ⁵⁾.

И именно только путемъ полного нравственнаго перерожденія, возрожденія языческой міръ, какъ мы видѣли, могъ быть приведенъ ко Христу и подлинно, поэтому, только иной Учитель, иной Утѣшитель, Чьею силою совершается возрожденіе, Кто человѣка просвѣщаетъ не внѣшнимъ ученіемъ, а измѣняя все его существо,—могъ и этому міру усвоить истину Христову и жизнь его измѣнить по началамъ, дотолѣ ему представлявшимся совершенно невозможными и непонятными. Но доколѣ Иисусъ *неу бѣ про-*

¹⁾ Іоани. XIV, 12.

²⁾ Іоан. VII, 39.

³⁾ Іоан. XIV, 13—14.

⁴⁾ Дѣян. II, 2—14.

⁵⁾ Дѣян. II, 41.

славленъ, не у бѣ Духъ Святый въ мѣръ ¹⁾, и проповѣдь Господа Самого среди мѣра языческаго, царства сатаны, была бы пока еще гласомъ вопіющаго въ пустынь. Языческій мѣръ въ отношеніи евангельской проповѣди былъ пока еще безнадеженъ.

Можно указать еще одну причину, по которой проповѣдь Евангелія была пока безнадежной среди язычниковъ. Какъ трудно и опасно больной, языческій мѣръ нуждался въ средствахъ сильныхъ и дѣйственныхъ; проповѣдь любви должна была къ нему быть обращенной не въ словахъ, которыхъ онъ не понималъ, а въ дѣлахъ, сущность которыхъ была бы ясна и для него. Доколѣ силою Духа Святаго не сдѣлалось среди людей возможнымъ осуществленіе евангельскаго закона любви, одна словесная проповѣдь о ней не могла тронуть огрубѣлаго сердца язычника. А когда въ маломъ, избранномъ обществѣ вѣрующихъ во Христа началъ осуществляться этотъ божественный законъ любви,—предъ нимъ преклонился человѣкъ, не имѣя уже возможности возражать противъ него. Вотъ почему и говорилъ Господь ученикамъ Своимъ въ Прощальной же бесѣдѣ съ ними: *Ѳ семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любви имате между собою* ²⁾: во взаимной самоотверженной, на дѣлѣ осуществленной любви Онъ малому стаду Своему указывалъ знамя, подъ которымъ оно побѣдоносно должно было расширяться на весь мѣръ, приводя его къ единому Пастырю всѣхъ.

И исторія свидѣтельствуетъ, что языческій мѣръ, дѣйствительно, былъ побѣжденъ не столько словомъ, сколько дѣломъ любви: не столько проповѣдью о ней, сколько ея осуществленіемъ.

Таковъ внутренній смыслъ событій, ознаменовавшихъ пребываніе Господа Іисуса Христа на берегу Гадары. При всей своей несомнѣнной исторической дѣйствительности, они столь же несомнѣнно имѣютъ характеръ и символическій—и въ этомъ смыслѣ знаменательны въ высшей степени.

Самое непонятное дѣйствіе Господа—дозволеніе духамъ нечистымъ потопить стадо въ морѣ, при всей видимой неизъяснимости своей, отличается тѣмъ же глубоко—знаменательнымъ, символичес-

¹⁾ Іоан. VII, 39.

²⁾ Іоан. XIII, 35.

ческимъ характеромъ,—поскольку оно требовало отъ Гадарянъ именно того, что прежде всего теряется людьми, когда они слишкомъ начинаютъ вѣрить во внѣшнюю силу, слишкомъ полагаются на внѣшнюю правду жизни, на право, которымъ создаются и сохраняются внѣшнія формы ея: оно требовало отъ нихъ *вѣры во внутреннюю силу добра*. Будучи испытаніемъ любви, оно было испытаніемъ и *вѣры въ добро*; то и другое нераздѣльно связано, ибо *любовь всему вѣру емлетъ* ¹⁾. И поведеніе Гадарянъ вынаруживало и другую характерную черту язычества: *отсутствіе вѣры въ добро*... Пусть поступокъ Господа и былъ для Гадарянъ непонятенъ, но, вѣдь, видѣли же они, что Самъ Онъ былъ великимъ человѣколюбцемъ, и что съ гибелью ихъ стада, хотя также—непонятнымъ образомъ, соединилось избавленіе ихъ ближняго отъ ужасныхъ страданій. А если видѣли, то почему же не повѣрили, что жертва съ ихъ стороны,—хотя смыслъ ея и былъ для нихъ непонятенъ, должна быть принесена ими не только безъ ропота и прогивленія, но и съ радостью, внутренней вѣрою и любовью? Почему сознательнымъ участіемъ въ ней, радостнымъ соизволеніемъ на нее—они не обратили ея въ истинно доброе дѣло, въ подвигъ съ своей стороны, вѣруя, что доброе дѣло никогда своего значенія не теряетъ и не можетъ терять, хотя бы конечныхъ результатовъ его и не дано было намъ видѣть? Вѣдь, безъ вѣры во внутреннюю силу добра невозможна добрая дѣятельность въ мірѣ. Слишкомъ перенутаны и сложны людскія отношенія, чтобы напередъ можно было знать благія послѣдствія каждаго добраго дѣла, каждой жертвы съ нашей стороны. И къ жертвѣ нужно быть всегда готовымъ, когда ея требуетъ благая воля Божія, хотя—какъ воспользуются ею тѣ, ради которыхъ она приносится, насколько и въ какомъ отношеніи она будетъ для нихъ полезна,—и возможны всегда сомнѣнія. И часто Господь, быть можетъ, испытываетъ насъ, какъ нѣкогда Гадарянъ, требуя отъ насъ жертвъ, смысла которыхъ мы не понимаемъ и въ значеніи которыхъ сомнѣваемся. Тогда, какъ показатель нравственнаго состоянія человѣка, испытывается собственно его

¹⁾ 1 Кор. XIII. 7.

вѣра въ добро, во внутреннюю его силу,—въ то, что доброе сѣмя не останется безъ добраго плода въ томъ мірѣ, который блюдетъ святымъ Промысломъ человеколюбиваго Бога, Источника всякаго добра.

Остановимся здѣсь на одномъ примѣрѣ, наблюдать который часто можно въ наши дни; думается, что въ немъ отразилось то настроеніе современнаго общества, которое нѣкогда руководило и Гадарянами, когда они, недоумѣвая о смыслѣ и значеніи своей жертвы, просили Господа удалиться отъ предѣловъ ихъ. Говоримъ объ одномъ изъ естественнѣйшихъ проявленій христіанской любви и милосердія—о помощи бѣднымъ. Какъ каждое доброе дѣло, она требуетъ вѣры въ добро, въ силу его; но эта то вѣра и оскудѣла. Въ наше время въ особомъ почетѣ тѣ взгляды, по которымъ подать нищему едва не считается преступленіемъ, потому что это будто бы развиваетъ лѣнность, обманъ, тунеядство... Нужно, говорятъ, стремиться лишь къ преобразованію общественной жизни, къ такому устройству ея, при которомъ нищеты и бѣдности не было бы вовсе: силою и внѣшними мѣрами думаютъ достигнуть того, что всего менѣе доступно внѣшнему врачеванію. Если и допускаютъ жертву, то развѣ только въ формѣ общественной благотворительности, которая, какъ правильно организованное дѣло, менѣе доступна злоупотребленіямъ...

Трудно даже сказать, въ какой мѣрѣ такая проповѣдь, сама являясь выраженіемъ огрубѣнія людей, служитъ къ дальнѣйшему ихъ огрубѣнію. Во всякомъ случаѣ—она многимъ по сердцу. Одни, уклоняясь на разумныхъ будто-бы основаніяхъ отъ частной благотворительности, отъ непосредственной помощи бѣдному, требующей особенной чуткости душевной и истинно христіанскаго участія въ судьбѣ ближняго,—бросаютъ нѣсколько рублей въ годъ на богоугодныя заведенія и затѣмъ считаютъ себя уже въ правѣ спокойно взирать на зрѣлище человѣческихъ бѣдствій и скорбей, почитая свой долгъ совершенно исполненнымъ (очень, конечно, легко и удобно),—другіе идутъ и еще дальше и, недовѣряя (я съ полнымъ, конечно, основаніемъ) и общественной благотворительности, отрицая и за нею непогрѣшимость, въ виду печальныхъ случаевъ и здѣсь

проявляющихся обмана и наглаго воровства,—считаютъ себя совершенно свободными отъ обязанности благотворить... И въ этомъ склонны видѣть доказательство высоты развитія своего и пониманія общественной жизни и современныхъ запросовъ ея.

Но почему же непременно при этомъ предполагается, что принесенной жертвой злоупотребятъ, что воспользуются ею обманщики и воры, что доброе дѣло останется безъ соотвѣтствующихъ ему добрыхъ послѣдствій?... Почему непременно хотятъ, чтобы эти послѣдствія были несомнѣнно очевидны, прежде чѣмъ рѣшатся на жертву?—Потому, что *не вѣрятъ въ добро*, въ его таинственную, невидимую силу. Не вѣрятъ же *потому*, что *возвращаются къ языческимъ началамъ жизни*, которымъ слѣдовали и Гадаряне, когда не хотѣли повѣрить въ цѣлесообразность непонятной для нихъ жертвы и просили удалиться отъ себя Того, Кто во имя участія къ страждущему брату, во испытаніе любви ихъ, потребовалъ отъ нихъ примиренія съ этой жертвой.

Но язычество, когда бы и въ какихъ формахъ ни возраждалось, въ существѣ своемъ всегда одно и то же: всегда для него нѣтъ ничего выше силы, и права, и того строя жизни, который создается ими,—всегда попытка дать для жизни иное начало будетъ въ его глазахъ безумной и странной, или, въ лучшемъ случаѣ,—не осуществимой, хотя и прекрасной мечтою, а всякое дѣйствіе, служащее выраженіемъ преобладающей силы любви, всегда кажется ему непонятной несправедливостью... Язычество преклоняется предъ силою же создаваемымъ и ограждаемымъ правомъ, какъ предъ высшимъ благомъ, и добродѣтелью, и фетишемъ, тогда какъ самое право, безъ восполняющей его дѣйствія любви, какъ выраженіе внѣшней лишь силы, создаетъ порядокъ, но лишь тотъ, гдѣ хорошо сильнымъ...

Вѣра въ добро, въ его непобѣдимую силу, теряется съ усвоеніемъ языческихъ началъ жизни. Вотъ почему въ наши дни такъ и усилились голоса, доказывающіе несостоятельность самаго христіанскаго ученія о любви: съ утратой вѣры въ добро смыслъ жертвы вообще непонятенъ, а христіанство зоветъ не къ жертвѣ только, а—къ самопожертвованію.... И неудиви-

тельно, если Ренану, напр., Христось, какъ Онъ изображается евангелистами синоптиками и въ особенноти — Лукою, кажется коммунистомъ,—если, воздавая Ему величайшія хвалы, онъ, какъ нѣкогда Гадаряне, съ этими хвалами, со всѣми видимыми знаками благоговѣнія, стремится удалить Его изъ міра, явно давая понять, что Его ученіе, Его проповѣдь самоотверженія и безпрекословной жертвы во имя страдающаго брата,—утопія, прекрасная мечта идеалиста, не приложимая къ практической жизни. Ренанъ въ этомъ случаѣ выступаетъ, какъ истинный и выразительный представитель своего времени,—*времени возрожденія въ новыхъ формахъ древняго язычества*. Его отношеніе ко Христу не ново: такъ отнеслись къ Нему и Гадаряне.

Загадочная исторія Гадаринская уясняется аналогіями изъ новѣйшаго времени.

II.

Чудо исцѣленія бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской важно и въ догматическомъ отношеніи: имъ подтверждается дѣйствительность бытія злыхъ духовъ въ мірѣ и, въ частности, возможность ихъ вліянія на человѣка, которое, до пришествія въ міръ Избавителя, Побѣдителя ада и смерти, выражалось даже въ формѣ вселенія въ человѣка, выдающійся примѣръ чего мы и видимъ въ Гадаринскомъ бѣсноватомъ. По обычному раціоналистическому взгляду на бѣсноватыхъ, это были лишь первоначально больные люди, болѣзненная, разстроенная фантазія которыхъ, слѣдуя господствующимъ представленіямъ и воззрѣніямъ времени, создавала ужасные образы; они были до очевидности убѣждены, что подпали власти злого духа и стали орудіемъ его. Въ этомъ убѣжденіи они жили и дѣйствовали; ихъ умъ, постоянно сосредоточенный на одной мысли, не только не уяснялъ ея ложности, но и утверждалъ въ ней; ихъ воля рабски подчинялась овладѣвшей человѣкомъ идеѣ и всецѣло опредѣлялась ею. Человѣкъ воистину переставалъ быть существомъ разумнымъ и свободнымъ, но не подъ дѣйствительнымъ вліяніемъ сторонней злой воли и силы, а единственно подъ давленіемъ овладѣвшей его мыслью ложной идеи. Всѣ случайныя растройства и болѣзни въ организмѣ разсматривались, соотвѣтственно ей, какъ мученія, которыми терзалъ несчастнаго вселившійся

въ него злой духъ. Нѣчто подобное, по утверженію Ренана, наблюдается на востокѣ и доселѣ; особенно же богата такими явленіями исторія среднихъ Вѣковъ, когда во множествѣ подвергавшіеся сожженію колдуны и колдуны и сами совершенно были убѣждены въ дѣйствительности своихъ сношеній съ злымъ духомъ.

Если столь легко естественнымъ образомъ объясняется состояніе бѣсноватыхъ, то не менѣе легко такимъ же образомъ объясняется и исцѣленіе ихъ, не заключающее въ себѣ ничего чудеснаго. Нужна была только сильная воля и высокій авторитетъ, чтобы произвести сильное нравственное вліяніе на больного и заставить его, вопреки предшествующему его убѣженію, повѣрить, что онъ уже свободенъ отъ рабскаго, безвольнаго служенія злomu духу, что врагъ побѣжденъ и изгнанъ,—и человекъ вновь становится здоровымъ, какимъ въ существѣ дѣла, впрочемъ, и былъ.

Ни одно изъ чудесныхъ исцѣленій бѣсноватыхъ, совершенныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, не свидѣтельствуетъ такъ противъ изложеннаго пониманія этихъ чудесъ, какъ чудо, совершенное въ странѣ Гадаринской: повѣствованіе о немъ включаетъ въ себя черты, совершенно неизъяснимыя съ изложенной точки зрѣнія. Достаточно, конечно, въ настоящемъ случаѣ только указать на одно потопленіе стада свиней въ морѣ: не совершенно ли очевидное это подтвержденіе, что злые духи существовали не въ разстроенномъ только воображеніи бѣсноватаго,—не есть ли это внѣшнее подтвержденіе дѣйствительности ихъ бытія?

Вотъ почему противъ евангельскаго повѣствованія о чудѣ въ странѣ Гадаринской и направляются съ особою силою возраженія отрицательной критики. Путемъ разбора этихъ возраженій намъ должно доказать его дѣйствительность,—1) какъ событія историческаго, устранивъ недоумѣнія, препятствующія будто бы признанію за нимъ историческаго значенія, и 2)—какъ событія сверхъестественнаго, не допускающаго для себя естественнаго объясненія.

1) Противъ исторической дѣйствительности событія чудеснаго исцѣленія бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской можетъ говорить, повидимому, прежде всего различіе въ названіи мѣ-

ста дѣйствія у евангелистовъ: у Матѳея называется страна Гергесинская, а у Марка и Луки—Гадаринская. Однако-же, считать это различіе въ наименованіи мѣстности у евангелистовъ за противорѣчіе между ними было бы крайне неосновательно. Противъ этого ясно говоритъ прежде всего исторія св. текста, свидѣтельствующая, что въ настоящемъ случаѣ чтеніе его далеко не всегда было одинаковымъ ¹⁾. Принятое теперь чтеніе (Т. Rec.) имѣетъ для себя много основаній ²⁾, но какъ мало значенія можно придавать заключающейся въ немъ упомянутой разности въ наименованіи мѣстности у евангелистовъ, видно изъ того, что и въ настоящее время извѣстный изслѣдователь новозавѣтнаго текста—К. Тишендорфъ предполагаетъ, что и въ евангеліи Матѳея страна должна именоваться Гадаринскою (Γαδάρηων), т. е., такъ, какъ именуется

1) Такъ, св. Епифаній читалъ его уже въ совершенно обратномъ видѣ: у Мѳ. въ его чтеніи мѣстность названа χωρα Γαδάρηων, а у Мр. и Лук.—Γεργεσηων (или Γερασηων—у Лук.). На основаніи словъ Оригена (In. Joh. T. VI, cap. 24) можно заключать, что въ его время наиболѣе распространеннымъ чтеніемъ у всѣхъ трехъ евангелистовъ было—Γεργεσαιων (vid Godet: Comment. zu d. Evang. d. Lucas. S. 212), или—Γεργεσηων (vid. Olshausen: Bibl. Comm S. 294),—вообще за мѣсто чудснаго событія принимался городъ Гергеса (Γεργεσα). Но Оригенъ же свидѣлствуетъ, что нѣкоторые Codd. въ его время читали и Γαδάρηων, и Блекъ полагаетъ, что чтеніе это въ Γεργεσαιων измѣнено уже самимъ Оригеномъ. Оригенъ чтеніе Γεργεσαιων считалъ единственно правильнымъ, пбо, по его словамъ, Гергеса, городъ въ Араліи, не имѣлъ вблизи ни озера, ни моря; Гадара, городъ въ Іудеѣ, извѣстенъ теплыми ключами, но также не имѣетъ вблизи ни водоемовъ съ отвѣсными берегами, ни моря,—и только именно Гергеса, развалины которой видны у береговъ Тиверіадскаго моря, можетъ быть признана за мѣсто совершенія великаго чуда, и около нея показываютъ, дѣйствительно, скалу, съ которой изверглось въ озеро стадо. Не входя, затѣмъ, въ подробный историческій обзоръ измѣненій текста и различн. мѣній по вопросу о дѣйствительности его чтеній, представимъ всѣ разночтенія его въ видѣ слѣд. таблицы:

	Мѳ.	Мр.	Лк.
Епифаній:	Γαδάρηων (и Γεργεσαιων);	Γεργεσηων;	Γεργεσηων (и Γερασηων).
Оригенъ:	Γεργεσαιων;	Γεργεσαιων;	Γεργεσαιων.
Нѣк. Codd. его вр:	Γερασηων;	Γερασηων;	Γερασηων.
Tischend. Ed. VIII:	Γαδάρηων;	Γερασηων;	Γεργεσηων.
Text Recert.	Γεργεσηων;	Γαδάρηων;	Γαδάρηων.

Нѣкоторые ученые читаютъ согласно съ Text Rec. (Грисбахъ и Шольцъ), другіе сомнѣваются относительно Матѳея: не должно ли у него стоять Γερασηων или, по Фрвцше, Γαδάρηων.—(Vid Olshausen ib, S. 294).

²⁾ Codd. AB. GL.

она теперь (въ Т. Рес.) у Марка и Луки. Это постоянное употребленіе одного имени вмѣсто другаго не достаточно ли свидѣтельствуесть уже о тождествѣ ихъ,—о томъ, что страна Гадаринская или Гергесинская—одно и тоже? И справедливость такого соображенія вполне подтверждается вѣшними данными, именно географическими свѣдѣніями. Гадара находилась вблизи Галилейскаго моря, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ю—Восточнаго конца его ¹⁾. Иосифъ Флавій называетъ ее главнымъ городомъ Переи; Плиній причисляетъ ее къ Десятиградію; область ея легко могла простираться до моря ²⁾. Гергеса также лежала при морѣ Галилейскомъ или Тиверіадскомъ—и вблизи Гадары ³⁾. Естественно, что одна и таже мѣстность безразлично называлась именемъ то того, то другаго города ⁴⁾. Маркъ и Лука, замѣчаютъ Эбрардъ, писавшіе для вѣспалестинскихъ читателей, описываютъ мѣстность болѣе общо, именно по городу Гадарѣ,

¹⁾ Godet, *ib.*, S. 213 и у Д-ра Конпингсма Гейки: Жизнь и ученіе Іисуса Христа. Перев. съ англ. св. М. Фивейскаго. Москва 1894. Вып. III, изъ примѣч. къ гл. XLII, стр. 388.—Извѣстіе Оригена въ этомъ сл., слѣд., несправедливо.

²⁾ *Ibid.* у Гейки можно читать и болѣе подробныя свѣдѣнія о Гадарѣ.

³⁾ Совершенно несправедливо утвержденіе Мейера (*Krit. exeget. Handbuch*, S. 229), что отъ Гергесы не осталось никакого слѣда.—„Бытіе города этого имени, говоритъ Годэтъ, не только засвидѣтельствовано Оригеномъ, Квсениемъ и Иеронимомъ, но и нынѣ находятся руины съ именемъ Герса или Керса вблизи устья Вадн-Семаиъ (Ю. З. отъ озера—моря); по Толетону,—еще видна и окрѣпительная стѣна. Этотъ путешественникъ говоритъ: море въ этомъ мѣстѣ столь близко отъ подошвы горы, что животныя, разъ они вступили на откосъ, должны были съ необходимо возрастающею скоростью скатиться до самой воды. Вильсонъ (*Athenaeum*, 1866 I, p. 438) изъясняетъ, что это единственное мѣсто на всемъ берегу, которое соответствуетъ всемъ обстоятельствамъ библейскаго повѣствованія“ (*Godet, ibid.*).

⁴⁾ Слѣд., для примиренія мнѣшаго противорѣчія между евангелистами нѣтъ нужды прибѣгать даже къ предположенію Блеска, что подъ Гергесою должно разумѣть Герасу,—городъ, по свидѣтельству Птоломея и Плинія, находившійся вблизи Гадары. По мнѣнію Блеска, именно Оригенъ измѣнилъ чтеніе Γερασουῶν въ Γεργεσιῶν, по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили. Помимо голословности этого послѣдняго предположенія, все вообще мнѣніе Блеска не можетъ быть принято и потому, что въ дѣйствительности Гераса (ея развалины также показываются в нынѣ (См. у Мейера, стр. 228) лежала далеко отъ Гадары и отъ моря Тиверіадскаго (*Godet, Olshavsen и Meyer ibid.*). Предположеніе, что ея область простиралась до моря, хотя она сама была весьма удалена отъ него,—съ натяжкой лишь можетъ быть примирено съ Мф. VIII, 33—34 и Лк. VIII, 27.

удаленному (отъ моря) на одинъ часъ (пути), но замѣчательнѣйшему и извѣстнѣйшему ¹⁾).

Еще болѣе недоумѣній можетъ возбуждать разногласіе Евангелистовъ въ опредѣленіи числа бѣсноватыхъ. По ев. Матѳею Господь исцѣлилъ въ странѣ Гадаринской двухъ бѣсноватыхъ, а по Марку и Лукѣ—одного. Вопросъ о причинахъ такого разногласія принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ въ толкованіи Евангелія, тѣмъ болѣе, что соприкасается съ такъ называемымъ синоптическимъ вопросомъ, т. е. вопросомъ о взаимномъ отношеніи между собою первыхъ трехъ Евангелій,—о причинахъ ихъ близкаго сходства и—тѣмъ болѣе удивительнаго, при такомъ сходствѣ, въ пныхъ мѣстахъ противорѣчія (поразительный примѣръ котораго и представляетъ данный случай),—этотъ же вопросъ, по величайшей своей важности и трудности, не таковъ, чтобы его можно и позволительно даже было рѣшать въ нѣсколькихъ словахъ. Поэтому ограничимся только выясненіемъ причинъ, по которымъ слѣдовать Марку и Лукѣ въ настоящемъ случаѣ предпочтительнѣе, чѣмъ Матѳею. Сличая между собою повѣствованіе всѣхъ трехъ Евангелистовъ, нельзя не придти къ заключенію, что Маркъ и Лука передаютъ событіе со всею точностію, и ихъ повѣствованіе является историческимъ въ собственномъ смыслѣ слова. У нихъ, и особенно у Марка, много подробностей, отсутствующихъ у Матѳея, повѣствованіе котораго носитъ нѣкоторый характеръ общности, что и даетъ основаніе думать, что Евангелистъ въ своемъ разсказѣ имѣлъ въ виду не одно это только чудо. Въ частности—въ отношеніи именно числа бѣсноватыхъ—извѣстія Марка и Луки заслуживаютъ большаго довѣрія и потому, что бѣсноватый былъ одержимъ челоуѣконенавистничествомъ и въ припадкахъ бѣшенства „былъ,—какъ говоритъ св. Лука,—гонимъ бѣсомъ въ пустыни“, т. е. въ мѣста чуждыя присутствія людей,—вообще описаніе состоянія бѣсноватаго у Марка и Луки дѣлаетъ маловѣроятною мысль о томъ, чтобы ихъ могло быть два и чтобы они могли жить вмѣстѣ,—какъ это выходитъ по смыслу повѣствованія ев. Матѳея.

¹⁾ Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte Von I. G. A. Ebrard. 3-te Aufl. Frankfurt a M. 1868, S. 396.

Слѣдуя вообще не хронологическому, а прагматическому порядку въ изложеніи евангельской исторіи, Матеей и въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду дѣйствительно не одно событіе; скорѣе всего онъ чудо въ странѣ Гадаринской въ своемъ повѣствованіи сливаетъ съ чудомъ въ синагогѣ Капернаумской, переданнымъ у Марка (1, 21—27) и Луки (IV, 31—37), но не переданнымъ отдѣльно у самого Матеея. Нѣкоторый намекъ на это находимъ въ настоящемъ повѣствованіи его. Излагая событіе вообще болѣе кратко, чѣмъ Маркъ и Лука, Матеей, однако, дѣлаетъ къ первой части повѣствованія нѣкоторое добавленіе: онъ передаетъ слѣдующія слова бѣсноватыхъ Господу: „Пришелъ ты сюда прежде времени мучить насъ“.—Этихъ словъ не приведено у Марка и Луки въ настоящемъ повѣствованіи, но, читая у нихъ исторію о бѣсноватыхъ въ Капернаумской синагоги, находимъ тамъ весьма подобныя выраженія: „Пришелъ Ты погубить насъ“ (Mr. I, 24 ср. Лк. IV, 34). Итакъ, можно предполагать, что опуская въ своемъ евангеліи повѣствованіе о чудѣ въ Капернаумской синагогѣ, Матеей вноситъ нѣкоторыя черты, взятая изъ этого событія, въ повѣствованіе о *подобномъ* же чудѣ, совершенномъ на берегу Гадары. Въ этомъ мы будемъ имѣть достаточное возраженіе противъ Мейера, утверждающаго, будто бы „это дѣло (т. е. сліяніе въ одномъ разсказѣ двухъ событій) было бы произведено тогда (т. е. если бы это были дѣйствительно такъ) легкомысленно“, ¹⁾—т. е. неискусно, механически. Въ дѣйствительности—наоборотъ. Матеей избираетъ существеннѣйшее въ обоихъ событіяхъ. Краткія слова бѣсноватыхъ, приводимыя имъ, имѣютъ свое значеніе въ его евангеліи—и при томъ немаловажное: они характеризуютъ отношеніе нечистыхъ духовъ къ Господу, именно-ихъ знаніе о томъ, Кто столь властно изгоняетъ ихъ, лишаетъ ихъ могущества и силы,—и о цѣли пришествія Его. Это важное обстоятельство Маркъ и Лука отмѣчаютъ, помимо переданной у нихъ исторіи исцѣленія въ Капернаумской синагогѣ, и отдѣльно. Лука ²⁾ повѣствуетъ: „выходили также и бѣсы изъ многихъ съ крикомъ: Ты Христосъ, Сынъ Божій. А

¹⁾ Krit. exeget. Handbuch. ub. d. Matth. S. 229.

²⁾ Лк. IV, 41.

онъ запрещалъ имъ сказывать, что они знаютъ, что Онъ Христосъ“. И Маркъ ¹⁾: „и духи нечистые, когда видѣли Его, падали предъ Нимъ и кричали: Ты Сынъ Божій. Но Онъ строго запрещалъ имъ, чтобы не дѣлали Его извѣстнымъ“. То же самое и въ 1 гл., 34 ст.

Такимъ образомъ, Матѳеей въ первой части излагаемой исторіи беретъ нѣчто изъ событія въ синагогѣ Капернаумской, и именно то, что является важнымъ въ его евангельскомъ повѣствованіи, восполняя его и существенно характеризуюя отношеніе нечистыхъ духовъ къ Іисусу Христу. Если же въ остальномъ онъ совершенно согласенъ съ Маркомъ и Лукою, то это потому, что и онъ далѣе имѣетъ въ виду уже одну только исторію на Гадаринскомъ берегу, *какъ наиболее типичную*. Какъ извѣстно, ев. Матѳеей писалъ свое евангеліе ближайшимъ образомъ для христіанъ изъ евреевъ,—іудейскіе же заклинатели злыхъ духовъ (экзорцисты) обычно ставили въ комнатѣ, гдѣ происходило изгнаніе (духа), сосудъ съ водою, или иной какойнибудь предметъ, который демонъ, выходя, ниспровергалъ ²⁾. Для ев. Матѳея чудесная исторія въ странѣ Гадаринской и являлась по этому особенно замѣчательной и важной въ ряду другихъ исторій того же рода: здѣсь обычное при изгнаніи злыхъ духовъ обстоятельство обратилось въ столь необычное, грандіозное событіе, какъ гибель въ морѣ громаднаго стада.—Исторія въ синагогѣ Капернаумской не нашла себѣ отдѣльнаго мѣста въ евангельскомъ повѣствованіи Матѳея и вошла только какъ составная часть въ повѣствованіе о подобной же, но наиболее замѣчательной исторіи: очевидно, что сліяніе двухъ исторій въ одну—далеко не столь неискусное дѣло, какъ думаетъ Мейеръ,—внимательное разслѣдованіе открываетъ сложную и цѣлесообразную работу ³⁾.

¹⁾ Мр. III, 11—12

²⁾ Godet. Comm. Zu d. Evang. d. Lucas, S. 215.

³⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ въпросъ рѣшаетъ такимъ образомъ: „то, что Лука (и Маркъ) упоминаетъ объ одномъ бѣснующемся, тогда какъ Матѳеей говоритъ о двухъ, не показываетъ между ними разногласія... Мнѣ кажется, что Лука упоминаетъ только о томъ, „который былъ лютѣйшимъ изъ нихъ“... (Ше во святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго.—Бесѣды на евангелиста Матѳея. Изд. 2-е Москва. 1843. ч. I, стр. 573). Также и бл. Августинъ.—Годеть держится доволь-

Кратко отвѣтимъ на другія возраженія отрицательной критики противъ евангельскаго повѣствовачія о чудѣ въ странѣ Гадаринской, выставляемая ею, какъ основанія для сомнѣнія въ исторической достовѣрности его.

А) Д. Штраусъ ¹⁾ указываетъ на противорѣчїе между евангелистами въ передачѣ словъ бѣсноватаго, съ какими онъ обратился къ Господу. Въ ихъ словахъ, какъ они переданы у Матѳея, не слышно ничего, кромѣ ужаса и противленія (*и се возопиша глаголюще: что намъ и Тебѣ, Исусе, Сыне Божїи; пришелъ еси стѣмо президе време мучити насъ. VIII, 29*),— тогда какъ по ев. Марку бѣсноватый самъ устремляется къ Господу (*узрѣвъ же Исуса издавна, тече и поклонися Ему —V, 6*) и, по св. Лукѣ, съ мольбою приближается къ Нему (*узрѣвъ же Исуса и возопивъ, припаде къ Нему и гласомъ велиимъ рече—VIII, 28*). Не трудно видѣть, что противорѣчїе здѣсь—чисто видимое, кажущееся,—и объясняется оно уже раскрытою нами дѣйствительною непослѣдовательностью въ поступкахъ самого бѣсноватаго, когда онъ, съ мольбой приближаясь къ Господу, вмѣстѣ съ тѣмъ заклиналъ Его не мучить его; непослѣдовательность же эта объясненіе для себя находитъ въ ужасномъ, ненормальномъ его душевномъ состояніи. Въ такомъ смыслѣ должно признать, что Евангелисты противорѣчатъ не только другъ другу, но и себѣ самому каждый.

Б) Брюно Бауеръ находитъ страннымъ, что бѣсы не тотчасъ исполняютъ повелѣніе Господа—выйти изъ человѣка—и осмѣливаются еще заклипать Его именемъ Божиимъ—не мучить ихъ. Но, помимо того, что немедленнаго исполненія Своего повелѣнія Господь и не требовалъ (по крайней мѣрѣ обратнаго нельзя видѣть изъ евангельскаго повѣствованія), и что въ

но страннаго мнѣніи, будто бѣсноватыхъ могло быть и два, но исцѣленъ былъ одинъ (Comm. Lu d. Ev. d. Lucas. S. 215). Это значитъ,—примиряя между собой евангелистовъ, вступать въ противорѣчїе со всѣми ими. Штраусъ и Де Ветте считаютъ болѣе достовѣрнымъ повѣствованіе Матѳея, а Вейсе—Марка и Луки, при чемъ Штраусъ полагалъ, что Маркъ и Лука думали усилить впечатлѣніе необычайности событія—черезъ представленіе вселенія легиона духовъ въ одного человѣка, а Вейсе то же самое полагалъ относительно представленія двухъ бѣсноватыхъ у Матѳея (Meyer, Krit.—Exeget. Handb. S. 229).

¹⁾ Vid. I. Ebrard, Wissenschaftl. Krit. d. Evang. Geschichte, S. 397.

намѣреніи Самого Господа, быть можетъ, было, чтобы чудо совершенно было съ извѣстнаго рода постепенностью,—въ этомъ можно видѣть и отличительное свойство перваго явленія Господа въ міръ: что Онъ, по пророчеству, трости надломленной не преломилъ и льна курящагося не угасилъ,—и даже такое жалкое бытіе, какъ демоны, могли пользоваться Его безконечной кротостію и выступать предъ Нимъ съ своими мольбами. Тѣмъ не менѣе—они Его власть признаютъ и волю Его, хотя и послѣ нѣкотораго протеста, исполняютъ въ безусловной точности, такъ что Онъ неизмѣнно остается Владыкою всѣхъ,—хотя и смиреннымъ. Должно, впрочемъ, припомнить, что и при второмъ явленіи Его въ міръ—осуждаемые Имъ, грознымъ Судіею всѣхъ, выступаютъ предъ Нимъ, по Его же предсказанію, съ оправданіями, и притомъ совершенно неосновательными. Велчіе Божіе, очевидно, не такого деспотическаго характера, какъ инымъ представляется.

В) Д. Штраусъ и Б. Бауэръ находятъ невозможнымъ для діавола заклинаніе именемъ Бога, съ какимъ, по ев. Марку (V, 7), обратился бѣсноватый къ Господу ¹⁾. Это предположеніе, конечно,—лишь личное ихъ предположеніе; по замѣчанію Эбрарда ²⁾, оно основывается развѣ на дѣтскихъ сказкахъ, гдѣ разсказывается, какъ демоны обращаются въ бѣгство при одномъ имени Бога.

Изъ Откровенія же намъ извѣстно, что сатана можетъ принимать образъ ангела свѣта, т. е. ближайшаго слуги Бога: почему же предполагать, что для него невозможно произнести имя Бога?.. И исторія праведнаго Іова свидѣтельствуешь, да и то, что и самое предстоаніе предъ престоломъ Божиимъ (хотя и не блаженное, конечно) возможно для діавола.

Г) Б. Бауэръ въ просьбѣ злыхъ духовъ къ Господу, чтобы Онъ не высылалъ ихъ изъ страны той и не повелѣлъ имъ идти въ бездну, видитъ подтвержденіе того, что самое евангельское повѣствованіе въ данномъ случаѣ построено на народныхъ предразсудкахъ о бытіи мѣстныхъ духовъ (Localgeist), подобныхъ русалкамъ, живущимъ въ водѣ, лѣшимъ, живущимъ въ лѣсахъ,

¹⁾ Vid Ebrard, Wissenschaftl. Critic. d. evang. Geschichte, S. 397.

²⁾ Ibid.

домовымъ, обитающимъ на чердакахъ и т. д. ¹⁾). Но смыслъ просьбы демоновъ—не прогнать ихъ изъ страны той и не посылать ихъ въ бездну—мы уже видѣли. Да если бы и дѣйствительно допустить, что для этихъ злыхъ духовъ страна Гадаринская представлялась какъ бы опредѣленнымъ мѣстопробываніемъ на землѣ, то отсюда еще ровно ничего не слѣдовало бы. По ученію Откровенія, есть Ангелы—хранители цѣлыхъ странъ и человѣческихъ обществъ ²⁾); почему же не предположить, что и дѣятельность отдѣльныхъ злыхъ ангеловъ приурочена также къ опредѣленному мѣсту?

Д) Д. Штраусъ въ удивленіи останавливается предъ обозначеніемъ у ев. Марка числа погибшихъ въ морѣ животныхъ („а ихъ было около двухъ тысячъ“ ³⁾) и задается вопросомъ: откуда Евангелистъ могъ узнать объ этомъ ³⁾).

Де-Ветте также эту подробность считаетъ за измышленную; Блеекъ—позднѣйшей прибавкой изъ преданія ⁴⁾). На самомъ дѣлѣ—вопросъ этотъ не заслуживаетъ даже вниманія, ибо вполне очевидно, что, во первыхъ, обозначеніе числа погибшихъ животныхъ Евангелистомъ сдѣлано приблизительно (около двухъ тысячъ),—слѣд.,—какъ это возможно было сдѣлать для каждаго очевидца событія; напр., Апостола,—и, во вторыхъ, что число это легко могло быть опредѣлено и сбѣжавшимся изъ города жителями.

Е) Павлюсъ и Штраусъ разсуждаютъ, что демоны поступили совсѣмъ неумно, когда свое новое жилище они тотчасъ же и разрушили ⁵⁾). Блаж. Теофилактъ и Евфимій Зигабень предполагаютъ, что демоны погубили стадо, чтобы отклонить Гадарянъ отъ принятія Спасителя и вѣры въ Него,—что и было ими достигнуто ⁶⁾). Справедливо разсуждаетъ еще одинъ толкователь, что злой волѣ не свойственно разсуждать, къ какимъ

¹⁾ Vid. I. Ebrard, Wissenschaftl. Kritik. d. ev. Geschichte, S. 397.

²⁾ См. Преосв. Макарія, Правосл. Догм. Богосл. т. I, стр. 548—553, § 107 (изд. IV, СПб. 1883).

³⁾ Vid. I. Ebrard, Wissenschaftl. Kritik. d. evang. Geschichte, S. 397.

⁴⁾ Godet, Comm. zu d. evang. d. Lucas, S. 215.

⁵⁾ Vid. I. Ebrard Wissenschaftl. Kritik. d. evang. Geschichte, S. 401, Meyer, Krit.—exeg. Comment., S. 231.

⁶⁾ Такъ же и Oeshavsen—Biblischer Commentar, S. 301.

гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ ея рѣшенія,—какъ, напр., и люди приближаютъ къ себѣ смерть пороками и страстями, не въ силахъ, однако, будучи отказаться отъ служенія имъ ¹⁾. По другому его объясненію, свиньи низверглись въ море вопреки волѣ демоновъ, которые, внушивъ имъ панической ужасъ, не въ силахъ были сдержать ихъ дикаго порыва. Последнее объясненіе—неудачно. Должно имѣть въ виду, что *для злыхъ духовъ ничего больше и не оставалось, какъ потопить свиней*. Ибо, хотя имъ и дано было Господомъ позволеніе войти въ нихъ, но не дано было позволенія оставаться въ странѣ той и не идти въ бездну. Слѣд. войдя въ свиней, они должны были причинить имъ моментально наибольшей вредъ, чтобы устремиться тотчасъ же и самими въ бездну; обитать въ „новомъ жилищѣ“ демоны и не могли.

Ж.) Наконецъ, Гфререръ находитъ, что, оставляя исцѣленнаго у Гадарянъ въ качествѣ проповѣдника, Господь поступилъ вопреки Своимъ обыкновеніямъ, ибо въ другихъ случаяхъ Онъ Самъ запрещалъ исцѣленнымъ распространять молву о бывшемъ съ ними ²⁾. Но никакихъ „обыкновений“ въ такомъ родѣ, конечно, не было и быть не могло: Господь по Своему усмотрѣнію поступалъ такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ. Онъ запрещалъ проповѣдывать о Себѣ и о чудесахъ Своихъ въ Иудеѣ, гдѣ были попытки возвести Его въ царя,—но не было основаній запрещать такой проповѣди въ странѣ Гадаринской, гдѣ, кромѣ пользы ея обитателямъ, она не могла принести ничего.

2. Попытки *естественнаго объясненія* чуда въ странѣ Гадаринской касаются собственно послѣдняго момента его, именно гибели стада въ морѣ подъ дѣйствіемъ вошедшихъ въ него бѣсовъ,—такъ какъ другоде чудесное обстоятельство, именно—исцѣленіе бѣсносватаго, съ точки зрѣнія отрицательной критики, нарочитаго объясненія для себя, какъ мы видѣли, и не требуетъ. Признаніе за нимъ чудеснаго характера стоитъ въ зависимости отъ принятаго взгляда на характеръ событія гибели стада въ морѣ.

¹⁾ I. Эбраръ (Wissenschaftl. Kritik. S. 401).

²⁾ I. Ebrard. (Wissenschaftl. Kritik. S. 398).

Мейеръ называетъ обычнымъ мнѣніе, будто гибель стада произошла такимъ образомъ, что бѣсноватые бросились къ животнымъ, привели ихъ въ ужасъ и вмѣстѣ съ ними въ страшномъ припадкѣ бѣшенства низверглись въ море ¹⁾; Неандеръ и многіе другіе предполагаютъ, что стадо погибло отъ случайной и неизвѣстной причины ²⁾. Эвальдъ и Лянге полагали, что ужасъ, послужившій причиною гибели животныхъ, былъ вызванъ послѣдними припадками бѣшенства у бѣсноватаго, предъ тѣмъ, какъ онъ окончательно успокоился ³⁾. По другому объясненію тѣхъ же ученыхъ ⁴⁾, Иисусъ Христосъ только согласился на просьбу бѣсноватаго, чтобы бѣсы, вышедши изъ него, вошли въ стадо свинное,—изображеніе же гибели стада—позднѣйшая прибавка, явившаяся, какъ естественное слѣдствіе того предположенія, что за позволеніемъ—повелѣніемъ Господа должно было послѣдовать и исполненіе его, тѣмъ болѣе, что свиньи были животныя нечистыя, и народное остроуміе утверждало, что когда и свинья уже гибнетъ, бѣсу ничего уже болѣе не остается, какъ отправиться въ адъ (Эвальдъ). Д. Штраусъ повѣствованіе о гибели свиней въ морѣ прямо относитъ къ числу мнѣовъ („мнѣы, ясныя мнѣы“ ⁵⁾),—чрезвычайно легкое объясненіе всякихъ „неудобныхъ“ евангельскихъ повѣствованій, потерявшее, однако, въ настоящее время уже всякій кредитъ.

Достаточнымъ возраженіемъ противъ всѣхъ этихъ попытокъ естественнаго объясненія чуда въ странѣ Гадаринской можетъ служить самое евангельское повѣствованіе о немъ,—именно своею цѣльностью, нерасторжимой связью всѣхъ своихъ частей. Признать ли разсказъ о гибели стада въ морѣ позднѣйшей вставкой, или допустить, что эта гибель произошла отъ причинъ случайныхъ и естественныхъ: общій смыслъ евангельскаго повѣствованія будетъ одинаково искаженъ и нарушенъ,—равно какъ и потеряютъ значеніе и необъяснимыми станутъ

¹⁾ Krit.—exeget. Handbuch, S. 231, cfr. Godet, Comm. Znd. Ev. d. Lucas, S. 215. Такъ именно Шенкель (Ebrard, Wissenschaftl. Kritik. S. 397—398).

²⁾ Meuer ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ (Olshavsen, Bibl. Comm. S. 300). Meyer. S. 232. cfr. 134.

⁵⁾ Olshavsen, Bibl. Comm. S. 300.

другія части его. Такъ, гибелью стада въ морѣ исключительно объясняется просьба Гадарянъ къ Господу—отъйти отъ предѣлъ ихъ—и Его дѣйствительно кратковременное пребываніе въ странѣ ихъ. Это же событіе, т. е. гибель стада, и именно въ томъ видѣ, какъ повѣствуетъ о немъ Евангеліе, необходимо предполагается и соизволеніемъ Господа, на извѣстную просьбу демоновъ.

Правда, при попыткахъ естественнаго объясненія событія гибели стада въ морѣ—и просьба демоновъ изъясняется въ несобственпомъ смыслѣ, т. е. какъ принадлежащая не демонамъ дѣйствительно, а самому бѣсноватому, который, при своей маніи (*idée fixe*), непремѣнно нуждался, будто бы, для увѣренія въ дѣйствительности своего исцѣленія въ томъ представленіи, что демоны отъ него перешли къ другимъ существамъ ¹⁾). Но и противъ такого толкованія вновь свидѣтельствуется само евангельское повѣствованіе органическимъ единствомъ своихъ частей, ибо просьба демоновъ о позволеніи войти въ стадо свиней неразрывно связана съ предшествующей ихъ просьбой—о дозволеніи остаться въ странѣ той,—послѣ неудачи одной просьбы, они обращаются къ Господу съ другою: *иже изгнати ны* (по снесенію съ Мар. и Лк.—не только изъ чловѣка сего, но—и *изъ страны сей*), повели намъ ити въ стадо свинное (Мѡ.). Просьба же о позволеніи остаться въ странѣ той несомнѣнно принадлежала демонамъ: какой бы смыслъ она имѣла въ устахъ бѣсноватаго, если бы принадлежала ему лично?...

Но отсюда становится яснымъ, что гибель стада—это необходимый, неустранимый моментъ въ еванг. повѣствованіи о чудѣ въ странѣ Гадаринской: если позволеніе войти въ стадо свиней дано было Господомъ бѣсамъ ради *ихъ* именно просьбы, а не по желанію бѣсноватаго, тогда за этимъ позволеніемъ не могло не послѣдовать гибели стада, потому что для бѣсовъ, какъ мы видѣли, свиньи были только какъ бы путемъ въ преисподнюю, а потому, далѣе, ихъ просьба не имѣла бы смысла, если бы они не имѣли въ виду именно гибели животныхъ.

К. Сильченковъ.

¹⁾ Что было внѣшнимъ подтвержденіемъ исцѣленія, подобнымъ тому, какое, какъ упоминали мы, употребляли іудейскіе экзорцисты.

КУЛЬТЪ ЗОЛОТАГО ТЕЛЬЦА.

(ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.)

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* помѣщена мало кѣмъ замѣченная, но чрезвычайно интересная статья г. И. Яковлева подъ заглавіемъ: „Письма изъ Парижа“. Авторъ, правда, касается лишь вопроса о томъ, какъ смотрятъ на бракъ во Франціи, но этотъ, по видимому, частный вопросъ даетъ ему поводъ сдѣлать слѣдующій выводъ:

Одинъ фактъ для насъ теперь ясенъ до очевидности: это сила и значеніе денегъ—золота и капитала въ современной французской жизни. Капиталь, *какъ тькое высшее начало*, царитъ надъ этой жизнью, подчинилъ себѣ все: семью, дѣтей, любовь, воспитаніе, здоровье, нравственность, все будущее цѣлаго народа. Чтобы сдѣлаться капиталистомъ-рантьеромъ, рабочій спивается, молодой дѣвушка сознательно отдается разврату; чтобы не допустить раздробленія накопленнаго капитала, *богатый* человѣкъ отказывается отъ счастья имѣть потомство, и эту мысль о всеисильномъ значеніи капитала стараются вбить въ голову даже маленькимъ школьникамъ, увѣряя ихъ, что при помощи сберегательной книжки накопится богатство, которое дѣлаетъ *нравственнымъ*.

Это—коммерческій принципъ, возведенный на высоту Евангелія, мѣсто котораго онъ занялъ въ средѣ современнаго французскаго общества, принципъ жадный и прозаическій, съ зловредными послѣдствіями котораго Франціи нашихъ дней приходится считаться на каждомъ шагѣ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ слѣдя за тѣмъ, что дѣлается за границей, могу сказать, что это совершенно вѣрный выводъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ затронутому г. Яковлевымъ вопросу, скажу нѣсколько словъ, по поводу этого „принципа, возведеннаго на высоту Евангелія“, дающаго внѣшній блескъ, но грозящаго самыми ужасными послѣдствіями для Европы.

Не въ одной Франціи, а во всей Европѣ *атеизмъ* развивается съ чрезвычайною быстротой. Число *некрещенныхъ* всюду увеличивается, такъ что выработались особые термины для записи такихъ язычниковъ, а именно: „sans religion“ (безъ религии) и „Confessionslos“. Мода *не* крестить дѣтей распространяется не только среди „интеллигенціи“, но и среди простаго народа, среди рабочихъ. Въ такой же модѣ—гражданскія похороны и гражданскіе браки. Атеизмъ распространяется въ рабочихъ классахъ подъ фирмой „соціализма“, въ образованныхъ—подъ фирмой *франкмасонства*. Недавно умершій президентъ французской палаты Шарль Флоке во время засѣданія заявилъ, что онъ, какъ и большинство членовъ палаты, франкмасонъ. Нынешній президентъ Франціи, Феликсъ Форъ, и бывший первый министръ, Леонъ Буржуа—также франкмасоны, смотрящіе на христіанство лишь какъ на предразсудокъ, котораго придерживаются лишь „необразованные“ люди.

Боги Европы теперь—золотой телецъ, Вааль, Молохъ; идеаль счастья—богатство.

Что-же даютъ эти боги и этотъ идеаль? Дѣйствительно-ли дѣлаютъ они людей *счастливыми*?

Если смотрѣть съ *внѣшней* стороны, то *да*,—Европа богаче насъ; тамъ жизненные удобства,—правда, не для всѣхъ,—лучше. Но это же вызвало безумную погоню всѣхъ за этими удобствами, которымъ *нѣтъ предѣла*, ту ужасную „борьбу за существованіе“, которая не знаетъ пощады и превращаетъ чело-вѣка хуже, чѣмъ въ дикаго звѣря, ибо и звѣри не „разбойничаютъ“ (обыкновенно) когда они сыты, а чело-вѣкъ цивилизованный нынѣ лишь тѣмъ отличается отъ звѣря, что гораздо его кровожаднѣе. Ему нужны не *душевное* спокойствіе, не *внутреннее* самодовольство, а—деньги, деньги и деньги.

И вотъ мы видимъ, что Европа вполне оправдываетъ русскую пословицу: „и чрезъ золото слезы льются“. Атеистическая цивилизація даетъ людямъ золото, но за то дѣлаетъ ихъ *зтѣе, хуже*, и это отравляетъ все.

Въ политикѣ сейчасъ нѣтъ и помину о чести, но и въ частныхъ дѣлахъ не лучше. Сынъ—французъ преспокойно (не говорю: „съ чистою совѣстью“, ибо таковой нынѣ не предпола-

гается) посадить родного отца въ тюрьму, если это будетъ законно. Въ лихорадочной погонѣ за наживой, всѣ тамъ не живутъ, а буквально *мучатся*, работая страшно много и никогда не удовлетворяя всѣмъ своимъ матеріальнымъ потребностямъ; а иныхъ потребностей, кромѣ матеріальныхъ, и не предполагается.

Письмо г. Яковлева обрисовываетъ послѣдствія этого міровоззрѣнія для жизни *семейной*,—и вотъ какое „счастье“ даетъ это міровоззрѣніе:

Любовь къ благосостоянію, которая есть почти неизбѣжное слѣдствіе *прогресса цивилизации*, страхъ потерять его, когда оно пріобрѣтено, въ одинаковой сильной мѣрѣ содѣйствуютъ безплодію нашей страны. Въ этой бѣшеной погонѣ за богатствомъ, за матеріальными наслажденіями, которая оно доставляетъ, большая семья была бы принятствіемъ, она мѣшала бы двигаться, давалъ соперникамъ возможность опережать пась. Буржуазія, убѣжденная, что при современномъ положеніи нашего общества, и не смотря на наши демократическіе нравы (на поверхности), богатство самый вѣрный путь къ уваженію, самая твердая ступень во власти; буржуазія, говоримъ мы—мечтаетъ для своихъ сыновей о блестящихъ бракахъ, которые соединятъ въ одинъ прекрасный день два богатыхъ наслѣдства. Дети, раздѣляя эти заботы родителей, рано пріучаются смотрѣть на этотъ важнѣйшій актъ въ жизни, какъ на счастливую *спекуляцію*“...

Еще „реальнѣе“ новый взглядъ на бракъ выражается въ слѣдующихъ словахъ:

Бракъ сдѣлался ассоціаціей капиталовъ. Мужчина и женщина представляютъ собою только двѣ слагаемыя единицы: бракъ есть итогъ. Дети, рождающееся отъ умноженія этихъ двухъ факторовъ, есть продуктъ. Слова: любовь, честь, красота, молодость, такъ же мало имѣютъ тутъ мѣсто, какъ въ любомъ трактатѣ о логарифмахъ. Молодежь, зрѣлые люди и даже старпки, съ одинаковою жадностью бросаются въ эту повую коммерческую сдѣлку. Союзъ мужчины и женщины не представляетъ собою поэтическаго сна въ лѣтнюю ночь; это—сонъ въ зимній морозъ... Глядя на это, можно подумать, что человекъ—растеніе, утратилъ свой прежній горячій и красный сокъ. *Тутъ все холодно, какъ золотая монета.* Это какая-то новая вавилонская башня, которая строится съ помощью снѣга и грязи.

Даже положеніе очень богатыхъ людей въ данномъ случаѣ не только не лучше, но хуже, чѣмъ бѣдняковъ. Каждая богатая невѣста во Франціи является жертвой „брачныхъ агентствъ“:

Эти агентства играютъ во французскомъ обществѣ огромную роль, гораздо большую, чѣмъ можно думать. Въ одномъ Парижѣ ихъ не менѣе 60 (и то еще я имѣю въ виду лишь большія, извѣстныя, ведущія дѣла въ *богатомъ* обществѣ). Они рассылаютъ своихъ агентовъ по всей Франціи и ведутъ дѣла милліонныя.

Представители агентствъ имѣютъ доступъ въ богатые салоны и содержатъ даже сами таковыя, не на свое имя, конечно. Въ Парижѣ всегда можно найти почтенную, но разорившуюся матрону, которая желаетъ вести прежнюю жизнь на широкую ногу. Вотъ, къ такой-то дамѣ являютъ на помощь брачныя агентства. Они даютъ ей возможность содержать салонъ, принимать молодыхъ людей и богатыхъ наслѣдницъ, и тамъ обдѣлываютъ свои дѣла. «Появление на горизонтѣ богатаго приданого, рассказываетъ *Фшаро*,—есть цѣлое событіе въ мірѣ агентствъ. Такъ преслѣдуется браконьерами золотой фазанъ, попавшій въ лѣсъ, гдѣ находится одна дрозды. Всѣмъ извѣстенъ миллионный бракъ, рѣшенный въ салонѣ, который составлялъ отдѣленіе агентства, въ двѣ минуты—время нужное, чтобы сварить яйцо»...

„Почти всегда бракъ дѣлается при помощи агентства, разумѣется, безъ вѣдома молодой дѣвушки. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе отвратительное, какъ видъ несчастныхъ дочерей миллионеровъ, за которыми съ утра до вечера гонится хищная толпа агентовъ. И богатая невѣсты отлично знаютъ, что такое брачное агентство. Оно всегда—ихъ ужасъ и манія. Онѣ всегда подозрѣваютъ, что молодой человѣкъ, съ которымъ онѣ вальсируютъ, подосланъ какою-нибудь агентствомъ... И нерѣдко случается, что жена, въ одинъ прекрасный день, послѣ свадьбы, узнаетъ, что мужъ въ выборѣ ея игралъ гораздо менѣе самостоятельную роль, чѣмъ въ выборѣ свадебнаго ожерелья“.

У насъ много говорятъ о женской эмансипаціи, о бѣдственномъ положеніи рабочаго класса. Но посмотрите, что дѣлается во Франціи, гдѣ,—шутка-ли!—рабочіе пьютъ кофе и мочятся мыломъ:

Судьба работницы-жены и матери повстинѣ каторжная. Встаетъ она въ шесть часовъ утра, обрядитъ хозяйство, накормитъ дѣтей и въ семь должна уже стоять передъ громадными желѣзными воротами фабрики: если фабрика далеко отъ дома, приходится вставать часомъ раньше. Окончивши работу въ 6—7 часовъ вечера, нужно немедленно, не отдыхая, на голодное брюхо, браться за стиральню, за дѣтѣй, а затѣмъ обшивать и починить свое и мужнино платье и бѣлье. Что дѣлаетъ еще болѣе ужаснымъ положеніе рабочаго „мапсжа“, это то, что чѣмъ онъ бѣднѣе и угнетеннѣе, тѣмъ больше нѣ имеетъ дѣтей. Рабочій ремесленникъ, хорошо зарабатывающій, обыкновенно предусмотрителенъ, боится потерять свой маленькій комфортъ, и потому больше одного-двухъ дѣтей не имѣетъ. Но бѣднякъ на все махнулъ рукой, и дѣтей у него всегда куча. Уходя на работу, ихъ запираютъ на замокъ на цѣлый день, если онѣ не очень маленькія папримѣръ, 2-3 лѣтъ; грудныхъ привязываютъ полотенцемъ къ подушкѣ, сунувши ему въ ротъ соску изъ сквернаго молока, сидра или даже изъ вина и водки съ *амьбонж*. Дѣтей побольше отправляютъ въ *asiles*, которыхъ въ большихъ городахъ довольно много. До изданія закона о даровомъ и обязательномъ обученіи, 7-8 лѣтнихъ дѣтей уже отправляли на заводы и фабрики, гдѣ они неокрѣпшими, маленькими ручками вертели колеса. Но къ тому времени, когда дѣтей приходится отдавать въ школу, родители ихъ чаще всего бросаютъ на произволъ судьбы. Таквихъ брошенныхъ дѣтей во Франціи насчитывается 150.000. Законъ, предусмотрѣвшій случаи, когда родители не пожелаютъ исполнять своихъ обязанностей

чтобы дать своимъ дѣтямъ духовную пищу, забыть тѣ случаи,—увы, навболѣе многочисленныя! когда родители не пожелаютъ, или не будутъ въ состояніи дать имъ пищу матеріальную. А, между тѣмъ, безъ этой пищи и та въ прокъ идти не можетъ.

Развѣ это не картина полнаго разложенія семьи? И всѣ эти рабочіе, пьющіе кофе и моющіеся мыломъ,—озлобленные до послѣдней степени, озлобленные на всѣхъ и на вся, относящіеся даже къ собственнымъ дѣтямъ какъ къ щенкамъ, которыхъ можно безъ всякаго угрешенія совѣсти (которой и быть *не должно*) выбросить „на произволь судьбы“, что такое эти рабочіе?

Мнѣ приходилось видѣть крайнее изумленіе многихъ иностранцевъ, когда они близко познакомились съ бытомъ русскихъ мужичковъ. Проработаетъ—себѣ цѣлый день, поужинаетъ капустой съ квасомъ, лукомъ и хлѣбомъ, помолится предъ образомъ и отправляется спать. Если на утро праздникъ, сходитъ къ утрени и обѣднѣ, а затѣмъ цѣлый день „гуляетъ“ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Это добродушіе приводило иностранцевъ не только въ недоуменіе, а—въ негодованіе, какъ доказательство того, что русскіе мужики не знаютъ, гдѣ ихъ счастье, что они не умѣютъ „защищать свои интересы“ и т. д.

Имъ непонятно, какъ можно быть довольнымъ, не напившись кофе. Но вѣдь, напившись кофе, можно огорчиться тѣмъ, что нѣтъ шампанскаго и т. д. безъ конца. То, что франкмасоны считаютъ за счастье, вѣчно будетъ, убѣгать отъ нихъ.

Да, опасна и пагубна та цивилизація, которая порываетъ связи съ христіанскими началами жизни; и горе тому народу, который увлекается ложнымъ блескомъ этой цивилизаціи.

Dr. M. Глубоковскій.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТИЮАРТА МИЛЛЯ ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА V.

Свойства Первопричины, проявляющіяся въ ея отношеніи къ тварному бытію. Разборъ возраженій Милля.

Утвердивъ истину, что все бытіе распадается на двѣ части: на бытіе пространственно-временное (тварное) и бытіе безпространственное и безвременное (самобытное), что, далѣе, первое зависитъ отъ втораго, какъ слѣдствіе отъ своей причины, мы этимъ самымъ указываемъ на то, что отношеніе двухъ частей бытія представляетъ собою опредѣленный способъ, что у него должны быть свои свойства. Разумѣется, эти свойства должны касаться какъ той, такъ и другой части; слѣдовательно, мы можемъ выяснитъ вопросъ: какія свойства первопричины міра обнаруживаются въ ея отношеніи къ тварному бытію? Здѣсь можетъ представиться одно метафизическое затрудненіе. Мы нашли, что Богъ есть безпространственная и безвременная причина пространственно-временнаго бытія. Спрашивается: какимъ образомъ первое, будучи чистымъ отрицаніемъ втораго, могло породить его? Этотъ вопросъ разрѣшаютъ не въ пользу нашихъ заключеній тѣ, которые раздѣляютъ метафизическое воззрѣніе, что абсолютное не можетъ стоять ни въ какихъ отношеніяхъ, въ силу своей абсолютности, къ условному. Въ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г., № 9.

разъясненіе поставленнаго вопроса мы считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее. По свидѣтельству опыта, а равно и по законамъ ума невозможно только придавать свойства предмета его отрицанію. Сказать на примѣръ, что бѣлый цвѣтъ есть черный или „человѣкъ“ есть „нечеловѣкъ“, значитъ нарушить указанное правило. Но ничто не даетъ основанія заключенію, будто предметъ не можетъ имѣть причиною для себя своего отрицанія, или что два такіе предмета не могутъ давать другъ съ другомъ какого нибудь положительнаго отношенія. Если мы составимъ формулу: А производится не А, или А связано отношеніемъ в съ не А, то въ ней не будетъ ничего противорѣчащаго опыту, порядку вещей. Пусть А будетъ пространственно-временнымъ бытіемъ, не А—самобытнымъ бытіемъ, отсюда выйдетъ, что между тѣмъ и другимъ можетъ быть всякое отношеніе, въ томъ числѣ и причинное.

Для того, чтобы призвать къ бытію пространственно-временный міръ, требовалась возможность къ тому и соотвѣтственное могущество со стороны призывавшаго; весь такой міръ могъ быть обязанъ своимъ возникновеніемъ только *могуществу*. Богъ сотворилъ все пространственно-временное бытіе, или все, что не Онъ; значить, Онъ не только обладаетъ могуществомъ, но и *всемогуществомъ*.

Созданію міра должно было предшествовать *знаніе*, каковъ онъ, и знаніе это должно было касаться каждой его части въ отдѣльности, а также и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, *всей ихъ совокупности*. Когда міросотвореніе совершилось, знаніе всего его, очевидно, не могло прекратиться; оно лишь изъ знанія *всего міра будущаго* обратилось въ знаніе *всего міра настоящаго*. Но міръ не единственный предметъ знанія. Знаніе было нѣкогда домірнымъ состояніемъ ума, слѣдовательно, оно должно было касаться міра лишь въ его идеяхъ, т. е., заключаться въ *сознаніи* или составлять часть его содержанія. Богъ, сотворившій міръ, такимъ образомъ долженъ обладать *всесвѣднiемъ*, простирающимся какъ на предметы сотвореннаго бытія, такъ и на то, что относится къ бытію *несотворенному*.

Осуществленіе *мірозданія* всецѣло обуславливалось еще знаніемъ *средствъ*, съ помощію которыхъ можно было бы проявить

касающіяся міра идеи. Сотворенный міръ показываетъ, что это условіе выполнено, и такъ какъ оно касалось *всего* міра, то Творецъ его долженъ обладать мудростью, превышающею во столько разъ человѣческую, во сколько предметъ дѣйствія людей уступаетъ предмету дѣйствія Божественнаго, т. е., Онъ долженъ обладать *премудростію*.

Небытіе міра, который началъ существовать по мановенію Божественной воли, показываетъ, что всѣ условія его возникновенія или творенія заключались только въ томъ, что существовало до него. Слѣдовательно, создавъ міръ, Богъ зависѣлъ исключительно отъ Самого Себя. Это свойство нельзя называть иначе, какъ *безусловною свободой*, потому что до появленія міра кромѣ Бога не было ничего и никого, не было никакого условія.

Условія несовершенствъ или пороковъ нравственныхъ, какъ-то: отсутствія святости, благости, правдивости и справедливости, зависятъ отъ какого нибудь *недостатка*. Каждый изъ этихъ пороковъ совершается при слѣдующихъ условіяхъ: съ одной стороны испытывается чувство долга—сдѣлать такъ, какъ повелѣваетъ нравственная обязанность, съ другой—побужденія противоположныя. Совершившійся порокъ не полагаетъ конца дѣйствию перваго условія, вслѣдствіе чего наступаетъ сознаніе, что надо было поступить иначе, но что сдѣлано на-противъ благодаря *слабости, безсилію, недостатку*. Эти явленія свойственны бытію, допускающему сравненіе или мѣру, т. е., бытію пространственно-временному. Творецъ міра свободенъ и отъ пространства и отъ времени, въ Немъ, стало быть, отсутствуютъ самыя причины указанныхъ недостатковъ, и Онъ по необходимости долженъ быть признанъ *всесвятымъ, всеблагимъ, совершенно правдивымъ* и наконецъ, *безусловно правосуднымъ или справедливымъ дѣятелемъ*.

Вотъ основныя свойства Первопричины міра, проявляющіяся въ ея отношеніи къ тварному бытію. Они сопряжены съ тѣми свойствами, которыя должны быть приписаны ей по ея существу, они вытекаютъ изъ нихъ, какъ слѣдствіе изъ причины.

Первая глава показала намъ, что Милль отрицаетъ глав-

нѣйшія изъ нихъ. Онъ не признаетъ слѣдующихъ: всемогущества, всевѣдѣнія, премудрости, всеблагости и справедливости. Разсужденія Милля ведутся на основаніи заключеній, извлекаемыхъ изъ изученія явленій и свойствъ мірозданія, т. е., онъ слѣдуетъ по тому пути, по которому до сихъ поръ шли и мы. Однако заключенія его несогласны съ нашими. Это зависитъ отъ того, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы извлекаемъ положительный выводъ, у Милля является отрицательный, почему онъ приходитъ къ соотвѣтствующему отрицательному же результату; тогда какъ мы постепенно получаемъ рядъ положительныхъ истинъ съ помощію которыхъ, дедуктивнымъ путемъ, открываемъ другія еще не обнаруженныя. Такъ какъ мы полагаемъ, что наши выводы всѣхъ предшествующихъ главъ истинны, то и заключенія, которыя съ необходимостью слѣдуютъ изъ нихъ и которыя составили начало настоящей пятой главы, также истинны, а это равносильно паденію выводовъ Милля. Но онъ представляетъ свои доводы и возражаетъ Теизму. Съ этими возраженіями необходимо имѣть дѣло.

Вникая въ возраженія Милля, нельзя не замѣтить, что онъ главнымъ образомъ старается доказать ограниченность первопричины міра, откуда, очевидно, само собой будетъ слѣдовать, что она обладаетъ и могуществомъ и умомъ также ограниченными. Онъ такъ и начинаетъ съ мысли, что причина міра есть Диміургъ, т. е. Мірообразователь, который, очевидно, ограниченъ; затѣмъ слѣдуетъ развитіе этого основнаго положенія. На первое мѣсто выступаетъ понятіе о цѣлесообразности, „какъ приспособленіе средствъ къ цѣли“. Въ глубинѣ начинающихся отсюда разсужденій лежитъ заключеніе или доводъ, который можно выразить такимъ образомъ: кто подходитъ къ цѣли непрямо, а избираетъ къ ней путь, тотъ, очевидно, ограниченъ; всякій умъ, принужденный въ своемъ изобрѣтеніи или созданіи подбирать, изучать, размышлять, есть умъ конечный, безусловный. Дѣятельность такого ума должна обуславливаться готовымъ существованіемъ средствъ, въ зависимости отъ которыхъ только и могутъ проявляться его творческія усилія. Цѣлесообразность, значитъ, есть обратная сторона ограниченности: одна доказываетъ существованіе другой. Вся сила этого

довода заключается въ особенномъ пониманіи цѣлесообразности. Милль заимствуетъ свое понятіе у человѣческихъ дѣйствій и на основаніи этого понятія, съ полнымъ логическимъ правомъ, приходитъ къ заключенію, что цѣлесообразность можетъ отмѣчать собою лишь дѣйствія ограниченной причины, потому что таковою является человѣческой умъ. Но для того, чтобы этотъ выводъ былъ приложимъ къ причинѣ, создавшей міръ, необходимо обнаружить существованіе человѣкоподобной цѣлесообразности въ природѣ. Съ своей стороны мы полагаемъ, что къ тому нѣтъ никакихъ данныхъ. Прежде всего надо помнить, что цѣлесообразность въ природѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ осуществившимися цѣлями или намѣреніями какой-либо сознательной причины. Но разъ это осуществленіе совершилось, цѣлей и намѣреній болѣе нѣтъ, или точнѣе: тѣ и другія стали законами, сообразно которымъ существуетъ природа, что нами и было уже раскрыто выше, именно—при разборѣ четвертаго доказательства бытія Божія. Такимъ образомъ, сколько-бы мы ни останавливались вниманіемъ на природѣ, рассматривая ее съ точки зрѣнія цѣлесообразности, мы никогда не замѣтимъ въ ней болѣе того, что можно назвать законосообразностью, которая, очевидно, разнится отъ цѣлесообразности. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ и самъ Милль заключеніе, что природа содержитъ въ себѣ признаки цѣлесообразности, считаетъ за положеніе съ самою слабою долею вѣроятія; оно, по нему, лишь допустимо, но не есть необходимый научный выводъ. Стало бытъ, признаніе съ его стороны человѣкоподобной цѣлесообразности въ природѣ и существованіе ограниченнаго Творца вселенной есть простое предположеніе, котораго нельзя назвать, въ строгомъ смыслѣ, и гипотезою, такъ какъ оно опирается лишь на *аналогію*, а не на доказательство.

Но станемъ рассматривать предположеніе Милля, какъ гипотезу. Сообразно своему назначенію, она должна, какъ и всякая другая гипотеза, во-первыхъ, указывать на дѣйствительную причину, т. е. причину, въ существованіи которой могутъ убѣдить строго-научные доводы, во-вторыхъ, должна вполнѣ уяснять ту группу явленій, для которой придумывается. Мил-

лево предположеніе не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ условій. Человѣческой умъ—причина извѣстной въ опытѣ цѣлесообразности—несомнѣнно существуетъ. Значитъ, если-бы въ уясненіе цѣлесообразности космической была сдѣлана ссылка на такой именно умъ, была-бы указана дѣйствительная причина. Между тѣмъ умъ Диміурга отличается отъ ума человѣческаго, слѣдовательно надо еще рѣшить вопросъ: возможно-ли допустить существованіе самого Диміурга? Одна цѣлесообразность, указываемая въ природѣ, можетъ повести лишь къ заключенію, что причиною ея долженъ быть признанъ умъ; надо рѣшить, какими свойствами обнаруживается существованіе этого ума. Но допуская, что Диміургъ существуетъ, что на это есть строгія доказательства,—мы всетаки не достигаемъ поставленной цѣли. Для того, чтобы цѣлесообразность природы была вполне уяснена, должны быть показаны точные размѣры ума Диміурга, намъ необходимо достовѣрное познаніе, въ какой мѣрѣ ограниченъ умъ Диміурга: способенъ-ли онъ создать космическую цѣлесообразность, или его силы ниже этого? Миллю, конечно, необходимо первое; но въ такомъ случаѣ слово Диміургъ, съ однимъ понятіемъ объ ограниченномъ умѣ, ни къ чему не приводитъ, потому что и человѣческой умъ ограниченъ. Тотъ, кто полагаетъ различіе между Диміургомъ и человѣческимъ умомъ, eo ipso обязывается тотъ-часъ же провести опредѣленіе ограниченности обонхъ. Милль этого не дѣлаетъ и ставитъ передъ нами лишь испытанную имъ самимъ научную потребность найти причину цѣлесообразности, которую онъ разсматриваетъ не иначе, какъ человѣкоподобную.

Утвержденіе Милля можно еще разъ обратить въ его пользу. Согласимся съ нимъ, что природа, въ отношеніи приспособленія средствъ къ цѣли, есть какъ-бы дѣло человѣческаго ума. По смыслу Миллевыхъ разсужденій, отсюда непремѣнно мы должны заключать къ существованію такой причины природы, которая обладаетъ ограниченнымъ умомъ. Но этотъ выводъ страдаетъ непослѣдовательностью. Мы знаемъ, что даетъ основаніе выводу, когда нѣтъ на лицо всѣхъ его частей или всѣхъ данныхъ, которыя должны войти въ его составъ. Въ такихъ случаяхъ мы пользуемся причинной зависимою, соединяющей

другъ съ другомъ различныя изучаемыя нами явленія. Эта связь такова, что когда данъ одинъ ея членъ, онъ непременно ведетъ за собой (въ пространствѣ или времени) и другой. Если нами не воспринимается прямо который-либо изъ нихъ, то о присутствіи его мы заключаемъ по присутствіи другаго, причинно съ нимъ связаннаго. Миллево понятіе цѣлесообразности указываетъ на человѣческую собственно цѣлесообразность; а изъ свидѣтельства опыта намъ извѣстно, что причиной такой цѣлесообразности является человѣческій умъ; стало быть, причиной космической цѣлесообразности есть возможность признать лишь такой умъ, какой обнаруживаютъ человѣческія дѣйствія. Это не вяжется ужъ и съ Деміургомъ.

Защитою послѣднему можетъ только послужить сравненіе между дѣйствіемъ людей и устройствомъ природы. Космическая цѣлесообразность превышаетъ человѣческую въ двухъ отношеніяхъ: и въ максимальномъ и минимальномъ. Въ первомъ случаѣ она простирается на недоступную человѣку всю громаду вселенной; во второмъ на столь-же недоступныя человѣческимъ силамъ самыя малыя доли ея. Такимъ образомъ, уму, произведшему космическую цѣлесообразность, долженъ быть приданъ признакъ большаго, по сравненію съ человѣческимъ, могущества. Но какъ только разсужденія вступаютъ на этотъ путь, рѣчь уже уклоняется отъ понятія цѣлесообразности, какъ цѣлесообразность, и начинаетъ касаться того, на что цѣлесообразность не простирается,—матеріала Вселенной. Чтобы ограниченность Мірообразователя оставалась внѣ сомнѣнія, Милль обязанъ показать, что могуществу его подлежитъ не весь матеріаль, изъ котораго образована Вселенная; но вотъ этого-то, по нашему, доказать и нельзя. Подъ матеріаломъ вселенной, въ понятномъ смыслѣ, ничего другаго мы не въ состояніи разумѣть, какъ только то, что составляетъ содержаніе пространственно-временнаго бытія. Но это содержаніе, по самымъ основнымъ свойствамъ своимъ, можетъ быть только въ качествѣ чего-либо представляющаго опредѣленное устройство. Попытайтесь создать себѣ матеріальный хаосъ,—я увѣренъ, что онъ непременно расположится по опредѣленному устройству. Въ самомъ дѣлѣ, по открытіямъ и заключеніямъ естествоиспытателя

телей новѣйшаго времени, матеріаломъ Вселенной слѣдуетъ признать не что иное, какъ матерію ¹⁾. Эту матерію обыкновенно раздѣляютъ на основныя, первоначальныя элементы, уже неразложимые далѣе,— атомы. Остановливаясь на атомахъ, какъ на несотворенныхъ и несотворимыхъ элементахъ міра, мы не можемъ и не должны отказать имъ въ матеріальности; каждый атомъ непременно обладаетъ протяженіемъ, потому что гдѣ нѣтъ протяженія, тамъ не можетъ быть и матеріи, изъ непротяженныхъ долей нельзя составить протяженнаго цѣлаго. Но что существуетъ, какъ доля протяженія, то дано опредѣленно, обязательно представляетъ какое-либо устройство. Такимъ обра-

1) По нашему опредѣленію, матерію почитается *причина психо-физическихъ состояній*. О томъ же предметѣ Милль употребляетъ такія выраженія, которыя заключаютъ въ себѣ мысли, повидимому, не согласныя съ нашими. На 187 стр. книги о Гамильтонѣ онъ говоритъ: «Вещество, матерія, можетъ быть опредѣлено постоянною возможностью ощущенія». Эти слова самыя типичныя и скато исчерпываютъ все, что Милль хочетъ и способенъ, съ своей точки зрѣнія сказать о матеріи. Ихъ кажущееся противорѣчіе съ нашимъ словомъ имѣетъ объяснимое основаніе въ томъ, что Милль и мы говоримъ не совсѣмъ объ одной и той же вещи. Объ *объективной* причинѣ воспріятія вещества мы ведемъ рѣчь, а Милль говоритъ только о *нашей* идее его, или о самомъ *воспріятіи* его. Однадцатая глава, откуда заимствованы приведенныя слова его, посвящена раскрытію, какъ въ человѣческомъ духѣ рождается идея внѣшняго міра, который Милль отождествляетъ со всѣмъ, что вещественно, какое *содержаніе* имѣетъ эта идея и какимъ образомъ она объективируется. «Возможность ощущенія» есть не болѣе, какъ содержаніе идеи вещества, сказать иначе: психическій моментъ, возникающій въ сознаніи, когда заходитъ рѣчь о томъ, что существуетъ внѣшнее нашему духу вещество. Милль признаетъ, что, кромѣ этого психического момента, существуетъ порождающая его *отъинная* (объективная) причина, и даже говоритъ, какія свойства нашъ духъ приписываетъ ей; вотъ относящіеся сюда его слова: «наше понятіе вещества, въ концѣ концовъ, является состоящимъ изъ Сопротивленія, Протяженія и Фигуры. Эти три атрибута становятся его существенными ингредиентами и тамъ, гдѣ ихъ не находится, мы колеблемся придать названіе вещества (207 стр. „Обзоръ философіи сэра Вильяма Гамильтона“). Милль, конечно, не станетъ отрицать, что къ такимъ же свойствамъ относятся и слѣдующія: вкусъ, запахъ, цвѣтъ, звукъ. Принимая все это во вниманіе, мы можемъ сказать, что свойства матеріи совпадаютъ со всѣмъ количествомъ „психофизическихъ состояній“, разумѣя подъ этимъ названіемъ тѣ ощущенія, которыя приимаютъ участіе въ образованіи воспріятія вещества. Если мы подставимъ сюда еще и признаніе Милля, что существуетъ внѣшняя причина понятія о веществѣ, то наше опредѣленіе Матеріи, съ ея объективной стороны, какъ „причины психофизическихъ состояній“, въ словахъ разбираемаго мыслителя встрѣтитъ себѣ полное признаніе, а не только что не будетъ противорѣчить имъ.

зомъ несотворимыя доли Вселенной должно мыслить не только протяженіемъ, но и опредѣленнымъ устройствомъ. Хаосъ не можетъ истребить этого устройства. Пусть онъ будетъ разрушать то, что образовалось на мгновеніе; всякое такое мгновеніе-элементы Вселенной все таки окажутся въ опредѣленномъ другъ къ другу отношеніи, будучи, въ то-же время, и сами опредѣленно устроенными. А гдѣ есть устройство, тамъ долженъ быть, по предыдущему, и устроитель; потому что во всякомъ устройствѣ непременно обнаружится какой-либо законъ, какъ порядокъ или единообразіе, хотя-бы и мгновенное, въ дѣйствіи-же закона можно усмотрѣть цѣли и ихъ осуществленіе. Стало быть, отъ могущества Мірообразователя безусловно зависитъ какъ устройство Вселенной, такъ и самый матеріаль ея; но это равносильно все-могуществу, или неограниченному могуществу, что опять не мирится съ понятіемъ Деміурга.

Вообще, называя явленія природы цѣлесообразными, мы нисколько не колеблемъ заключеній Теизма касательно свойствъ Божіихъ. Изъ III главы мы знаемъ, что слово „цѣлесообразность“ указываетъ собственно на существованіе въ природѣ законовъ. Это и справедливо. Если сознательное, а потому и цѣлесообразное человѣческое дѣйствіе для того, чтобы осуществилось намѣреніе, послужившее его побудительной причиной, совершается непременно подъ условіемъ существованія средствъ, если оно проявляется, какъ подборъ и извѣстное только расположеніе этихъ средствъ; то это обстоятельство еще не должно служить основаніемъ, будто та цѣлесообразность, слѣды которой съ вѣроятностью можно находить въ природѣ, есть также подобный подборъ и расположеніе. Къ такому заключенію намъ ничто не даетъ никакого права. Не зная прямо, какъ началась жизнь природы, т. е., благодаря дѣятельности какихъ причинъ появилось ея теченіе, мы лишаемся всякой возможности признать въ ней то, что намъ извѣстно изъ дѣйствій людей. Поэтому въ сужденіяхъ о ней точкой отправленія для насъ долженъ служить не человѣкъ съ особенностями своей природы, а исключительно только то, что намъ открываетъ ея изученіе, по законамъ точныхъ научныхъ методовъ. О человѣческихъ дѣйствіяхъ мы можемъ сказать, что они являются под-

боромъ или приспособленіемъ, потому что объ этомъ намъ сообщаетъ непосредственное знаніе; но въ природѣ мы наблюдаемъ иной результатъ, причины, дѣятели котораго кроются въ глубинѣ невѣдомаго. Вотъ почему когда мы въ наблюдение падъ ней вносимъ какія либо почерпнутыя изъ постороннихъ источниковъ воззрѣнія, тѣмъ самымъ мы насилуемъ природу и всегда подвергаемся опасности навязать ей свойства не только въ ней не данныя, но и противорѣчащія ей. Слово „цѣлесообразность“, обнаруживая, какое желаніе испытывается разсуждающимъ о природѣ, еще не доказываетъ, что въ ней существуетъ какой-либо особый рядъ явленій, для обозначенія котораго понадобилось придумать своеобразное названіе. Если мы спросимъ человѣка, признающаго въ устройствѣ природы цѣлесообразность, какія явленія или какія отдѣльныя черты и свойства ихъ онъ означаетъ этимъ словомъ, то онъ, разумѣется, не укажетъ-бы ничего такого, чего бы нельзя было познать, а также и понять, и безъ предположенія цѣлесообразности. Назовемъ-ли мы устройство глаза цѣлесообразнымъ или просто скажемъ, что онъ состоитъ изъ такихъ-то частей, совершаетъ такіа-то отправленія, мы такимъ различнымъ способомъ выраженія не измѣнимъ въ немъ ровно ничего. Точно то-же будетъ и тогда, если мы расширимъ кругъ означаемыхъ предметовъ до предѣловъ всей природы; и въ этомъ случаѣ не измѣнится ни одна черта, ни одно свойство предметовъ, какое-бы выраженіе для означенія ихъ мы ни употребили. Такъ какъ въ природѣ нельзя указать ни одного случая, гдѣ-бы законъ стоялъ отдѣльно отъ явленія, стремящагося къ нему по извѣстному опредѣленному способу, какъ къ цѣли, то и вопросъ о томъ, существуютъ-ли въ природѣ цѣли, можетъ быть рѣшенъ только въ томъ смыслѣ, что въ природѣ несомнѣнно есть законы, отъ которыхъ зависятъ ея явленія. Но коль скоро мы назовемъ законъ цѣлью, такое превращеніе закона будетъ недѣйствительное (по крайней мѣрѣ, этого нельзя доказать), но оно произойдетъ подъ угломъ нашего воззрѣнія на природу. Природа останется тою-же, явленія ея не измѣнятся; измѣненіе потерпитъ лишь наше отношеніе къ ней: въ одномъ случаѣ мы увидимъ просто законъ, въ другомъ выразимъ наше желаніе усмотрѣть въ законѣ цѣль, что будетъ совершенно произвольно.

На тѣ-же законы указываетъ и другое употребленное Миллемъ названіе, какъ показываетъ болѣе строгое отношеніе къ нему, — „средства“. Изобрѣтатель, придумывая, какимъ-бы способомъ подобрать естественные предметы такъ, чтобы они двигались безъ помощи человѣческой или вообще животной силы, работаетъ собственно надъ примѣненіемъ законовъ природы къ цѣли, которая и сама вся состоитъ въ свою очередь изъ дѣйствія тѣхъ-же законовъ. Въ чемъ полагалась, напримѣръ, цѣль паровоза, когда изобрѣтатель трудился надъ его созданіемъ? Единственно въ томъ, что-бы открытые уже ранѣе законы движенія и упругости пара приравнить къ совокупности условій, не данныхъ въ естественной дѣйствительности, но создаваемыхъ самимъ человѣкомъ. Средствами для осуществленія этой цѣли служили упомянутые законы движенія и упругости пара.

Въ виду этихъ объясненій не будетъ ничего страннаго въ томъ, что Творцу природы приписываютъ свойства всемогущества. Богъ сотворилъ всю природу, значить и ту часть ея, которую Милль считаетъ „средствомъ“ въ рукахъ Деміурга, равно какъ и ту, которую можно признавать „цѣлями“. Вся природа, со *всѣми* своими средствами и цѣлями, *все это* дѣло рукъ Создателя. Только нужно помнить, что слово „*все*“, будучи прибавлено, къ слову — могущество, означаетъ, собственно говоря, нѣчто ограниченное, по скольку предметы, на которые простирается могущество Господне, составляютъ собою всецѣло опредѣленный, а слѣдовательно и ограниченный кругъ. Все, что возникло изъ творческаго Божія хотѣнія, то подлежитъ дѣйствію Его могущества, надъ тѣмъ Онъ безусловно властенъ. Но бытіе самобытное отсюда должно быть выдѣлено; существуя независимо отъ пространства и времени, т. е., вѣчно, оно не причастно измѣненію, а потому чьи-бы то ни было условія оказать на него какое либо дѣйствіе, которое обязательно обнаруживается въ формѣ измѣненія, останутся тщетными, ибо всякое измѣненіе есть слѣдствіе, какъ мы разъяснили выше, пространственныхъ и временныхъ условій, здѣсь не дѣйствующихъ. Другое дѣло природа, другое дѣло та область, гдѣ бытіе подвержено уничтожающему вліянію пространства и времени; тамъ сила Божія, истекающая изъ Его воли, въ состояніи

не только совершить измѣненіе, напримѣръ, потрясти, разрушить, переставить, исправить, превратить все тварное, но истребить, изъ бытія въ небытіе. Тварное бытіе не оберегутъ отъ этого ни цѣлесообразность, ни существованіе средствъ; такъ какъ здѣсь разумѣются лишь законы, а мы знаемъ, что они такое, то всегда возможно, что законъ, благодаря волѣ Творца, отойдетъ къ своему первоначальному источнику—самобытному бытію, исчезнувъ въ безднѣ его нераздѣльности и единства, и утвержденное на его постоянствѣ теченіе измѣняющагося снова обратится въ то ничто, какое ему предшествовало и изъ котораго оно извлечено силою творческаго могущества Господня. Но всемогущество Творца, простираясь только на тварное бытіе, не должно-ли всетаки мыслиться, какъ показываютъ наши слова, ограниченнымъ? Да, должно; только условіе, ограничивающее его, идетъ совсѣмъ не туда, гдѣ находитъ его Милль; оно ограничивается самобытнымъ бытіемъ; а выше мы доказали, что природа или измѣняющееся возникло отсюда, слѣдовательно, всемогущество Божіе ограничено самимъ собой. Но выводить изъ этихъ словъ въ собственномъ смыслѣ ограниченіе всемогущества нельзя. Хотя всемогущество обнаруживаетъ свое дѣйствіе надъ ограниченными предметами, однако источникомъ его служитъ безграничная причина. А такъ какъ мы, по смыслу сдѣланныхъ выше объясненій, не имѣемъ права мыслить въ самобытной причинѣ никакихъ частей, ни раздѣленій, то выходитъ, что всемогущество есть *неограниченное* дѣйствіе неограниченной причины, проявляющееся въ области ограниченныхъ предметовъ. Милль можетъ сказать только, что природа ограничена; но онъ не долженъ предполагать этого относительно дѣйствующаго на нее всемогущества Божія, потому что кто въ состояніи рѣшить: какая *часть* божественной силы расходуется на природу, когда въ ней нѣтъ частей? Намъ могутъ предложить: объясните въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ безграничное могущество относится къ ограниченнымъ предметамъ; мы отказываемся отъ положительныхъ сужденій на подобный вопросъ, ибо, какъ и было уже заявлено нами, наша мысль ограничена и дѣйствуетъ по законамъ ограниченія,—можетъ-ли, слѣдовательно, объять она безграничное?

Такимъ образомъ то ограниченіе, какое, по Миллю, налагается на всемогущество Божіе средствами и цѣлью, должно пасть. Ожиданія Милля не могутъ оправдать въ данномъ случаѣ и „Сила“ съ „Матеріею“, въ которыхъ онъ видитъ также ограничивающее могущество Божіе условіе. Относительно первой мы уже высказали и, какъ намъ кажется, доказали свое мнѣніе, сочтя ее лишь за особое названіе того самого, чему лучше и болѣе сообразно съ цѣлію дать имя „самобытное бытіе“. Что касается „Матеріи“, то объ этомъ понятіи возможны нескончаемые споры, которые дѣйствительно и ведутся между естествоиспытателями разныхъ направленій,—такъ это понятіе неопредѣленно, смутно, сбивчиво. Оставивъ въ сторонѣ не малую литературу, существующую по этому предмету, попытаемся объяснить, что въ самомъ дѣлѣ надо разумѣть подъ понятіемъ „Матерія“. Мы не безъ намѣренія называемъ слово „Матерія“ понятіемъ. Хотя естественнаучная метафизика и старается всѣми силами доказать, что то, что соотвѣтствуетъ слову „Матерія“, есть дѣйствительно существующая реальность, хотя она и построяетъ на этомъ немалый рядъ выводовъ, касающихся недоступной ни прямому наблюденію, ни опыту природы тѣлъ; тѣмъ не менѣе „Матерія“ есть лишь мыслимая величина или вѣрнѣе—такая величина, которой соотвѣтствуетъ только *часть* явленій, послужившихъ первоисточникомъ этого понятія или первообразомъ, съ котораго оно, путемъ вывода, совлечено. Вотъ какія свойства входятъ сюда: протяженность, съ вытекающими отсюда: тѣлесностью и непроницаемостью, и косность. Но всякій согласится, что такой матеріи никто нигдѣ не находитъ. На какомъ основаніи, въ самомъ дѣлѣ, исключены отсюда такіа свойства, какъ напримѣръ—цвѣтъ и форма или, говоря шире, —ограниченность? Если отвѣтятъ, что цвѣтъ есть состояніе чувствующаго существа, а не объективное явленіе, то на это слѣдуетъ сказать, что всякое познаніе внѣшняго намъ міра, а потому всякое свойство его явленій и предметовъ, дапо, какъ одно изъ состояній чувствующаго существа. Гдѣ-же, такимъ образомъ, право презирать одни свойства, предметы и явленія и оказывать предпочтеніе другимъ? Мы убѣждены, что такого права, говоря безотносительно, нѣтъ, но что если оно отъ

времени до времени и можетъ дѣйствовать, то исключительно смотря потому, что и когда намъ нужно знать.

Наблюдая природу или совокупность такъ называемыхъ матеріальныхъ тѣлъ, предметовъ, естествоиспытателю приходится иногда имѣть дѣло не со всѣми тѣми признаками или свойствами, съ которыми передъ его умственнымъ взоромъ проходятъ предметы; смотря по требованію цѣлой-ли то науки или какого-нибудь отдѣла ея, онъ по временамъ долженъ остановить свое вниманіе на однихъ признакахъ и оставить другіе. Когда, напримѣръ, онъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, въ какое состояніе приходятъ тѣла отъ дѣйствія теплоты, то тутъ для него не важно знать, какого цвѣта предметъ или какво очертаніе его формъ. Между тѣмъ первое изъ послѣдней пары свойствъ будетъ имѣть главное и исключительное значеніе при изслѣдованіи цвѣтовыхъ и свѣтовыхъ законовъ, управляющихъ этого рода явленіями; а послѣднее въ вопросахъ, касающихся геометрическихъ или плавиметрическихъ свойствъ тѣлъ. И вообще надо сказать, что нѣтъ ни одного свойства, вытекающаго изъ совокупности составляющихъ предметъ явленій или признаковъ, которое-бы имѣло для науки второстепенное либо прямо неважное значеніе, которымъ бы наука считала себя въ правѣ пренебречь. Правда, это ей приходится на дѣлѣ допускать очень и очень нерѣдко; но причина тому коренится не въ самихъ предметахъ, не въ ихъ свойствахъ и признакахъ, а въ обстоятельствахъ постороннихъ,—это зависитъ отъ раздѣленія между многими науками труда познанія и изученія существующаго. Одна наука занимается одной частью вселенной, другая другой, третья третьей и т. д.; отъ этого само собою должно получиться, что каждая наука будетъ изслѣдовать только тѣ явленія и предметы, только тѣ свойства и признаки ихъ, какія требуются ея задачею, а тѣ, которые задачей не обнимаются, естественно, будутъ ею оставлены безъ вниманія. Но это не значитъ, будто свойства предметовъ, пренебреженные какой-нибудь наукой, настолько ничтожны, что недостойны вниманія изслѣдующаго истину ума; то, мимо чего равнодушно проходитъ одна наука, можетъ составить существенное содержаніе другой науки и, такимъ образомъ, изъ маловажнаго по видимому превратиться въ весьма важное.

Вотъ почему всякое свойство изъ тѣхъ-ли, какія уже открыты, или изъ тѣхъ, которыя еще предстоитъ открыть, необходимо должно входить въ означеніе слова „Матерія“, если хотятъ, чтобы ему можно было придавать реальный, а не призрачный, не мечтательный, не мысленный только смыслъ. Нарушивъ это требованіе логической основательности, мы подвергаемся опасности впасть въ слѣдующую несообразность. Такъ какъ намъ неизвѣстно, какъ существуютъ сами по себѣ предметы и явленія внѣшняго міра, то мы можемъ заключать о нихъ лишь по принудительнымъ психическимъ состояніямъ и такимъ-же комбинаціямъ ихъ. То, что называютъ Матеріей, обыкновенно воспринимается чрезъ психо-физическія состоянія, которыя всѣ носятъ принудительный характеръ.—Поэтому между психо-физическими состояніями мы не можемъ *выбирать*, а должны, напротивъ, принимать къ свѣдѣнію *всѣ ихъ*. Но ограничивая содержаніе слова Матерія какими-либо одними данными въ психо-физическихъ состояніяхъ нашихъ свойствами вещей, мы такимъ дѣйствіемъ *произвольно* суживали-бы кругъ независящаго отъ нашей воли внѣшняго бытія. Получается насиліе природы.

На основаніи всего сказаннаго мы въ правѣ требовать, чтобы слово „Матерія“ означало собою весь рядъ внѣшнихъ причинъ, изъ совокупнаго дѣйствія которыхъ образуются касающіяся ихъ наши воспріятія, а не какую-либо узкую часть ихъ, какъ-то выходитъ по принятому нѣкоторыми метафизиками пониманію смысла этого слова. Этому не должно служить препятствіемъ словесное затрудненіе. Положимъ, съ перваго взгляда можетъ показаться, что нужно перечислить всѣ причины, если поставитъ цѣлью полное и точное выраженіе означенія слова Матерія; а такое обстоятельство надѣлѣ повело-бы къ неудобствамъ, которыхъ не было-бы никакой возможности избѣжать иначе, какъ сокративъ содержаніе разсматриваемаго понятія. Но намъ думается, никакого подобнаго неудобства вовсе не встрѣтится. У насъ существуютъ такъ называемыя общія названія, обозначающія заразъ и, большею частію, однимъ словомъ неопредѣленное, т. е., все возможное, количество предметовъ, указывая въ своемъ означеніи не строго опредѣленные отдѣлы и ряды ихъ, а лишь на связь свойствъ (см. II главу).

Въ такимъ общимъ названіямъ и слѣдуетъ прибѣгнуть для краткаго, насколько то возможно, обозначенія того, о чемъ мы ведемъ рѣчь. Просто на просто стоитъ только подобрать такія слова, которыя-бы выражали собою не только то, что прямо составляетъ ихъ созначеніе, но и то, что логически можно вывести изъ него, что имъ подразумѣвается,—какъ дѣло будетъ ясно. Не притязуя на научную точность, мы однако не находимъ противорѣчающимъ дѣйствительности такое опредѣленіе Матеріи: *это слово означаетъ собою все то, что возбуждаетъ въ чувствующемъ духѣ психофизическія состоянія.* Такимъ пониманіемъ мы устраняемъ ту неоправдывающуюся ничѣмъ односторонность, на которую мы указывали выше; въ то же время съ помощію этого опредѣленія мы разрушаемъ положеніе Милля, будто условіемъ, ограничивающимъ Божественное всемогущество, должна быть признана между прочимъ и Матерія. Если она есть причина нашихъ психофизическихъ состояній или не болѣе, какъ наименованіе всего ряда такихъ причинъ, то ей нельзя ни приписывать того, чего нѣтъ въ этихъ причинахъ, ни отнимать того, что въ нихъ есть; т. е., содержаніе ея есть содержаніе заразъ всѣхъ налично существующихъ причинъ, распространенныхъ въ природѣ. Но отсюда видно, что Матерія и природа одно и то же; слѣдовательно, и въ ней должно мыслиться дѣйствіе пространства и времени—началь измѣняющагося бытія; матерія не могла существовать отъ вѣчности, внѣ зависимости отъ пространства и времени,—матерія должна была быть сотворенною. Какимъ-же образомъ, спрашивается, она ограничивала творческую Силу? Это недопустимо.

Но предполагая, что Матерія являлась реальностью, существующею съ Божествомъ такъ же невообразимо съ какихъ поръ, какъ нельзя рѣшить, когда началось и начиналось-ли въ какое-либо время бытіе Творца, Милль, очевидно, разумѣетъ подъ Матеріею совсѣмъ не то, что разумѣемъ мы. Ему хочется видѣть въ ней бытіе вѣчное, самобытное, а потому безусловное; иначе будетъ непонятно, какъ могла она составить для дѣятельности Божества ограниченіе, если ее саму образовала чуждая ей причина. Однако противъ такого пониманія

Матеріи возстае рѣшительно все, что извѣстно о явленіяхъ и тѣлахъ, почитающихся матеріальными, какъ то разъяснено уже нами; при томъ, если мы и допустимъ то, что необходимо допустить съ точки зрѣнія Милля, то и въ этомъ случаѣ въ пользу его ученія не останется ни одного довода. Здѣсь Милль еще разъ показалъ, что какъ только поднимается вопросъ о происхожденіи естественныхъ явленій, т. е., измѣняющагося бытія, сей-же часъ настоитъ необходимость положить въ его основу какое-либо „постоянство“, указать ему, такъ сказать, неподвижную, неколеблющуюся и неизблемую опору, что бы, говоря образно, не опрокинулось измѣнчивое бытіе. Если-же мы возьмемъ надѣлать это „постоянство“ какими-либо признаками, то наше предпріятіе приведетъ лишь къ положенію, что оно состоитъ изъ свойствъ прямо противорѣчащихъ всѣмъ свойствамъ измѣнчиваго бытія, т. е., что оно не то, что бытіе существующее подъ условіями пространства и времени, а отлочно отъ него и существуетъ независимо отъ этихъ условій, существуетъ вѣчно. Одинъ такой выводъ мы уже встрѣчали въ сужденіяхъ Милля,—то выводъ касательно Силы, какъ понимается Миллемъ этотъ часто сказочный естественный дѣятель.—Только что указанное опредѣленіе Матеріи подвергается одинаковой съ Силой участи: будучи одарена свойствами, какими обладаетъ самобытное бытіе, она совпадаетъ съ послѣднимъ, оказываясь лишь новымъ словомъ, означающимъ то, что является у насъ подъ покровомъ другаго, болѣе подходящаго названія.

Итакъ, какъ-бы мы ни понимали Матерію, она не въ силахъ составить собою условіе, какимъ-либо способомъ налагающее на дѣятельность Творца ограниченіе. По смыслу перваго пониманія она сама должна быть сотворенною, по смыслу втораго—похищаетъ свое содержаніе у другаго названія, обращаясь вслѣдствіе этого въ ненужное слово.

Разрѣшивъ трудности и возраженія, выставленныя Миллемъ противъ неограниченнаго могущества Божія, мы очевидно возстановляемъ всѣ тѣ свойства, съ которыми связанъ признакъ неограниченности. Теперь мы обладаемъ непоколебимымъ основаніемъ признать въ Богѣ безграничное вѣдѣніе и таковую-

же премудрость. Специальныхъ возраженій противъ этихъ свойствъ у Милля нѣтъ, они всѣ суть повтореніе одного и того-же, всѣ связаны съ возраженіемъ противъ безграничности, или съ мыслью, что цѣлесообразность есть признакъ ограниченности. Здѣсь-же мы должны отмѣтить еще одинъ выводъ. Прямымъ или непосредственнымъ опытнымъ путемъ нельзя, какъ показано выше, обнаружить въ природѣ цѣлесообразность. Но она, несомнѣнно, есть. Коль скоро природу творила разумно-сознательная причина, то это твореніе она совершила, конечно, сообразно своимъ цѣлямъ. Природа, явившись, стала, такимъ образомъ, осуществленіемъ Божественныхъ цѣлей. Но эта цѣлесообразность не можетъ и не должна быть уподобляема человѣческой. Она настолько выше и шире ея, насколько творческое дѣйствіе выше простаго сочетанія уже готовыхъ или данныхъ какихъ нибудь элементовъ. Последнимъ является всякое человѣческое дѣйствіе.

Намъ предстоитъ теперь вѣдаться съ чрезвычайно труднымъ вопросомъ, поднимаемымъ Миллевой критикой свойствъ Божіихъ, именно—съ вопросомъ о томъ, какъ согласить между собою благость и всемогущество Божіе, когда въ мірѣ сознательныхъ существъ существуетъ столько бѣдствій, столько зла? Разбирая этотъ вопросъ, Милль приходитъ къ такому заключенію: Богъ или всемогущъ, но не благъ, потому что терпитъ зло; или благъ, но не всемогущъ, потому что не въ силахъ уничтожить его. Самъ Милль готовъ остановиться на предположеніи, что Богъ не всемогущъ, и возвращается къ древнему ученію о двухъ началахъ, господствующихъ въ мірѣ,—добромъ, и зломъ; олицетвореніемъ послѣдняго и у него служитъ матерія, а первое есть Богъ. Что касается этого вывода, то съ нимъ никакъ нельзя согласиться уже въ виду того, что нами говорилось о сотвореніи природы чуждой ей причиною. Будучи созданной, она не могла существовать отъ вѣчности; точно также и относительно Матеріи нельзя утверждать, будто она совѣчна Творцу, какъ то доказано въ только что покинутой части. Такимъ образомъ передъ нами остается несомнѣнной истиной такое явленіе: съ одной стороны, всемогущество Божіе, съ другой—сотворенность всего,

что не Богъ. Но зло существуетъ; слѣдовательно, благо-ли Онъ? Кажется, есть только одно средство выйти изъ этого затрудненія,—именно то, что Богъ, между прочими своими свойствами, долженъ мыслиться нравственной необходимостью. Сотворивъ міръ видимый и рядомъ съ нимъ міръ духовный, Создатель для поддержанія какъ того, такъ и другаго начерталъ нѣкоторые законы. Законы, управляющіе видимымъ міромъ, извѣстны намъ изъ изученія естественныхъ явленій въ самомъ общемъ значенія этого слова, и каждый изъ насъ болѣе или менѣе достаточно знаетъ, что они такое; что же касается законовъ міра духовнаго, то одни изъ нихъ стали извѣстны намъ также изъ опытнаго познанія душевной жизни,—то законы, лежащіе въ основѣ явленій, касающихся духовнаго или „психическаго“ существованія; другіе же, управляя тѣми явленіями, которыя происходятъ изъ воли и составляютъ собою область сознательно-предумышленныхъ дѣйствій человѣка, сообщены нашему духу непосредственными внушеніями Творца,—то заповѣдь Божія. На первыхъ порахъ творенія всѣ указанные законы дѣйствовали совмѣстно, не вторгаясь въ чуждую для нихъ область и не насилуя другъ друга; вслѣдствіе чего потокъ бытія шель ровнымъ, ничемъ не волнуемымъ теченіемъ, и міръ чувствующій могъ испытывать только одни благодѣтельные послѣдствія этого, вкушая удовольствіе жизни изъ полной чаши наслажденія. Въ этомъ, быть можетъ, и состояло то упоеніе бытія самимъ собою, которое выразилось въ приписываемыхъ Библіею Господу словахъ: добро зѣло. Такъ шло, пока равновѣсіе въ бытіи не было ничѣмъ нарушено; до этого роковаго событія въ мірѣ съ полною и безусловною властію господствовало добро. Но произошло такое стеченіе обстоятельствъ, что одинъ изъ законовъ, вложенныхъ въ человѣческой духъ Создателемъ, исполненіе котораго миновала необходимость, такъ какъ оно было поставлено въ зависимость отъ произвола человѣка, былъ презрѣнъ, нарушенъ. Что могло выйти отсюда? Точь въ точь тоже самое, какъ если бы солнце вдругъ перестало притягивать къ себѣ землю, земля вращаться по орбитѣ и вокругъ своей оси, луна упала на землю. Неминуемо должно было выйти „потрясеніе“, извращеніе созданнаго и дѣй-

ствовавшего порядка, перемежна въ нѣкоторыхъ частяхъ бытія; одно нарушенное дѣйствіе законовъ повело за собою всеобщее расторженіе установленной десницей Божіей связи между ними: одинъ законъ вторгся въ область другаго, произошло столкновеніе; словомъ, созданное бытіе должно было потерпѣть существенное измѣненіе въ отношеніяхъ другъ къ другу существовавшихъ раньше въ извѣстномъ расположеніи законовъ. Человѣкъ, какъ призванный къ участию въ той области бытія, гдѣ, по начертанію Божію, должны были дѣйствовать, и на самомъ дѣлѣ дѣйствовали, законы для его воли, нравственные законы, первый почувствовалъ на себѣ вліяніе имъ-же самимъ причиненнаго потрясенія. вмѣсто предшествовавшаго блаженства, почерпавшагося изъ источниковъ добра, онъ пачалъ теперь испытывать страданіе. Въ мірѣ родилось зло. Но почему Богъ силою своего всемогущества не удержалъ міра отъ колебаній? Почему Онъ, какъ бы равнодушно, допустилъ совершиться потрясенію? Иначе сдѣлать Онъ не былъ въ состояніи. Итакъ, Его всемогущество ограничено? Нѣтъ; всемогущество Его осталось тѣмъ-же, какимъ оно было и въ самое время созданія тварнаго бытія. И до потрясенія и послѣ него всемогущество одинаково простирается на все, что создано, что измѣняется, но что неизмѣнно, что пребываетъ всегда, то уже не объектъ Божій, то не есть міръ созданный, ни какая-либо часть его, то существуетъ само и зависить только отъ того, что составляетъ его-же самого. Всѣ законы неотдѣлимы отъ постояннаго, самобытнаго бытія; поэтому и потрясеніе, происшедшее вслѣдствіе нарушенія законовъ, направлялось не изъ области измѣнчиваго, а изъ того постоянства, гдѣ коренятся законы. Если бы потрясеніе было остановлено, это значило бы, что всемогущество Божіе дѣйствовало-бы само на себя; но ничего подобнаго быть не могло; потому что всемогущество само на себя не вліяетъ, оно дѣйствуетъ исключительно на объектъ, чѣмъ для Бога является измѣнчивое бытіе. Стало быть, самобытное бытіе, Богъ и законъ—все это одно и то-же? Относительно первыхъ двухъ предметовъ, мы можемъ сказать не обинуясь, что они составляютъ названіе одного и того-же; относительно-же закона замѣтимъ, что смотримъ на него, какъ на

путь дѣйствія Божія на міръ измѣнчивой жизни. Какъ относятся между собой этотъ путь и Само Божество, сказать нельзя; но несомнѣнно, что путь этотъ постояненъ, а потому онъ служитъ показателемъ, что Богъ есть необходимость—въ томъ смыслѣ, что Онъ можетъ дѣйствовать только такъ, какъ дѣйствовалъ, и измѣнить Своей природы не въ силахъ. Онъ ограниченъ Самимъ Собою; но такъ какъ понятіе ограниченности отвлекается нами отъ тѣхъ ограниченій, которыя зависятъ отъ пространственныхъ и временныхъ отношеній; то понимать ограниченность Божию въ этомъ или какомъ-либо подобномъ смыслѣ нельзя. Она совершенно особаго рода; какого собственно.—рѣшить никто не въ силахъ.

Итакъ потрясеніе допущено потому, что Богъ не могъ предупредить своихъ отношеній къ сотворенному міру въ силу собственной внутренней законосообразности, которая есть Его необходимость. Но если этимъ мы и устраняемъ возраженіе, направленное противъ всемогущества Божія, то всетаки остается еще открытымъ вопросъ о Его благодати. Требуется уяснить, что добро и что зло. Судя по первоначальному значенію этихъ словъ, ими нѣкогда назывались явленія въ области чувственной природы человѣка. Добро, хорошо было то, что доставляло чувственное удовольствіе, общее жизнерадостное состояніе; зло то, что, наоборотъ, влекло за собою тѣлесныя мученія, чувственные страданія. Бѣдствія всѣхъ родовъ, многоразличныя несчастія,—вотъ составляло когда-то худо, зло, недобро; словомъ добро означались вещи противоположныя. Если взять въ основаніе это, то добро можно опредѣлить, какъ чувственное удовольствіе; зло, какъ такой-же чувственной природы страданіе. Прилагая это опредѣленіе къ Богу, мы бы должны были мыслить Его, если Онъ благъ, добръ, наслаждающимся вѣчнымъ удовольствіемъ, что дѣйствительно и выражается догматическимъ словомъ—самодовленіе; если-же Онъ золъ, то вѣчно страдающимъ. Но послѣдняго о Богѣ сказать нельзя. Страдаетъ то существо, которое способно испытывать въ чемъ либо недостатокъ, существо, значитъ, подверженное перемѣнамъ; по предыдущему надо считать несомнѣнной истиной, что Богъ не можетъ подлежать измѣненію, потому что пространство и время

Его не касаются. Такимъ образомъ, Богъ не золь; стало быть, Онъ благъ. Но подъ словами: добро и зло можно, а въ вѣкоторыхъ случаяхъ и должно разумѣть нѣсколько не то, что указано нами. Когда кто-либо изъ людей испытываетъ страданіе, о немъ не говорятъ, что онъ золь; точно также нельзя вазвать человѣка добрымъ только потому, что онъ испытываетъ удовольствіе. Добрымъ человѣкомъ обыкновенно почитается тотъ, кто дѣлаетъ другому добро, злымъ же, напротивъ, тотъ, кто причиняетъ, наноситъ другому вредъ, зло. Но такъ какъ часто бываетъ, что человѣкъ, совершая какое-нибудь дѣйствіе, доброе или злое, на самомъ дѣлѣ не называется добрымъ или злымъ, и справедливо не называется, то слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, въ какихъ случаяхъ человѣкъ называется добрымъ или злымъ. Если напримѣръ, охотникъ, подстрѣливъ тигра, убилъ въ то-же время другаго охотника, котораго онъ раньше не замѣтилъ, то хотя совершенное имъ дѣйствіе и есть зло, однако это еще не доказывало-бы, что невольный убійца—злодѣй. Не было-бы также никакого основанія счесть добрымъ того, который бы, подстерегая на дорогѣ прохожихъ съ цѣлью грабежа, случайно попалъ на разбойника, шедшаго зарѣзать намѣченную себѣ жертву, и убилъ его; но между тѣмъ кто скажетъ, что его поступокъ не есть добро? Однако двухъ послѣднихъ людей всякій назоветъ злыми. Почему? потому что тотъ и другой носятъ въ себѣ такія сознательныя побужденія, которыя подвигаютъ ихъ на зло. Въ противоположность этому тотъ человѣкъ, который всегда питаетъ въ себѣ добрыя расположенія, т. е., носитъ сознательныя побужденія, заставляющія его дѣлать добро, въ чемъ угодно отзвѣтъ будетъ добрымъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло всетаки зависитъ отъ того, кто какое испытываетъ настроеніе, кто что чувствуетъ; чувственная природа добраго человѣка несомнѣнно претерпѣваетъ доброе, благожелательное состояніе; въ сознаніи-же злаго, конечно, дѣйствуетъ чувственно-злостное настроеніе. Такимъ образомъ, чтобы назвать Бога злымъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, нужно, чтобы въ Немъ дѣйствовало злостное настроеніе; но этого опять не можетъ быть съ Существомъ, не подверженнымъ переменамъ и потому не способнымъ испытывать какихъ-либо

недостатковъ. И такъ еще разъ оказывается, что Богъ не золь, но благъ. Но положимъ, Богъ Самъ не испытываетъ какого-либо недостатка, зла, и не способенъ, вслѣдствіе этого, переживать какое нибудь злостное настроеніе, побужденіе; все таки зло-то существуетъ. Бѣдствіе, словно безбрежный океанъ, наводняетъ вселенную; всюду, гдѣ есть живое существо, тамъ есть и страданіе. Природа—это для пытливаго ока поле вѣчной, никогда не прекращающейся борьбы за существованіе; въ ней все другъ друга поѣдаетъ и истребляемое стонетъ. Зачѣмъ терпитъ Богъ эту ужасную картину бѣдствій? Зачѣмъ создалъ Онъ еще кромѣ того адъ—мѣсто такихъ мученій, о которыхъ никто изъ земнородныхъ не въ силахъ даже и помыслить,—столь они безмѣрны? Когда вопросъ поставляется на такую почву, то онъ принимаетъ оттѣнокъ уже нѣсколько иной. Раньше шла рѣчь о томъ, можно-ли назвать Бога злымъ; точное раскрытіе значенія слова показало, что это не примиримо съ природой Божіей. Теперь изъ области свойствъ Божіихъ дѣло переносится въ область тварнаго бытія, въ область факта: здѣсь указывается зло, и за существованіе его возводятся на Бога обвиненія. Справедливы-ли эти обвиненія? Богъ дѣйствительно былъ-бы виновникомъ зла, если-бы Онъ какимъ-бы то ни было образомъ и когда-бы то ни было сотворилъ, произвелъ его. Насколько заслуживало-бы вѣроятія подобное предположеніе, это нами показано; оно невозможно. Значитъ источникъ зла нужно искать не въ Богѣ; но такъ какъ кромѣ Него остается только тварное бытіе, то само сабою понятно, что зло въ этомъ бытіи и получило себѣ начало.

Вотъ все, что мы можемъ сказать на возраженіе: примиримо-ли существованіе зла съ благостью Божіей. Въ сущности мы нисколько не разрѣшаетъ выдвигаемаго имъ недоумѣнія, а только уясняемъ или вѣрнѣе-устраняемъ изъ него нѣкоторую неточность. Хотя и ясно, что нельзя назвать Бога злымъ ни въ какомъ изъ трехъ указанныхъ смыслахъ: ни въ томъ, будто Онъ претерпѣваетъ зло, ни въ томъ, будто испытываетъ злостное настроеніе, ни въ томъ, наконецъ, будто Онъ источникъ, причина зла; тѣмъ не менѣе, если кто скажетъ, что Богъ не хочетъ уничтожить зла, что Онъ силою своего могущества не

прекращаетъ страданій чувствующихъ существъ, то такого заключенія нисколько не предупредятъ наши разъясненія. Выводъ разбираемаго нами возраженія мы можемъ лишь исправить, представивъ его въ такомъ видѣ: Богъ несомнѣнно благъ Самъ по Себѣ, и нѣтъ въ Немъ злыхъ источниковъ; зло не явилось-бы, если-бы не было ограниченной свободы; когда-же эта свобода легкосмысленнымъ отношеніемъ къ нравственному закону потрясла все мірозданіе и тѣмъ открыла источники, извергающіе изъ себя бѣдствія, Богъ *допускаетъ* продолжаться злу, Онъ его не истребляетъ. Но заключить отсюда, что Богъ зложелателенъ, можетъ лишь тотъ, кто въ состояніи сказать, какими цѣлями руководится не только въ данномъ случаѣ, но и вообще Божественный Разумъ.

Доказавъ, что Богъ долженъ быть признанъ всеблагимъ, тѣмъ самымъ мы признаемъ и его справедливость. Возраженія противъ всеблагости суть въ то-же время и возраженія противъ справедливости. Справедливость есть свойство или одно изъ проявленій благости; Существо всеблагое—справедливое существо; на оборотъ, кто не справедливъ, тотъ и не благъ. По этой причинѣ возраженія Милля противъ всеблагости нельзя отдѣлить отъ возраженій противъ справедливости; и—разрѣшая первая, мы, значитъ, разрѣшаемъ вмѣстѣ и вторыя.

Возраженія Милля противъ разсматриваемыхъ свойствъ Божіихъ дѣлаются, какъ надо заключать, съ тою цѣлью, чтобы показать несостоятельность самого понятія о Богѣ. Наша критика ихъ, въ связи съ выводами предыдущихъ главъ, показываетъ, что оспариваемыя имъ свойства всѣ цѣликомъ на самомъ дѣлѣ принадлежатъ Богу или—должны быть отнесены къ Нему на несомнѣнномъ основаніи. Вотъ почему необходимо замѣтить, что хотя мы и отказываемся отъ окончательнаго устраненія послѣдняго возраженія Милля, хотя недоумѣніе, естественно возникающее предъ поставленнымъ имъ вопросомъ во всякомъ умѣ, и не поколебленно нами; всетаки Милль не можетъ заключать отсюда того, что ему хочется заключать. Недоумѣвать мы можемъ, но выводить на основаніи этого отрицательное Миллево слѣдствіе, нѣтъ нисколько логическаго права, потому что это было бы равносильно отри-

цанію вещи только въ силу того, что она непонятна, существованіе вещи поставяеть въ зависимость отъ нашей способности понять или не понять ее: понимаемъ—есть, не понимаемъ—нѣтъ. Кто изъ насъ можетъ понять, на примѣръ, какимъ образомъ изображеніе предмета, получающееся на поверхности сѣтчатой оболочки, устилающей внутренность глаза, мы относимъ ко внѣ, или видимъ предметы въ прямомъ положеніи, когда они рисуются въ глазѣ въ обратномъ? Можетъ-ли, да-лѣе, сказать кто, что онъ понимаетъ сущность какого нибудь химическаго процесса, хоть допустимъ—превращенія воды въ газы и обратнаго явленія—превращенія газовъ опять въ воду? Между тѣмъ, если бы кто нибудь сталъ отрицать любое изъ указанныхъ явленій только потому, что они непонятны, то его едва-ли бы назвали здравомыслящимъ. Въ нашемъ случаѣ повторяется то-же самое; пусть мы не понимаемъ, т. е., не въ состояніи уяснить взаимное отношеніе двухъ свойствъ,—это еще не должно служить къ отрицанію ихъ совмѣстнаго существованія.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ.

КАРО, члена Парижской Академіи наукъ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Критическая школа.—Ренанъ (продолженіе).—Жизнь Иисуса.

I.

Критическая школа и особенно ея теологическій методъ, ея, все болѣе и болѣе суживаемое (*réduite*) понятіе о Богѣ,—все это было бы не вполне понятно для насъ, если бы мы пренебрегли изученіемъ примѣненій этого метода къ критикѣ происхожденія Христіанства, какъ она изложена въ самой популярной книгѣ Ренана *Жизнь Иисуса*.

Мы не будемъ обращать никакого вниманія на очень пространенный предразсудокъ, который хочетъ запретить подобныя вопросы „профанамъ“, т. е., всѣмъ писателямъ, не посвященнымъ въ тайны семитическихъ языковъ и талмудической литературы, незнакомыхъ съ „последнимъ словомъ“ германской эгзегетики, а такъ-же—сравнительной филологіи и археологіи, —съ этимъ „первоисточникомъ“ исторіи, который грозитъ теперь поглотить всѣ другіе. Не входя въ разсужденіе о чрезмѣрныхъ притязаніяхъ этихъ тонкихъ и рѣдкихъ наукъ, а съ другой стороны, не позволяя себѣ и пренебрежительнаго отношенія къ ихъ результатамъ, я намѣренъ, однако, въ послѣдующемъ очеркѣ ограничить свою задачу (свои изысканія) лишь

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7, за 1896 г.

самыми тѣсными предѣлами. Я буду разбирать книгу Ренана, руководясь простыми правилами самой обыкновенной критики, основываясь на текстахъ, которые приводитъ онъ самъ, провѣряя его методъ имъ самимъ—словомъ, руководясь принципами, которые онъ самъ кладетъ въ основу своей книги, и дѣлая изъ нихъ примѣненіе, которое онъ самъ дѣлаетъ. Впрочемъ, методъ книги: жизнь Іисуса, какъ это будетъ видно дальше, есть лишь естественное слѣдствіе его общаго метода. Въ немъ узнаемъ приемы и принципы, которые намъ уже знакомы. Дѣло и здѣсь идетъ не о теологін, а все еще о философіи.

Я ни мало не удивляюсь шуму, который надѣлала *Жизнь Іисуса*. Такъ какъ Христосъ былъ высшимъ выраженіемъ религіознаго сознанія въ мірѣ, то нельзя коснуться этого божественнаго имени, не потрясая самыхъ сильныхъ и самыхъ благородныхъ сторонъ человѣческой души. Когда мы видимъ все то, что происходитъ; слышимъ сильныя, то гнѣвные, то восторженные крики, которыми встрѣтили эту книгу,—намъ становится довольно ясно, что мы далеки отъ того положенія ума, которое указалъ Лямнэ въ своемъ *Опытѣ о равнодушіи* (*Essai sur l'indifférence*). Эти великія движенія, возбуждающія страну, явно доказываютъ, что, вопреки Лямнэ, духовная жизнь еще далеко не готова погаснуть въ ней.

Но болѣе, чѣмъ этотъ, возбужденный книгою, шумъ, удивляетъ меня то, что книга, повидимому, изумила очень многихъ и что, смотря по различію точекъ зрѣнія, каждый видитъ въ ней то смѣлое новаторство, то неожиданный соблазнъ. Между тѣмъ она есть самый естественный результатъ той продолжительной умственной работы, которая уже около полувѣка совершается въ Германіи, болѣе двадцати лѣтъ во Франціи и главнымъ проявленіемъ которой по эту сторону Рейна, былъ переводъ сочиненія Штрауса, сдѣланный г. Литтре, равно какъ трудъ гг. Мишеля Николя (*Nicolas*), Рейсса, Колани и особенно весьма замѣчательныя изслѣдованія Шерера и Ревилля. Но и помимо этой работы протестантскаго экзегеса и радикальной критики,—кто изъ людей, внимательно наблюдающихъ за умственными движеніями, не замѣтилъ, особенно въ эти послѣдніе десять лѣтъ, того возбужденнаго любопытства, той страсти, съ которою поэты, даже

романисты, историки, а за ними и вся „большая публика“ относилась, къ этой важнѣйшей изъ всѣхъ проблемъ,—къ вопросу о христіанствѣ? Не являлось-ли въ это время обсужденіе религиозныхъ тезисовъ самымъ вѣрнымъ средствомъ заинтересовать и привести въ возбужденіе читателей? Это, безъ сомнѣнія, знаменіе времени.

Но особенно въ собственныхъ трудахъ Ренана можно было замѣтить, по нѣкоторымъ довольно яснымъ признакамъ, указаніе на подготовленіе этой книги и какъ-бы ея обѣщаніе. Гораздо ранѣе его знаменитой, возбудившей столько толковъ, лекціи въ Collège de France, раньше его новаго произведенія, оживившаго эту лекцію,—люди, умѣющіе читать между строкъ, могли по собственнымъ указаніямъ Ренана набросать очеркъ этой книги, заранѣе открыть ея духъ и методъ, написать ее почти всю цѣликомъ, исключая развѣ тѣхъ подробностей, которыя зависятъ отъ искусства самаго Ренана. *Жизнь Иисуса* была вся изображена (и даже съ большей рельефностью и силой) въ статьяхъ безъ подписи, напечатанныхъ въ 1849 г. въ *Свободѣ мысли (Историки—критика Иисуса)*, которыя вновь появились, семь лѣтъ спустя, лишь съ нѣкоторыми сокращеніями въ *Этюдахъ религиозной исторіи*. Это произведеніе было, слѣдовательно, отнюдь не ново, такъ какъ оно просто резюмировало предшествовавшую интеллектуальную жизнь Ренана,—его труды за пятнадцать лѣтъ. Оно есть выраженіе того-же своеобразнаго таланта, вся оригинальность котораго состоитъ единственно въ истолкованіи и популяризаціи послѣднихъ результатовъ нѣмецкой критики, которые онъ вводитъ во французскую литературу и которые ему почти удалось уже къ ней привить, лишь слегка смягчая ихъ и чрезъ то, вѣроятно, заставляя ихъ терять кое-что изъ ихъ откровенности и научнаго простодушія.

Итакъ, *Жизнь Иисуса* могла изумить только наивныхъ или легкомысленныхъ читателей. Правда, число ихъ велико, даже среди привилегированной публики, къ которой Ренанъ преимущественно обращается. Во Франціи принципы, въ ихъ отвлеченной общности, пугаютъ только людей проникательныхъ и дальновидныхъ. Самая смѣлость этихъ принциповъ отнюдь не

вредить ихъ успѣху. Только во время примѣненія ихъ, когда выведено послѣднее слѣдствіе, наши, до тѣхъ поръ неустрашимыя, головы дѣлаютъ оговорку: чтобы они остановились,— для этого нужно, чтобы было высказано послѣднее слово.

Сочиненія Ренана имѣли въ виду именно подготовить французскій умъ къ этому послѣднему слову. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ восторгомъ и одобреніемъ были приняты публикою его блестящіе и безконечные варианты на эту основную тему,— а именно: что все, что не есть фактъ или чувственное, физическое, естественное существо, можетъ существовать только въ видѣ идеи; что нѣтъ ничего реального внѣ природы, которая обнимаетъ всѣ существа и явленія,—физическія, равно какъ и человѣческія; что та мнимая реальность, которой нѣтъ въ природѣ, есть лишь абстракція; что, напримѣръ, Богъ, если хорошо понять и освободить идею о Немъ отъ облакающихъ ее вульгарныхъ и матеріальныхъ формъ, окажется лишь категоріей идеальнаго въ нашемъ умѣ! Все это мы знаемъ.

Мы знаемъ также и слѣдствіе изъ этихъ принциповъ: никакое участіе Бога въ дѣлахъ міра невозможно, такъ какъ Богъ не есть существо, а только высшая форма нашихъ идей, чистая идея. Воображаемая воля Бога, который былъ бы существомъ, не находитъ мѣста ни въ ряду человѣческихъ фактовъ, ни въ ряду дѣлъ природы. Всякій слѣдъ воли, отличной отъ воли человѣческой, всякое включеніе свободнаго акта, отличнаго отъ актовъ человѣческихъ, въ ткань механическихъ дѣйствій и противодѣйствій, есть совершенная невозможность, которая даже и не оспаривается, такъ какъ она предполагаетъ остатокъ суевѣрія въ тѣхъ, кто утверждаетъ нѣчто подобное.

Но если на всемъ пространствѣ дѣйствительнаго бытія нѣтъ свободной причины, кромѣ человѣка, то должны исчезнуть всѣ набожныя иллюзіи тѣхъ философовъ и историковъ, которые доселѣ признавали слѣдъ высшаго могущества, указанія на божественный планъ въ экономіи міра и въ ходѣ исторіи. Такимъ образомъ, понятіе о Провидѣніи окончательно изгоняется изъ науки.

Отмѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, самопротиворѣчивость общественнаго мнѣнія (я говорю и объ интеллигентной и ученой пуб-

ликѣ). До сихъ поръ замѣчалось частное недовольство принципами, развиваемыми Ренаномъ, но не было тѣхъ страстныхъ и враждебныхъ движеній, свидѣтелями которыхъ мы были недавно. Можно подумать въ самомъ дѣлѣ, что пока между Ренаномъ и его противниками дѣло шло о Богѣ и Провидѣніи,—это была лишь школьная распря. Одобряли почти единодушно изящную смѣлость критики, въ которой видѣли лишь ограниченіе привычекъ оффиціальной философіи и посягательство на ея словарь. Это—очаровательная шалость свободного и независимаго ума, направленная противъ Кузена, философовъ Сорбонны и Университета и больше ничего!

Однако, когда критика, расчистивъ почву отъ „метафизическихъ химеръ“, побѣдоносная и одобряемая, захотѣла вступить въ область тайнъ и чудесъ,—тогда дотолѣ равнодушными умами овладѣло смущеніе. Они довольно легко мирились съ тѣмъ, что Провидѣніе было исключено изъ міра и исторіи; но стали жаловаться на соблазнъ, когда было подвергнуто спору или скорѣе поставленно внѣ спора сверхъестественное, какъ предполагающее легковѣріе или обманъ въ людяхъ, его допускающихъ. Многіе изъ тѣхъ, которые очень свободно осмѣивали спиритуалистическую школу, объявили признакомъ дурнаго вкуса устраненіе изъ Религіи всего сверхъестественнаго и это послѣ того, какъ эти-же самые люди безъ труда согласились, что-бы божественный элементъ, подъ неопредѣленнымъ именемъ *Метафизики*, былъ изгнанъ изъ философіи! Общественное мнѣніе во Франціи, какъ извѣстно, характеризуется именно такими неожиданностями и часто самопротиворѣчивостью!

Согласно принципамъ той школы, къ которой принадлежитъ Ренанъ, религіозная критика можетъ имѣть только одну цѣль—объяснить тайну образованія религіи посредствомъ человѣка и работы его способностей,—при нѣкоторыхъ данныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ природа и человѣкъ суть единственные выраженія реальности, то все, что ихъ превосходитъ, должно быть объясняемо наукой изъ того-же источника, т. е., должно быть сводимо къ проявленію бытія физическаго или человѣческаго. Сдѣлать замѣтными процессы, посредствомъ которыхъ образовалось Христіанство, обращая вниманіе на обстоятельства времени, мѣста, климата, расы и скрытыхъ

силъ непосредственности, т. е., просто на то, что можетъ изобрѣсти въ своемъ свободномъ порывѣ невѣжественное и легко-вѣрное воображеніе; ясно указать источникъ, изъ котораго должна появиться легенда, и естественныя средства, которыми она развивается, доказывая анализомъ, аналогичнымъ химическому, какъ сочетаются вліянія природы и исторіи съ великими изобрѣтательными инстинктами человѣчества: вотъ что ставить себѣ задачею Ренанъ въ обширной *Исторіи происхожденія христіанства*.

Имѣлъ-ли онъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи,—въ составленіи *Жизни Іисуса*, освобожденной отъ сверхъестественнаго элемента? Въ какой мѣрѣ можно допустить, что главный тезисъ былъ въ ней доказанъ?

Чтобы судить объ этомъ безпристрастно (предположимъ, что безпристрастіе было бы въ подобныхъ вопросахъ возможно), нужно было-бы, такъ сказать, произвести экспериментъ надъ умомъ, поставленнымъ въ особыя условія. Если мы возьмемъ объектъ для такого эксперимента изъ среды исключительныхъ раціоналистовъ, какъ извѣстно, очень рѣшительныхъ противниковъ Христіанства, то можно предположить, что раціоналистическій умъ увидитъ въ попыткѣ Ренана лишь опытъ бесполезнаго, бессильнаго, слишкомъ неяснаго и слабаго доказательства. Если-же мы возьмемъ умъ вѣрующій, изъ среды благочестивыхъ душъ, вѣра которыхъ никогда не подвергалась искушенію, то вѣроятно, книга Ренана будетъ принята за нечестивое, святотатственное возмущеніе, которое должно быть наказано не критикой, а отлученіемъ отъ церкви.

Внѣ этихъ двухъ точекъ зрѣнія,—точки зрѣнія строго раціоналистической, съ которой всегда будутъ насмѣхаться надъ сентиментальностью, которую Ренанъ вноситъ въ свое изложеніе, и точки зрѣнія абсолютной вѣры, которая можетъ смотрѣть на подобную книгу только съ гнѣвомъ,—я представляю себѣ одно изъ тѣхъ среднихъ положеній ума, которыя не рѣдки въ наше время, которыя проявляютъ иногда очень искреннія религіозныя предрасположенія, но не исключаютъ сомнѣнія, упадка вѣры и особенно—чрезвычайно возбужденной любознательности и даже любопытства въ отношеніи къ этимъ вопросамъ. Я предполагаю какого-нибудь читателя, христіанина по внутреннимъ стремленіямъ души, по склонности, но въ то-же время съ умомъ,

слегка тронутымъ духомъ вѣка, зараженнымъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ сомнѣніемъ, проникнутымъ критикой, хорошо знакомаго съ требованіями и пріемами современной науки, желающаго учиться, быть искреннимъ съ самимъ собою и не обольщаться иллюзіями,—хотя-бы и благородными, но относительно которыхъ доказано, что это иллюзіи. Онъ хочетъ быть просвѣщеннымъ; но хочетъ также, чтобы ему приводили доводы, которые дѣйствительно были бы научными доводами, а не индивидуальными взглядами на вещи, не нервными впечатлѣніями, капризами художника, или блестящими фантазіями. Словомъ, онъ хочетъ имѣть дѣло съ философомъ, а не съ виртуозомъ идей.

Вотъ именно въ руки такимъ образомъ настроеннаго читателя, и слѣдовало-бы дать книгу Ренана, чтобы оцѣнить ея истинное значеніе. Разбирая его впечатлѣнія, можно было бы написать о *Жизни Иисуса* дѣйствительно „свѣтскую“ критику.

И я дѣйствительно продѣлалъ этотъ экспериментъ,—спрашивалъ нѣкоторыхъ, очень откровенныхъ людей, при только что указанныхъ мною условіяхъ. Я думалъ, что на нихъ-то именно книга Ренана и произведетъ наибольшее впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ Ренанъ долженъ былъ увлечь эти души, почти отдѣлившіяся отъ положительной религіи, съ которой онѣ соединяются легко отсѣкаемыми корнями,—души, тревожно относящіяся къ истинѣ, со всѣхъ сторонъ открытыя для научной любознательности, и не оказывающія смѣлому возраженію почти никакого сопротивленія.

Онъ, однако, не увлекъ ни одной изъ нихъ. Читатели, дѣйствительно безучастные ко всякому другому предмету, кромѣ религіозной истины, и не примѣшивающіе къ ней никакой посторонней страсти,—такіе читатели были поражены, даже утрачены недостаткомъ строгости въ спорѣ, или, говоря проще и называя вещи ихъ собственными именами,—слабостью и пустотой аргументаціи.

Я знаю, что, по своему эстетическому темпераменту, Ренанъ питаетъ отвращеніе къ спору и что онъ почти этого не скрываетъ. Я знаю, что сухія формы отталкиваютъ эту тонкую и поэтическую натуру. Онъ самъ говоритъ вамъ, что изъ нѣсколькихъ методовъ онъ предпочитаетъ методъ непрерывнаго разсказа о жизни Христа, біографіи,—что болѣе сообра-

зывается съ „легендой“, исправляя ее, и пытаюсь, при помощи догадокъ и предположеній, возсоздать дѣйствительную исторію Іисуса, чѣмъ полагаюсь на логику; что не стремится къ *нормальному* жизни Іисуса и не руководствуется, при ея обработкѣ, приемами методически-правильнаго разсужденія. Друзья Ренана прибавятъ къ этому, что злоупотреблять высшимъ чистосердечіемъ, которое онъ вноситъ въ изложеніе своихъ взглядовъ, и указывать, какъ на аргументъ противъ него, на эти приемы его искусства, столь тонкаго и въ то-же время столь простодушнаго,—было бы дурнымъ приемомъ полемики. Но читатели, которыхъ я спрашивалъ, не такъ легко удовлетворялись. Они утверждаютъ, что въ подобныхъ предметахъ было бы не худо пожертвовать хоть не многими утонченностями искусства правиламъ критики, которая требуетъ, для обоснованія выводовъ строгой аргументаціи и разсужденій. Они говорятъ, что данный случай (т. е., обсужденіе жизни Іисуса Христа) настолько важенъ, что можно было-бы нарушить нѣкоторыя привычки этого утонченнаго ума. Словомъ они сперва удивились, потомъ утомились и разсердились на то, что встрѣтили въ книгѣ одни только заключенія, предположенія, гипотезы и при томъ въ самыхъ важныхъ пунктахъ той исторіи, на которой держится духовная жизнь всего міра. Правда, они получили лестное понятіе о талантѣ автора; но они утверждаютъ, что не этого только искали въ его книгѣ. Авторъ, можетъ быть, найдетъ ихъ очень неблагодарными и требовательными; но тѣмъ не менѣе надо считаться и съ ихъ мнѣніемъ, которое единогласно и которое выражается, конечно, съ гораздо меньшею сдержанностью, чѣмъ какъ я его передаю.

Нѣкоторые думали найти въ книгѣ Ренана, по крайней мѣрѣ, серьезное изслѣдованіе вопроса о подлинности Евангелій; но и этого не оказалось. А между тѣмъ это былъ бы единственный способъ,—если бы только онъ удался Ренану,—научно разрушить божественность Христа, не унижая человѣка до степени лгуна. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, вы захотѣли поразить Бога, сохраняя неприкосновеннымъ величіе человѣка, то нужно было попытаться снять съ него отвѣтственность за его чудеса, которыя вы съ такимъ презрѣніемъ отвергаете, и возложить отвѣтственность за нихъ на учениковъ,—доказать, что, если

здѣсь есть ложь, то именно лишь со стороны этихъ послѣднихъ. Но это былъ-бы вопросъ обширный, трудный и полный опасностей,—особенно для такой эрудиціи, которая отличается болѣе изобрѣтательностію, чѣмъ точностію, болѣе жаждетъ блеска и популярности, чѣмъ прочнаго признанія своей правильности и доказательности. Мы понимаемъ, что Ренавъ хотѣлъ избѣжать тяжелой аргументаціи, за которой публикѣ трудно слѣдить и которая при томъ не была ни въ свойствахъ его таланта, ни въ его вкусахъ. Но именно вслѣдствіе этого его книга и не могла оказаться ничѣмъ инымъ, кромѣ того, чѣмъ она оказалась, т. е., произведеніемъ искусства.

Впрочемъ, съ чистосердечіемъ, котораго нельзя не отмѣтить, Ренавъ позаботился открыть намъ тайну своего пріятнаго метода: „Въ исторіяхъ подобнаго рода,—говоритъ онъ, главнымъ признакомъ обладанія истиной служить то, насколько удастся намъ скомбинировать тексты такъ, чтобы изъ нихъ получался логически связанный и правдоподобный рассказъ, въ которомъ не было-бы ничего фальшиваго. Но нужно признаться, что тексты бываютъ иногда непослушны и не поддаются сами собою такой комбинаціи. Тогда писатель долженъ слѣдовать инстинкту прекраснаго и заставлять тексты претерпѣвать нѣкоторое пріятное и легкое принужденіе, которое-бы приводило ихъ во взаимное согласіе“. „Тексты нуждаются въ *толкованіи по вкусу (l'interprétation du goût)*; ихъ нужно осторожно *допрашивать*, пока намъ не удастся сблизить ихъ и образовать изъ нихъ одно цѣлое, въ которомъ счастливо сливаются всѣ данныя“¹⁾.

Вкусу могутъ помочь, Впрочемъ, и нѣкоторыя правила, по руководству которыхъ надъ текстами можно произвести нѣчто въ родѣ тонкой операціи: „Должно безпрестанно справляться съ внутренними законами жизни, съ *движеніемъ органическихъ продуктовъ*, съ постепеннымъ переходомъ отъ *тѣнковъ*“.

Итакъ, нужно обсуждать жизнь Іисуса по *обыкновеннымъ законамъ движенія органическихъ продуктовъ*, руководствоваться при ея изображеніи, *чувствомъ живаго организма!* Не говоря уже о томъ, что это очень неопредѣленный критерій, я боюсь, чтобы онъ не уничтожилъ именно того, что историкъ хочетъ

¹⁾ Введеніе стр. LV и LVI.

объяснить: божественную оригинальность Іисуса. Если даже освободить эту мысль отъ формы, которая ее выражаетъ и которая, безъ сомнѣнія, не представляетъ ничего идеальнаго,— формы, по меньшей мѣрѣ странной,—то и тогда необходимо или совсѣмъ уничтожить или свести къ условнымъ, такъ сказать, оффиціальнымъ пропорціямъ, всѣ тѣ явленія, которыя, какъ видно уже и съ перваго взгляда, не согласуются съ „движеніемъ органическихъ продуктовъ“. Но развѣ освобождаться отъ обыкновенныхъ правилъ развитія не есть свойство великихъ умовъ? Развѣ не служитъ признакомъ самыхъ высокихъ проявленій свободы, самыхъ удивительныхъ интуицій мысли или вѣры, именно то, что эти явленія стремятся за предѣлы всѣхъ законовъ, что они приводятъ въ замѣшательство логику и науку, создаютъ въ духовномъ мірѣ возвышенное, неожиданное? И если это вѣрно относительно добродѣтели и генія, то насколько-же вѣрнѣе должно быть это, когда дѣло идетъ объ Іисусѣ! Ужели Ренанъ надѣется объяснить извѣстными законами развитія *живыхъ организмовъ* самую великую душу, (по его собственному признанію), которая когда-либо появлялась на землѣ? Ужели онъ думаетъ свести къ обыкновенной мѣркѣ то, что само по себѣ неизмѣримо?

Но что особенно занимаетъ во всемъ этомъ автора—такъ это расположеніе рассказа, гармонія цѣлаго, вѣрность передачи общаго настроенія и чувства, правдивость колорита, чему онъ охотно подчиняетъ все то, что называетъ *милой достоверностью мелочей* ¹⁾. Однако, какой это опасный методъ и какъ выдаетъ онъ легкое отношеніе автора къ дѣлу,—и въ первоначальномъ замыслѣ сочиненія, и въ постепенномъ устраненіи нѣкоторыхъ затруднительныхъ для него фактовъ, которые отодвигаются на второй планъ, если только не удаляются совсѣмъ, какъ могущіе будто-бы вредить впечатлѣнію цѣлаго! Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, начинаются и гдѣ кончаются эти *мелочи, малую достоверность* которыхъ онъ подчиняетъ общему результату? Въ картинѣ, которая вся есть продуктъ фантазіи, меня мало занимаетъ выборъ частныхъ. Но въ сочиненіи такого рода, какъ сочиненіе Ренана, я не могу безъ недоумѣнія

¹⁾ *Введеніе*, стр. LV: *la petite certitude des minuties*.

допустить принципъ *свободнаго толкованія текстовъ по вкусу*. Въ подобныхъ вопросахъ я боюсь людей утонченныхъ и охотнѣе довѣряюсь людямъ простымъ.

Люди утонченнаго вкуса ужасны въ самомъ дѣлѣ! Ихъ „чистый вкусъ“ не допускаетъ въ исторіи Іисуса ничего, что противорѣчило бы традиціямъ великаго искусства: „Каждая черта, выходящая изъ правилъ *классическаго повѣствованія*, должна предупреждать о необходимости быть осторожнымъ ¹⁾. Здѣсь, какъ видимъ, уже начинаетъ исчезать граница между *Жизнью Іисуса* и произведеніями чистой фикиціи. Но эта граница уже исчезаетъ совершенно, когда авторъ говоритъ намъ, со всей ясностью, на которую онъ способенъ, что художественное основаніе, въ данномъ случаѣ, есть хорошій руководитель; что здѣсь нашель-бы себѣ примѣненіе и былъ-бы умѣстенъ только развитой тактъ, подобный Гётевскому, и что главное условіе *художественныхъ твореній* есть образованіе живой системы, въ которой части требуютъ одна другой и подчиняются другъ другу ²⁾.

Не трудно замѣтить, что это есть не что иное, какъ законы историческаго романа, развязно примѣненные къ исторіи Христа. Это тѣже приемы, которые недавно употреблялъ одинъ изъ нашихъ модныхъ авторовъ, когда при помощи нѣкоторыхъ отрывочныхъ документовъ, также руководясь „*чувствомъ организма*“, хотѣлъ возстановить жизнь древняго Карфагена и исчезнувшихъ цивилизацій. При изученіи *Жизни Іисуса*, становятся слишкомъ очевидными эти опасности, которымъ подвергаетъ исторію свободное толкованіе текстовъ „по вкусу“. Эстетическое чувство Ренана оскорблено текстами, устанавливающими согласіе между нѣкоторыми обстоятельствами жизни Іисуса и мессіанскими пророчествами: и вотъ онъ осторожно ихъ отстраняетъ, увѣряя насъ, что будто нужно-бы было придумать много анекдотовъ, чтобы доказать, что эти пророчества исполнились ³⁾.

„То разсуждали такъ: Мессія долженъ сдѣлать то-то; но Іисусъ есть Мессія; слѣдовательно, Онъ сдѣлалъ то-то. То разсуждали наоборотъ: то-то случилось съ Іисусомъ; но Іисусъ — Мессія; слѣдовательно, то-то должно было случиться съ

¹⁾ *Введеніе*, стр. LV.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ *Введеніе*, стр. XLVI.

Мессіей“. Не лишне было бы, однако, для подтвержденія этихъ словъ привести нѣсколько доказательствъ, установленныхъ разборомъ текстовъ. Но вопросъ о подлинности Евангелій,—вопросъ предварительный и основной въ этой исторіи,—рѣшенъ во *Введеніи* въ формѣ *постулата* и мы принуждены вѣрить здѣсь Ренану на слово.

Авторъ, приписывающій здѣсь Евангелистамъ *circulus vitiosus* (кругъ въ доказательствѣ), не замѣчаетъ, что онъ самъ впадаетъ въ ту-же ошибку. Евангелисты говорятъ: „Иисусъ былъ сынъ Давида... Иисусъ родился въ Виелеемѣ... Иисусъ родился отъ Дѣвы, чтобы пророчество сбылось“. Ренанъ, въ своемъ „пятомъ евангеліи“, говоритъ: „Иисусъ не былъ сыномъ Давида, Иисусъ родился не въ Виелеемѣ, у Иисуса были братья и сестры, и все это,—чтобы пророчество не сбылось“.

Нѣтъ ничего проще аргументаціи Ренана въ этихъ трехъ важнѣйшихъ пунктахъ исторіи Иисуса. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ относительно одного изъ этихъ вопросовъ.—Вмѣсто того, чтобы оспаривать генеалогіи, которыя намъ даютъ Св. Евангелисты Матѳеей и Лука, и которыя устанавливаютъ родословную отъ Давида до Иисуса, онъ бездоказательно объявляетъ ихъ вполне фиктивными и обставляетъ вопросъ такими ограниченіями, которыя заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными: „Наименованіе сыномъ Давида было первое, принятое Иисусомъ, *вѣроятно* безъ его участія въ тѣхъ *невинныхъ обманахъ*, которыми старались обезпечить за нимъ это наименованіе. Родъ Давида, *кажется*, давно угасъ... *Правда*, прибавлено въ примѣчаніи, что нѣкоторые наставники, какъ Гиллель, Гамалииль выдаются за принадлежащихъ къ роду Давида. *Но это очень сомнительныя показанія*“... Почему? Единственно потому, что, если бы родъ Давида образовалъ отдѣльную группу, то онъ участвовалъ-бы въ современной борьбѣ.—Но вѣдь онъ (родъ Давида) и дѣйствительно занималъ въ Іудеѣ довольно выдающееся положеніе, такъ какъ вѣдь Иисусъ происходилъ изъ этого рода, такъ что въ этомъ отношеніи Ренанъ доказалъ только одно—именно свое желаніе, чтобы дѣло обстояло иначе ¹⁾!

¹⁾ Если бы вопли философскій характеръ этой книги позволялъ намъ настаивать на подробностяхъ, мы предпочли бы разсмотрѣть методъ Ренана съ факти-

Этотъ методъ отражается и на стилѣ Ренана, о чемъ можно судить уже и по фразамъ, только что приведеннымъ нами, которыя какъ бы усѣяны ограничительными словами: *въроятно, кажется, правда что, принуждены думать* и т. д. Въ виду самыхъ полсжительныхъ текстовъ, которые заслуживали бы по крайней мѣрѣ чести быть оспариваемыми, если уже имъ нечего противопоставить кромѣ чувства, инстинкта, вкуса или одного изъ *правилъ классическаго повѣствованія*, нужно ожидать, что только-что приведенный доводъ Ренана не покажется читателю очень опредѣленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ренанъ формулируетъ свою гипотезу весьма шатко и двусмысленно; мысль обставляется всевозможными ограниченіями, ослабляется, умаляется,—и все это для того, чтобы такимъ образомъ она легче могла найти доступъ къ уму читателя. И нужно, конечно, быть очень требовательнымъ, чтобы не тронуться столькими предосторожностями!..

Изъ этого, однако, вытекаетъ одно важное неудобство. Въ *Жизни Иисуса* никогда нельзя выйти изъ области лишь *приблизительнаго*. Вся книга основана на слѣдующемъ принципѣ: если Евангелія не вполне достовѣрны, то они *почти* достовѣрны ¹⁾. Вся книга доказываетъ слѣдующій тезисъ: Иисусъ не есть Богъ, не есть сынъ Божій, но *въ некоторомъ смыслѣ* онъ *почти* Богъ. Я знаю, какое поклоненіе воздаютъ тонкому методу приближеній эти острые и утонченные умы критической школы. *Цвѣтъ* всегда ложенъ потому, что онъ слишкомъ рѣческой стороны и провѣрить его утвержденія текстами, которые онъ самъ приводитъ, чтобы такимъ образомъ обнаружить неожиданность слѣдствій, которыя онъ изъ нихъ выводитъ. Тѣмъ, кто пожелалъ-бы сдѣлать такую провѣрку, мы посоветовали бы выполнить ее именно относительно рожденія Иисуса въ Назаретѣ, его семьи, его мнимыхъ братьевъ, превосходства Іоанна, *признаннаго* Иисусомъ; относительно крещенія, какъ чего-то будто-бы второстепеннаго для Иисуса, равно какъ и относительно всѣхъ главныхъ пунктовъ Его ученія, которые у Ренана, въ концѣ концовъ, исчезаютъ или сливаются въ вѣчныхъ двусмысленностяхъ словъ и идей. Трудъ этотъ былъ выполненъ съ чрезвычайною строгостью *Валлономъ* (Wallon), членомъ академіи надписей и изящной литературы,—въ его книгѣ, озаглавленной: *Жизнь Иисуса и его новый историкъ* (La Vie de Jésus et son nouvel historien).

¹⁾ „Словомъ, я признаю достовѣрными четыре каноническихъ Евангелія. Всѣ они, по моему, восходятъ къ первому вѣку и *почти* принадлежатъ тѣмъ авторамъ, которымъ усвоются; но ихъ историческое значеніе слишкомъ различно“... *Введеніе*, стр. XXXVII.

зокъ; онъ непріятно поражаетъ зрѣніе тѣхъ, которые воспринимаютъ только *оттѣнки*. Утверждать или отрицать есть дѣло педанта. Они же никогда не отрицаютъ. Они не говорятъ: „дѣло произошло вотъ такъ-то“, но только: „дѣло должно было произойти такъ“. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не чувствуютъ прелести прямыхъ отрицаній, подразумѣваемаго смысла, умолчаній! Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые желали бы достигнуть какихъ-нибудь опредѣленныхъ заключеній, рѣшительныхъ основаній! Художникъ не дастъ ничего подобнаго этимъ грубымъ требованіямъ.

Вотъ совершенно новое искусство: задача теперь для писателя состоитъ въ томъ, чтобы удержаться въ *предѣлахъ высшей неопредѣленности, и обнимать самые различные порядки истины*. И никто не пользуется этимъ искусствомъ лучше Ренана. Мы не поздравимъ его, однако, съ этимъ. Когда онъ говоритъ намъ о *Царствѣ Божіемъ, о сыновнемъ чувствѣ, которое человекъ испытываетъ въ недрахъ Отца*, то конечно въ его устахъ слова эти имѣютъ тотъ-же звукъ, какъ и въ устахъ всего человѣчества; но имѣютъ ли они тотъ-же смыслъ? Кто могъ бы повѣрить этому? Но если такъ, то зачѣмъ-же онъ употребляетъ эти слова съ такою аффектаціею? Зачѣмъ этотъ мистическій языкъ, смягченный до приторности, когда дѣло идетъ о разрушеніи тѣхъ метафизическихъ или религіозныхъ иллюзій, которыя выражаютъ эти слова? Не естественно-ли, что въ виду всего этого, у читателя, какъ говоритъ гдѣ-то Ренанъ, явятся *обильныя недоразумѣнія*?

„Правда, говорятъ друзья Ренана, что въ его выраженіяхъ, въ движеніи его религіозной мысли, замѣтны колебанія, даже двусмысленности. Но слѣдовало бы уважать въ нихъ затрудненія честнаго сознанія, которое, сомнѣваясь, предпочитаетъ лучше оставаться въ неопредѣленности и даже противорѣчить самому себѣ, чѣмъ искажать неизвѣстную истину, давая ей опредѣленные и можетъ-быть невѣрные очертанія“.

Пусть такъ. Я согласенъ, что Ренанъ колеблется, даже безпрестанно противорѣчитъ себѣ, когда дѣло идетъ о Богѣ; что онъ понимаетъ Его, то какъ универсальное Существо, субстанцію вселенной, развивающуюся въ природѣ, то какъ чистый идеаль мысли; что иногда онъ обращается къ Нему, какъ

къ реальному, личному существу и называетъ его *Отцомъ*. Эти колебанія меня трогали-бы, если бы только онъ не навязывалъ мнѣ ихъ, какъ доказательство умственного аристократизма и признакъ привилегированной природы! Но,—увы!—авторъ не остановился на первоначальномъ вопросѣ, отъ котораго все зависить! Онъ не знаетъ даже, есть-ли Богъ! И вотъ онъ-то, будучи не въ состояніи для самого себя разрѣшить этой проблемы, на которой держится вся духовная жизнь человѣчества, претендуетъ на объясненіе *мнѣ* сущности религій и происхожденія христіанства! Онъ говоритъ мнѣ, что Христосъ *не Богъ*, но пришелъ основать *Царство Божіе*, тогда какъ самъ сомнѣвается, не есть-ли Богъ лишь форма мысли или слѣпая сила вещей?! Все это дѣлаетъ меня недовѣрчивымъ. Когда у меня отнимаютъ вѣрованія, то я хочу по крайней мѣрѣ знать, чѣмъ ихъ замѣняютъ. Но кто самъ для себя не знаетъ, во что нужно вѣровать, тотъ какое право имѣетъ наставлять другихъ?

Впрочемъ, о чемъ мы беспокоимся? Развѣ дѣло идетъ о вѣрѣ? Нѣтъ, вѣдь только объ искусствѣ. Счастлива Греція, которой никогда не были извѣстны ни мрачный фанатизмъ, ни ужасы схоластики съ ея членами вѣры и этими безконечными догматами! „Въ Греціи оправдывали людей, какъ-бы они ни говорили о богахъ, лишь бы говорили о нихъ хорошимъ слогомъ. Прелестъ (*grâce*),—говоритъ превосходный теологъ Пиндаръ,—которая изъ всего добываетъ медъ для людей, придаетъ авторитетъ ошибкамъ и заставляетъ вѣрить невѣроятному... Человѣку не подобаетъ говорить о богахъ ничего, кромѣ хорошаго; тогда вина бываетъ меньше“...

Вотъ тайный идеаль Ренава! Когда онъ достигалъ его, онъ былъ доволенъ. Пусть же онъ будетъ спокоенъ! О немъ скажутъ: „Онъ говорилъ о богахъ прекраснымъ языкомъ“. Въ историкѣ Иисуса признаютъ „превосходнаго теолога“,—конечно, въ духѣ Пиндара...

* * *

(Продолженіе будетъ).

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА VII.

Глава 8.

Посему, когда мы имѣемъ въ виду духъ мудреца, имѣющаго власть надъ всѣмъ и проникающаго повсюду, то говоримъ, что все принадлежитъ ему; когда же имѣемъ въ виду обычное право, если этого потребуютъ обстоятельства, то мудрый можетъ быть причисленъ къ разряду пролетаріевъ. Будетъ большая разница, когда станемъ одѣнивать его богатство душевнымъ величіемъ, и когда—имущественнымъ цензомъ.—Да онъ и возгнушается обладать всѣмъ тѣмъ богатствомъ, о которомъ ты говоришь. Не стану приводить тебѣ Сократа, Хризиппа, Зенона, и прочихъ мужей, хотя и великихъ, пользующихся превеличленною славою уже потому, что похвалѣ древнихъ не препятствуетъ зависть. Немного ранѣе я приводилъ въ примѣръ Дмитрія, котораго природа произвела въ наши времена, какъ мнѣ кажется, для доказательства того, что ни мы не въ состояніи его развратить, ни онъ не можетъ насъ исправить. Это мужъ совершенной мудрости, хотя онъ самъ это и отрицаетъ, и твердаго постоянства въ своихъ намѣреніяхъ. Краснорѣчіе же его, соотвѣтствующее достойнѣйшимъ дѣяніямъ, не искусственное и не заботится о словахъ, но совершаетъ свое дѣло съ величіемъ духа по внутреннему влеченію.

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1, за 1896 г.

Не сомнѣваюсь, что природа даровала ему и такую жизнь и такое краснорѣчіе для того, чтобы нашъ вѣкъ не былъ лишенъ ни примѣра, ни обличенія. Полагаю, что еслибы кто нибудь изъ боговъ пожелалъ передать Димитрію въ обладаніе наши богатства подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не могъ дарить ихъ другимъ, то онъ сталъ бы, я думаю, отказываться отъ нихъ и сказать.

Глава 9.

„Я не стану связывать себя этимъ не отвязнымъ бременемъ и не повергну свободаго челоуѣка въ глубокую бездну. Зачѣмъ ты переносишь на меня бѣдствія всѣхъ народовъ? Вѣдь я принимаю эти (богатства) безъ надежды раздать ихъ, такъ какъ вижу много такого, чего мнѣ не слѣдуетъ дарить (другимъ). Я желаю обнять своими очами, все то, что привлекаетъ взоры народовъ и царей. Я желаю видѣть цѣну крови и жизни вашей. Прежде всего представь мнѣ достоянія роскоши; если хочешь, то располагай ихъ по порядку, или, что будетъ лучше, собери ихъ въ одну массу.

Вотъ черепаховая кость, обдѣланная съ тонкимъ искусствомъ, и чешуи самыхъ отвратительныхъ пресмыкающихся, купленные за огромныя суммы. Вотъ столы и деревянныя издѣлія, имѣющія стоимость сенаторскаго ценза, которыя цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе узловъ на больномъ деревѣ. Вотъ хрустальные сосуды, цѣну которыхъ возвышаетъ ихъ хрупкость, ибо у невѣжественныхъ людей наслажденіе вещами возрастаетъ, благодаря тѣмъ недостаткамъ (этихъ вещей), которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

Вотъ фарфоровыя чаши; недостаточно великолѣпною, конечно, была бы роскошь, еслибы не вкушали изъ объемистыхъ сосудовъ, украшенныхъ драгоценными камнями, того, что послѣ извергаютъ.

Вотъ жемчужины, повѣшенныя не по одной къ каждому уху, такъ какъ уши уже приучены къ ношенію тяжестей, но по нѣскольку; онѣ связываются между собою и къ двумъ прикрѣпляются еще другія. Женское безразсудство недостаточно превосходило бы мужское, еслибы онѣ (женщины) не расточали на одни уши по два и по три состоянія.

Вотъ сирійскія одежды, если только можно назвать ихъ одеждами,—въ которыхъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ можно было бы защитить тѣло или стыдливость. Эти одежды за огромныя деньги вывозятся на продажу малоизвѣстными народами, дабы наши матроны всенародно являлись въ томъ видѣ, въ какомъ являются въ своихъ опочивальняхъ.

Глава 10.

Чего достигаешь ты своимъ корыстолюбіемъ? Какъ часто дороговизна вещей превышаетъ твои богатства? Всѣ тѣ предметы, о которыхъ я говорилъ, находятся въ великой цѣнѣ и почетѣ, но теперь я желаю изслѣдовать твои богатства, испытать образцы тѣхъ или другихъ матерій, которыми ослѣпляется наша страсть. Вѣдь говоря по правдѣ, все то, что могло бы быть для насъ полезнымъ, земля положила снаружи, а вышеупомянутыя сокровища скрыла и погребла, и налегла всею своею тяжестію на эти предметы, какъ на вредныя и могущіе принести людямъ зло. Вотъ и желѣзо извлечено изъ тѣхъ же мрачныхъ нѣдръ, изъ которыхъ извлечено золото и серебро, чтобы не было недостатка ни въ орудіяхъ для убійства, ни въ деньгахъ для платы за него.

Но, тѣмъ не менѣе, всѣ перечисленныя богатства имѣютъ еще нѣкоторую матеріальность, а существуетъ и нѣчто такое, въ чемъ разумъ можетъ видѣть не что иное, какъ обманъ зрѣнія. Вотъ цѣнныя бумаги и заемныя письма и купчія крѣпости: все это призраки корыстолюбія, которыми оно обманываетъ души людей, находящихъ удовольствія въ пустыхъ представленіяхъ. Что такое все это? Что такое проценты и долговья книги, какъ не названія человѣческихъ страстей, изысканныя внѣ предѣловъ видимой природы?

Можно жаловаться на природу за то, что она не скрыла золота и серебра еще глубже, за то, что она не положила на нихъ еще большей тяжести.

Что такое представляютъ собою таблицы для вычисленія срока платежей и кровожадные проценты? Все это добровольныя бѣдствія, зависящія отъ нашего (общественнаго) устройства, въ ко-

торыхъ нѣтъ ничего доступнаго зрѣнію и осязанію,—все это—пустые призраки корыстолюбія.

О, какъ несчастенъ тотъ, кого радуешь большая книга записи его владѣній и пустыя пространства земли, предназначенной для обработки плѣнными рабами, и безчисленныя стада скота, пасущіяся въ различныхъ провинціяхъ и царствахъ, и прислуга, превосходящая своею численностью могущественныя націи, и частныя зданія, превосходящія своими размѣрами большіе города!

Какъ скоро этотъ богачъ надлежащимъ образомъ разсмотритъ все то, на что онъ распредѣлилъ и расточилъ свои богатства, и возгордится,—онъ окажется бѣднякомъ, если сравнитъ все, чѣмъ владѣетъ, съ тѣмъ, что желаетъ пріобрѣсти. „Отпусти меня (говоритъ мудрецъ) и предоставь моимъ собственнымъ богатствамъ. Я позналъ царство мудрости, царство великое и безопасное. Я всѣмъ владѣю, но такъ, чтобы все находилось во владѣніи у всѣхъ“.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 10. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Куяльскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 14-й день текущаго мая, на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену *Святыя Анны первой степени* настоятель Харьковскаго кафедральнаго собора протоіерей Тимоеей Павловъ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и согласно положенію Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволялъ, къ 14-му мая—дню Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ—пожаловать по вѣдомству православнаго исповѣданія нижеслѣдующія награды: *Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени*—статскому совѣтнику, инспектору Харьковской духовной семинаріи, Константину Истомину; *Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени*—статскому совѣтнику, учителю Харьковской духовной семинаріи, Валентину Леонтовичу; *Св. Анны 3-й степени*—надворному совѣтнику, учителю Харьковскаго духовнаго училища, Владиміру Марченну; коллежскому ассесору, столоначальнику Харьковской духовной консисторіи Тимоеею Дахнѣвскому.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20-й день минувшаго апрѣля, на награжденіе діакона Николаевской церкви слободы Деркачей, Харьковскаго уѣзда, Андрея Куницина, за труды по народному образованію, серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 14-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостойть награжденія духовныхъ лицъ Харьковской епархіи нижеслѣдующими знаками отличія, за службу по епархіальному вѣдомству: а) *орденомъ св. Владимира 4-й степени*—города Харькова, кладбищенской Иоанно-Усѣбновенской церкви протоіерей Павелъ Ковалевскій; б) *орденомъ св. Анны 2-й степени*—той же церкви протоіерей Георгій Волобуевъ; Николаевской гор. Харькова церкви, протоіерей Панкратій Ивановъ; законоучитель Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, протоіерей Никандръ Оникевичъ; гор. Харькова, Благовѣщенской церкви протоіерей Василій Поповъ; г. Харькова, Христорождественской церкви протоіерей Павелъ Тимоѣевъ; церкви слободы Люботина, Валковскаго уѣзда, протоіерей Павелъ Лобковскій; в) *орденомъ св. Анны 3-й степени*—церкви слободы Ново-Глухова, Купянскаго уѣзда, протоіерей Евгенийъ Квитницкій; церкви села Павловокъ, Сумскаго уѣзда, заштатный протоіерей Захарія Добрецкій; города Харькова, Дмитріевской церкви священникъ Петръ Мигулинъ; церкви слободы Песокъ, Изюмскаго уѣзда, священникъ Николай Ястремскій.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 14—27 марта 1896 года за № 917, о награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству.

Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ награжденія за заслуги по духовному вѣдомству: а) *палицею*—законоучитель Сумской гимназіи,

протоіерей Θεоктистъ Лашенковъ; б) *саномъ протоіерея*—г. Харькова, Всѣхсвятской церкви священникъ Николай Гутниковъ; помощникъ смотрителя Харьковскаго духовнаго училища, священникъ Іоаннъ Левитскій; Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря священникъ Поликарпъ Пономаревъ; церкви слободы Покровской, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Григорій Поповъ; Рождество-Богородичной церкви гор. Чугуева, Зміевскаго уѣзда, свящ. Іоаннъ Жадановскій; церкви села Верхняго Бишквина, Зміевскаго уѣзда, священникъ Михайль Котляровъ; церкви слободы Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Поповъ; в) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—ризничій Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Корнилій; Святогорской Успенской пустыни, Изюмскаго уѣзда, іеромонахъ Іерофей; церкви села Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Василій Марченковъ; церкви села Коротича, того же уѣзда, священникъ Порфирій Шокотовъ; церкви слободы Заводъ, Волчанскаго уѣзда, священникъ Александръ Чернявскій; церкви слободы Юнаковки, Сумскаго уѣзда, священникъ Константинъ Новопольскій; церкви слободы Тополей, Купянскаго уѣзда, священникъ Александръ Подольскій; церкви слободы Боровой, того же уѣзда, священникъ Дмитрій Линичій; церкви слободы Лимана, Зміевскаго уѣзда, священникъ Григорій Павловъ; церкви села Бригадировки, того же уѣзда, священникъ Василій Збунаревъ; церкви слободы Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Петръ Приходьковъ; церкви слободы Ново-Бѣлинской, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Макаровскій; настоятельница Старобѣльскаго общежительнаго монастыря, игуменія Херувима; казначея Верхо-Харьковскаго женскаго монастыря, монахиня Измарагда; г) *камилавкою*—гор. Харькова, Пантелеймоновской церкви священникъ Василій Ветуховъ; церкви слободы Гіевки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Евгеній Ченаловъ; церкви слободы Солнцевки, того же уѣзда, священникъ Аристархъ Поповъ; города Ахтырки, Успенской церкви священникъ Іоаннъ Исиченковъ; церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Мелетій Чернявскій; той же слободы Троицкой церкви священникъ Николай Артемьевъ; церкви слободы Хухры, того же уѣзда, священникъ Дмитрій Поповъ; церкви села Кришчянаго, того же уѣзда, священникъ Николай Авксентьевъ; города Изюма, Преображенскаго собора священникъ Стефанъ Кохановъ; церкви слободы Богодарова, Изюмскаго уѣзда, священникъ Аѳанасій Ти-

моновъ; гор. Валюкъ, Благовѣщенской церкви, священникъ Гавріилъ Павловскій; церкви села Караванскаго, Валковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Ястремскій; церкви села Константиновки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Колосовскій; церкви слободы Свистуновки, Купяцкаго уѣзда, священникъ Іаковъ Манаровскій; церкви села Влѣзокъ, Леаеднцкаго уѣзда, священникъ Максимъ Сергіевскій; церкви села Тучного, того же уѣзда, священникъ Андрей Люминарскій; церкви слободы Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Димитрій Бѣдинъ; церкви слободы Хатней, Волчанскаго уѣзда, священникъ Григорій Поповъ; церкви слободы Гнилицы, того же уѣзда, священникъ Михаилъ Будянскій; церкви слободы Хотомли, того же уѣзда, священникъ Мануилъ Цыбулевскій; церкви слободы Котовой, того же уѣзда, священникъ Александръ Рубинскій; церкви слободы Бѣлаго Колодезя, того же уѣзда, священникъ Феодоръ Дзюбановъ.

II. О совершеніи, 25 іюня 1896 г., во всѣхъ православныхъ храмахъ Имперіи заупокойной службы по Императорѣ Николаѣ I.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 24—29 апрѣля 1896 г. № 1229, постановлено: по поводу имѣющаго исполниться, 25 іюня сего года, столѣтія со дня рожденія Императора Николая Павловича, совершить, въ 25 день іюня 1896 года, во всѣхъ православныхъ храмахъ Имперіи заупокойную литургію и панихиду по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Николаѣ I, о чемъ объявить по духовному вѣдомству чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.

III. Отъ 30 апрѣля 1896 г. за № 1346, о присвоеніи состоящимъ на службѣ іереевъ монашествующаго и бѣлаго духовенства, равно какъ и вновь рукополагаемымъ въ означенный санъ, права возлагать на себя святой крестъ на серебряной или металлической цѣпочкѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 минувшаго апрѣля за № 2802, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что Государь Императоръ, согласно Синодальному опредѣленію, отъ 3—10 апрѣля сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 20-й

день мнѣвшаго апрѣля: 1) на присвоеніе, въ ознаменованіе все-радостнаго торжества Коронованія и Священнаго Мѣропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, всѣмъ состоящимъ на службѣ іереямъ монашествующаго и бѣлаго духовенства, равно какъ и вновь рукополагаемымъ въ означенный санъ, права возлагать на себя святой крестъ, и 2) на утвержденіе рисунка серебрянаго креста для ношенія имѣющими іерейскій санъ на персяхъ на серебряной или металлической цѣпочкѣ. Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода, 3—10 апрѣля 1896 г. № 985, между прочимъ, постановлено: по воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на установленіе наперснаго креста, какъ знака отличія іерейскаго сана, предписать епархіальнымъ преосвященнымъ: а) на удостоиваемыхъ іерейскаго сана монашествующаго и бѣлаго духовенства возлагать при хиротоніи упомянутый крестъ, пріобрѣтаемый ставленниками на собственные ихъ средства по утвержденному образцу; б) воспрещать ношеніе сего креста тѣмъ изъ іереевъ монашествующаго и бѣлаго духовенства, кои подвергнутся за проступки запрещенію священнослуженія, на все время запрещенія, и в) въ случаѣ награжденія Синодальнымъ наперснымъ крестомъ, или поднесеніи креста съ украшеніями, разрѣшать ношеніе одного изъ трехъ означенныхъ крестовъ. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи и объ оказавшемся по справкѣ, для зависящихъ распоряженій и исполненія, напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что, на основаніи определенія Святѣйшаго Синода отъ 5-го марта 1896 года за № 719, воспитанникамъ училища, не удостоеннымъ перевода въ слѣдующіе классы безъ экзамена, послѣ каникулъ для испытанія назначаются слѣдующіе дни: ученикамъ приготовительнаго класса 17-е августа, ученикамъ I-го класса—19-е, II-го класса 20 и 21-е, III и IV классовъ—22, 23 и 24 августа. Для пріемныхъ испытаній желающимъ вновь поступить въ приготовительный классъ училища назначается 26-е августа, а въ остальные классы 27 и 28-е того же мѣсяца.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церквей: сл. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Кузнецовъ*, сл. Ново-Искова, того же уѣзда, Николай *Филевскій*, сл. Сычовки Никита *Слюсаревъ* и сл. Кабылной Георгій *Грековъ*, за усердную службу, награждены скуфьею.

— Священники церквей: сл. Курячевки, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Жуковскій* и сл. Можницова, того же уѣзда, Николай *Цоповъ*, за полезную службу, награждены набедренникомъ.

— Священники церквей: Петро-Павловской г. Сумъ Николай *Мощенко* и Георгіевской с. Степановки, Сумскаго уѣзда, Алексѣй *Артюховскій*, награждены—первый бархатною фіолетовою скуфьею, а послѣдній набедренникомъ.

— Священники: села Полеваго, Харьковскаго уѣзда, Димитрій *Нестеровъ* награжденъ скуфьею, и села Песочина, того же уѣзда, Сергій *Уманцевъ* награжденъ набедренникомъ.

— Законоучитель Института Благородныхъ дѣвицъ г. Харькова, священникъ Павелъ *Грома*, награжденъ набедренникомъ.

— Священникъ Екатериинской церкви, сл. Комаровки, Харьковскаго уѣзда, Петръ *Шебатинскій*, награжденъ набедренникомъ.

— Священникъ Николаевской церкви с. Буймера, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Проскурниковъ*, волею Божіею, умеръ.

— Сынъ псаломщика Константинъ *Шемигоновъ* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви м. Петропавловки, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ—діаконъ Александро-Невскаго молитвеннаго дома при станціи Славянскъ К.-Х.-С. ж. д. Александръ *Краснокутскій* уволенъ отъ мѣста, а на его мѣсто перемѣщенъ, согласно прошенію, псаломщикъ Изюмской соборной Преображенской церкви, Иванъ *Федоровскій*; на мѣсто же послѣдняго опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика сынъ священника Яковъ *Дюковъ*.

— Псаломщикъ Троицкой г. Лебедина церкви Константинъ *Дажинскій*, волею Божіею, умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикъ Николаевской церкви, с. Березовки, Харьковскаго уѣзда, Евфимій *Родовскій*.

— Псаломщикъ Воскресенской г. Лебедина церкви Петръ *Должанскій*, по болѣзни, согласно прошенію, уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ н. д. псаломщика бывший воспитанникъ 3 класса Купянскаго духовнаго училища Николай *Саламатниковъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви с. Чернетчины, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Григоровичъ*, волею Божіею, умеръ, а на мѣсто его опредѣленъ сынъ заштатнаго псаломщика Іосифъ *Прибытковъ*.

— Псаломщикъ Дмитріевской церкви с. Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда, Захарій *Фіалковскій*, волею Божіею, умеръ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Знаменской церкви с. Протопоповки, Лебединскаго уѣзда, кр. Яковъ *Калита*; Николаевской церкви с. Мартиновки, Лебединскаго уѣзда, кр. Макарій *Горпинченко*, и Воскресенской, г. Лебедина, церкви кр. Ілія *Трофименко*.

— Уволенъ староста г. Лебедина Трехсвятительской церкви кр. Назарій *Стрѣльниковъ*, по болѣзни, согласно прошенію его.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Всеми-лостивѣйшій Манифестъ.—Высочайшее повелѣніе о мѣрахъ въ облегченію сельскимъ обывателямъ уплаты выкупнаго долга.—Празднованіе дня Священнаго Коронованія въ Харьковѣ.—Коронаціонныя Императорскія регалии.—Западная печать о Московскомъ торжествѣ.—Взгляды славянъ на значеніе Россіи.

14 мая съ 7 часовъ утра стали съѣзжаться въ Кремлевскій дворецъ особы и лица, участвующія въ шествіи въ Успенскій соборъ; войска были выстроены вокругъ Кремля и на Соборной площади съ 5 часовъ утра отъ каждаго пѣхотнаго полка по полуротѣ, отъ каваллерійскихъ гвардейскихъ частей по взводу. На подмосткахъ, ведущихъ отъ Краснаго крыльца къ Успенскому собору и далѣе къ Архангельскому и Благовѣщенскому собору, были выставлены шпалерами войска съ музыкой. Около Благовѣщенскаго Собора стоялъ хоръ придворныхъ музыкантовъ съ трубами. Въ 7½ часовъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ обошелъ выстроившіяся войска. Волостные старшины, гминные войты и старосты были выставлены на Соборной площадкѣ. Помосты, расположенные также и вокругъ Ивана Великаго отъ сѣверныхъ дверей Успенскаго Собора къ Архангельскому собору, были покрыты краснымъ сукномъ. На трибунахъ, устроенныхъ для публики, находилось много дамъ въ роскошныхъ туалетахъ; дипломатическая трибуна, двухъэтажная, была переполнена свитами иностранныхъ принцевъ; въ нижнемъ этажѣ сидѣлъ Эмиръ Бухарскій и Хивинскій ханъ. Въ 8 часовъ были поднесены къ Красному крыльцу два балдахна: малый для Вдовствующей Императрицы, боль-

шой для Императорской Четы. Въ этотъ день на караулѣ былъ Преображенскій полкъ. Незадолго до начатія шествія были введены оберъ-церемоніймейстерами въ Успенскій соборъ дипломатическій корпусъ и иностранные принцы со свитою. Ровно въ 9 часовъ началось шествіе въ Успенскій соборъ согласно церемоніалу. До начатія шествія Государя Императора, духовникъ Ихъ Величества Янышевъ съ двумя діаконами окропилъ весь путь отъ Краснаго крыльца къ Успенскому Собору. Подъ первымъ балдахномъ, несомымъ генераль-адъютантами съ ассистентами, шла Императрица Марія Ѳеодоровна при двухъ ассистентахъ: Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ и Датскомъ принцѣ. Вслѣдъ за Государыней шли придворныя дамы. При появленіи Государыни Маріи Ѳеодоровны изъ дворца на Красномъ крыльцѣ музыка заиграла русскій гимнъ. Стоявшій народъ восторженными кликами привѣтствовалъ Государыню. Подъ другимъ балдахномъ, несомымъ генераль-адъютантами съ ассистентами, шелъ Государь Императоръ Николай Александровичъ съ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной; при Государѣ состояли ассистентами: Великіе Князья Александръ Михайловичъ и Владиміръ Александровичъ; при Государынѣ Сергѣй и Павель Александровичи. При появленіи Императорской Четы на Красномъ крыльцѣ, хоры музыки грянули русскій гимнъ, покрытый восторженными несмолкаемыми криками „ура“. Въ церквахъ начался общій нерезвонъ и пальба изъ орудій съ Тайницкой башни. По прибытіи Императорскихъ регалій къ Успенскому собору вышли на встрѣчу Московскій и Кіевскій митрополиты съ кропленіемъ святой водой. Когда Императорская Чета приблизилась къ паперти Успенскаго собора, вышли на встрѣчу митрополиты Петербургскій, Московскій и Кіевскій съ высшимъ духовенствомъ. Московскій произнесъ Императорской четѣ рѣчь, Петербургскій поднесъ крестъ къ цѣлованію, Кіевскій окропилъ святой водой. Къ восьми часамъ утра Успенскій соборъ былъ переполненъ; справа отъ алтаря, ближе къ тронамъ, были мѣста для Великихъ Князей, иностранныхъ принцевъ, съ лѣвой—для Великихъ Княгинь и иностранныхъ принцессъ; вдоль правой стороны заняли мѣста иностранный дипломатическій корпусъ, свита иностранныхъ Высочайшихъ особъ; съ лѣвой стѣны—придворныя дамы и фрейлины, центральную стѣну за тронами—придворные чины, предводители дворянства, городскіе головы, русскіе и иностранные корреспонденты. Соборъ

представлялъ рѣдкое зрѣлище. Къ 9 час. утра прибыла въ торжественномъ шествіи Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, встѣдъ за Нею прибыли въ соборъ Ихъ Императорскія Величества. Въ 10¹/₂ час. утра совершилось Великое торжество: Возлюбленный Монархъ коронованъ въ присутствіи особъ Императорской Фамиліи, иностранныхъ принцевъ, савонниковъ, сословныхъ представителей. Государь Императоръ былъ въ преображенскомъ мундирѣ, цѣпи ордена Андрея и лентѣ Александра Невскаго; Государыня Александра Ѳеодоровна въ бѣломъ серебрянномъ платьѣ, въ лентѣ ордена святой Екатерины. Первоприсутствовалъ митрополитъ Петербургскій въ сослуженіи Кіевскаго и Московскаго митрополитовъ, прибывшаго греческаго, высшаго духовенства, многихъ архіереевъ. Въ 10 часовъ 4 минуты Государь прочелъ громко и ясно Символъ Вѣры; въ 10 час. 30 мин. утра возложилъ на Себя корону и, три минуты спустя, возложилъ малую корону на главу Государыни Александры Ѳеодоровны. По прочтеніи полного Императорскаго титула въ 10 час. 40 мин. начался салютъ, затѣмъ приносили Ихъ Величествамъ поздравленія Особы Императорской Фамиліи, иностранные принцы и принцессы. Въ 10 час. 55 мин. Государь, вставъ на колѣни, прочелъ установленную молитву, а затѣмъ митрополитъ Петербургскій прочелъ молитву за Царя отъ всего народа; при этомъ всѣ стали на колѣни. Послѣ миропомазанія и причащенія, Ихъ Величества во всѣхъ знакахъ Царскаго достоинства прошли въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и затѣмъ черезъ Красное крыльцо въ Кремлевскій дворецъ. Съ Краснаго крыльца Ихъ Величества поклонились народу, восторженные клики „ура“ были отвѣтомъ на поклоны Монарха. По совершеніи Священнаго Коронованія Императрица Марія Ѳеодоровна вышла изъ собора при громогласныхъ восторженныхъ кликахъ народа и направилась подъ балдахинномъ въ Кремлевскій дворецъ; за Государыней слѣдовали придворныя дамы, всѣ въ одинаковыхъ бархатныхъ темномалиновыхъ, золотомъ шитыхъ, русскихъ нарядахъ съ разноцвѣтными кокошниками. Императорская Чета вышла изъ Успенскаго собора съ противоположной стороны и направилась по устроеннымъ вокругъ Ивана Великаго помостамъ къ Архангельскому собору: впереди шелъ взводъ кавалергардовъ, затѣмъ слѣдовали знамена; передъ самымъ балдахинномъ Государя, несомымъ генераль-адъютантами съ ассистентами, шелъ государственный совѣтъ и министры. По прибытіи къ Архангельскому собору

Императорскую Четугу встрѣтило духовенство; поклонившись гробницамъ предковъ, Ихъ Величества прошли въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ прикладывались къ святымъ иконамъ. Выйдя изъ Благовѣщенскаго собора, Ихъ Величества прослѣдовали на Красное крыльцо; поднявшись на верхнюю ступень, поклонились народу, который неумолкаемымъ восторженнымъ клпкомъ привѣтствовалъ Ихъ Величества. Все зрѣлище было высокаторжественно, особенно въ тотъ моментъ, когда народъ увидалъ поклоны Монарха. Погода превосходная, жаркая. Необыкновенно красивый видъ представляли кареты пословъ по очередно подѣзжавшія ко дворцу.

«Росс. Тел. Аг.»

— По словамъ «Моск. Вѣд.», трудно передать тѣ чувства, которыя испытывали свидѣтели великаго торжества, происходившаго у всѣхъ передъ глазами. Никто не жилъ личною жизнью, всѣ слились въ одно цѣлое, въ одну животрепещущую душу, чувствовали и сознавали себя единымъ Русскимъ народомъ. Только два лица, — Царь и народъ, творили великое историческое дѣло. И пока будетъ существовать это единеніе народа съ Царемъ, до тѣхъ поръ и Русь будетъ велика и непоборима, и не страшны ей будутъ ни внѣшніе, ни внутренніе враги.

— По сообщенію «Прав. Вѣст.», 14-го мая, съ наступленіемъ сумерекъ, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государини Императрицы Александра Ѳеодоровна Марія Ѳеодоровна изволили прослѣдовать изъ внутреннихъ покоевъ Кремлевскаго Дворца на террасу, выходящую на Москву-рѣку, куда вышли также и другія Особы Императорской Фамиліи. Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ былъ поданъ букетъ цвѣтовъ, и какъ только Ея Величество изволила принять его, онъ засвѣтился множествомъ маленькихъ электрическихъ лампочекъ, и, благодаря особому устройству электрическихъ проводовъ, въ тотъ же самый моментъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, засвѣтились разноцвѣтными огнями вершины кремлевскихъ башенъ и колокольня Ивана Великаго, а затѣмъ загорѣлись и остальные огни по всѣмъ башнямъ и стѣнамъ Кремля. Ихъ Величества и Августѣйшая Семья нѣкоторое время смотрѣли на иллюминацію. Видъ съ террасы на роскошно иллюминированное Замоскворѣчье былъ великолѣпный. Внизу стояла многотысячная толпа народа, восторженными клпками привѣтствовавшая Ихъ Величества. Кремль представлялъ поразительной красоты картину, центромъ которой

служила колокольня Ивана Великаго, съ церковью Николая Гостунскаго, убранная съ замѣчательнымъ искусствомъ сверху до низу бѣлыми электрическими лампочками, между которыми въ широкихъ просвѣтахъ открытыхъ оконъ колокольни горѣлъ блѣдно-розовой бенгальскій огонь. Лампочки были тѣсно, но замѣчательно равномерно расположены по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ и такимъ же образомъ покрывали купола и кресты, благодаря чему колокольня и церковь обрисовывались огненными линіями до мельчайшихъ подробностей. Во время иллюминаціи небо покрылось темными тучами, придававшими колокольнѣ Ивана Великаго и названной церкви совершенно волшебный видъ. Иной характеръ носила иллюминація стѣнъ и башенъ Кремля, которыя были освѣщены цвѣтными электрическими лампочками, такими же кубастикати и стаканчиками. Здѣсь зритель переносился въ сказочную обстановку изъ «Тысячи и одной ночи». Башни горѣли яркими огнями, между которыми тянулись огненные стѣны московской твердыни. Каждая изъ 18 кремлевскихъ башенъ была иллюминирована по-своему, причемъ въ каждой расположеніе огней и сочетаніе цвѣтовъ бѣлаго, синяго, зеленаго, фіолетоваго, желтаго, краснаго, оранжеваго поражало своею художественностью и общою гармоніею. Тайницкая башня была освѣщена зеленымъ, бѣлымъ и краснымъ огнями, постоянно мѣнявшимися, и имѣла на фасадѣ, обращенномъ къ Кремлю, надпись изъ электрическихъ лампочекъ: «Боже, Царя храни», а къ сторонѣ рѣки съ вершины башни пѣнился водяной каскадъ, переливаясь, благодаря электрическому прожектору, всѣми цвѣтами радуги. На многихъ башняхъ красовались инициалы Ихъ Величествъ, гербы и транспаранты, а внутри повременамъ лился потопъ бенгальскаго огня. На башнѣ было поставлено 11 электрическихъ прожекторовъ, бросавшихъ снопы ослѣпительнаго свѣта во всѣ стороны. Замѣчательно красиво былъ иллюминированъ Александровскій садъ. Милліоны огней, похожихъ на свѣтлячковъ, мелькали и свѣтили сквозь зелень уже вполне распустившихся деревьевъ. По всему саду были разставлены арки, щиты и другія декоративныя украшенія. Несмѣтныя толпы народа окружали Кремль со всѣхъ сторонъ, и гулъ восторга не прекращался ни на минуту, прерываясь только время-отъ-времени оглушительнымъ «ура». Не менѣе замѣчательно были иллюминированы уллицы внѣ Кремля, въ особенности Тверская съ домомъ Августѣйшаго Генералъ - Губернатора, Кузнецкій мостъ, площади

Охотнаго ряда и Театральная, съ обелисками и декоративными колоннами; въ высшей степени изящно были иллюминаваны также зданія думы, Большаго театра и благороднаго собранія, бульвары Тверской, Никитскій, Пречистенскій, и другіе. Вообще, если по приготовленіямъ къ коронаціонной иллюминаціи, надъ которыми работали тысячи людей въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можно было ожидать чего-то необычайно эффектнаго, то слѣдуетъ сказать, что дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Самая богатая фантазія не могла нарисовать той поразительной картины, какую представляла Москва вечеромъ въ день Священнаго Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Иллюминація Кремля, входившая въ кругъ дѣятельности особаго установленія по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. Н. Бера, была произведена по плану и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ электротехника Л. Р. Шведе. Въ производствѣ самыхъ работъ, которыя были чрезвычайно трудны и подчасъ опасны для жизни, приняли участіе 33 нижнихъ чина военной электротехнической школы подъ начальствомъ штабсъ-капитана Попова, и 25 матросовъ, съ лейтенантомъ Посоховымъ во главѣ. Кромѣ того, для зажиганія шкаликовъ и другихъ работъ во время иллюминаціи и непосредственно передъ ней были наряжаемы ежедневно по 300 человекъ нижнихъ чиновъ отъ войскъ коронаціоннаго отряда. Всѣ работы прошли вполне благополучно, и участники ихъ смѣло могутъ гордиться устройствомъ такого электрическаго освѣщенія на самыхъ, съ перваго взгляда, недоступныхъ крышахъ, шпильяхъ и башенныхъ зубцахъ, на которые пошло болѣе 1.000 пудовъ однихъ наружныхъ проводовъ и свыше 15.000 лампочекъ накаливанія.

— 18 мая въ дворѣ Петровскаго дворца состоялся обѣдъ волостнымъ старшинамъ; на лѣстницѣ дворца собрались губернскіе предводители дворянства, ихъ ассистенты, земскіе начальники, уѣздные предводители дворянства московской губерніи; въ четырехъ громадныхъ патрахъ были сервированы столы. Послѣ приѣма московскихъ депутаціи Ихъ Величества въ сопровожденіи Августѣйшаго московскаго Генераль-Губернатора, министра Императорскаго Двора, министра внутреннихъ дѣлъ, командующаго Императорской главной квартирою и московскаго губернатора вошли во дворъ дворца. Вокругъ Государя сгруппировались волостные старшины, которымъ Государь сказалъ слѣдующую рѣчь: „Императрица и Я сердечно благодаримъ

васъ за выраженное вами чувство любви и преданности; не сомнѣваюсь, что ихъ раздѣляютъ всѣ ваши односельчане. Когда увидите ихъ, передайте имъ Наше спасибо; заботы о благѣ вашемъ, также близки Моему сердцу, какъ они были близки Дѣду Моему и незабвенному дорогому Родителю; помните слова, сказанные Имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи Его на царство: между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ; дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья и успѣха въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ". Послѣ рѣчи Монарха восторженное „ура“ огласило воздухъ; рѣчь Монарха произвела на крестьянъ сильное впечатлѣніе. Тостъ за здоровье Государя Императора былъ покрытъ такими же кликами и ликованіями народа. Послѣ рѣчи, обращенной къ крестьянамъ, Государь Императоръ подошелъ къ группѣ дворянъ и сказалъ имъ рѣчь полную милости и довѣрія. Послѣ рѣчи Монарха волостные старшины были размѣщены за столами; начался обѣдъ, состоявшій изъ Полтавскаго борща, кулебяки, холоднаго изъ суповъ, телятины со свѣжею зеленью, жареныхъ цыплятъ и дичи съ огурцами, сладкаго пѣзъ малины. Передъ каждымъ кувертомъ лежало изящное меню, украшенное виньеткою въ русскомъ стилѣ, на верху котораго помѣщенъ рисунокъ, изображающій торжественный выходъ Ихъ Величествъ изъ Успенскаго собора послѣ Коронаванія, справа шапка Мономаха и впереди залитое солнцемъ хлѣбное море. Во время обѣда Государь Императоръ обходилъ съ Государыней Императрицею обѣдающихъ и затѣмъ, простившись съ старшинами, вошелъ въ дворецъ. Послѣ словъ, обращенныхъ Государемъ Императоромъ къ волостнымъ старшинамъ, въ которыхъ Его Величество напомнилъ имъ о словахъ, слышанныхъ ими отъ Покойнаго Государя, Московскій губернскій предводитель князь Трубецкой, благодарилъ Государя отъ имени дворянства за милостивыя слова его. Его величество изволилъ сказать дворянству слѣдующее: „Благодарю васъ сердечно за ваши чувства и вѣрную службу; не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорой престола и искренно цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянъ въ мѣстныхъ дѣлахъ; Миѣ известно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ; будьте спокойны: Я не забуду его нуждъ въ моихъ заботахъ о преуспѣяніи Нашею дорогого отечества. Душевно благодарю васъ за ваше теплое участіе въ нашихъ торжествахъ". «Росс. Тел. Аг.».

— Торжество Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ ознаменовалось богатыми милостями, щедро излитыми съ высоты Престола на всѣхъ вѣрноподанныхъ и опубликованными во Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ отъ 14-го мая. По словамъ «Моск. Вѣд.», особенно щедро влиты „на страждущихъ и обремененныхъ, хотя бы по собственной винѣ или нерадѣнію“. Даруя обширныя льготы лицамъ, учинившимъ преступленія и проступки, Государь Императоръ, по безмѣрному Своему милосердію, распространяетъ эти облегченія и на государственныхъ преступниковъ, нарушившихъ клятву вѣрности престолу, закону и отечеству. Примѣненіе милостей къ государственнымъ преступникамъ предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ „по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ“. Кроме того, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ министромъ Юстиціи, разрѣшается о тѣхъ государственныхъ преступникахъ „кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы смягченія превышающаго размѣры въ вышеприведенныхъ пп. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанные, входятъ съ особыми всеподданнѣйшими докладами“. Такимъ образомъ Манифестъ открываетъ всѣмъ раскаявшимся преступникамъ путь на стезю обновленной жизни. Прощая многихъ преступниковъ, облегчая участь осужденныхъ, предавая многое содѣянное забвенію, слагая многоразличные штрафы, пени и начеты, Манифестъ въ то же время даетъ важныя существенныя льготы всему трудящемуся населенію Имперіи, облегчая этимъ дальнѣйшее развитіе ея производительныхъ силъ. Важнѣйшею отраслю производительности является въ Россіи земледѣліе, испытывающее въ настоящее время немаловажныя затрудненія вслѣдствіе низкихъ цѣнъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Уменьшеніе выручки сельскихъ хозяевъ, затрудняя исправную уплату ими государственныхъ податей, способствуетъ накопленію недоимокъ въ окладныхъ сборахъ и, главнымъ образомъ, въ поземельномъ налогѣ. Эти недоимки являются тяжкимъ бременемъ для нашего земледѣлія не только въ крестьянскихъ, но также и во владѣльческихъ хозяйствахъ, гдѣ выручка едва покрываетъ расходы производства. Въ заботахъ о благосостояніи земледѣлія Всемилостивѣйшій Манифестъ повелѣваетъ „сложить со счетовъ всѣ числящіяся къ 1 января 1896 года недоимки въ губерніяхъ Европейской Россіи—государственнаго поземельнаго налога“, а въ другихъ

губерніяхъ соотвѣтствующіе ему сборы. Эта Царская милость усугубляется повелѣніемъ Государя Императора: „сложить со счетовъ всѣ числящіяся бо дню Коронаванія Нашего недоимки по отыѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу“, а также „сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 года“. Несомѣнно, что эти льготы обойдутся казнѣ въ крупную сумму десятковъ милліоновъ рублей. Но дарованіе ихъ существенно облегчитъ экономическое состояніе живущаго земледѣліемъ населенія и, повышая его достатки, будетъ способствовать дальнѣйшему упроченію государственнаго хозяйства Россіи. Прощая недоимки земледѣлія, Манифестъ также облегчаетъ уплату ихъ промышленностью, сложивъ изъ сборовъ съ торговли и промышленности причитающихся къ поступленію въ казну за время до 1 января 1896 года, „тѣ, которые не превышаютъ пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую“. Кроме того, съ промышленныхъ предпріятій сложены штрафы, въ каждомъ случаѣ до суммы въ триста рублей. Эти облегченія весьма важны для мелкихъ предпріятій составляющихъ громадное преобладающее большинство въ нашей промышленности, гдѣ въ общемъ итогѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1892 году состояло 127,404 предпріятія съ 1.309,663 рабочими, или въ среднемъ около 10 рабочихъ на предпріятіе. Слагая сполна накопившіяся недоимки поземельнаго налога, Всемилостивѣйшій Манифестъ понижаетъ и самый окладъ его, постановляя: „въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 года, взимать исчисляемый со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину,—пять копѣекъ съ десятины“. Заботливость Монахра о нуждахъ трудящагося населенія даетъ Русскому народу новыя силы и средства для неуклоннаго слѣдованія по пути преуспѣянія, по которому ведетъ его Самодержецъ Всероссійскій.

«Моск. Вѣд.».

— «Правит. Вѣст.» такъ опредѣляетъ количественныя облегченія платежей по Коронаціонному Манифесту. Пунктомъ 2-мъ ст. I Всемилостивѣйшаго Манифеста повелѣно въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1896 года, взимать со всѣхъ сословій государствен-

ный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ лишь половины установленныхъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ 10 коп. на десятину—5 коп. съ десятины. Примѣненіе этой мѣры выразится въ сложеніи съ плательщиковъ изъ оклада въ 13.227.047 руб. исчисленнаго на 1896 годъ, ежегодно по 7.414.000 руб., что составитъ за 10 лѣтъ сбереженіе для землевладѣльцевъ въ 74.140.000 р. Подобная же льгота установлена слѣдующимъ пунктомъ 3-мъ, той же статьи Манифеста, для Привислянскаго края относительно крестыянскаго, посадскаго и дворскаго добавочнаго поземельнаго налога и поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора. Эта льгота освободитъ плательщиковъ отъ взноса по 1.045.809 руб. въ годъ, что составитъ за 10 лѣтъ 10.458.090 руб. Недопмки государственнаго поземельнаго налога въ Европейской Россіи, въ количествѣ 4.549.000 руб., а также поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестыянской, посадской и дворской, въ размѣрѣ 839.000 р. Совокупность перечисленныхъ льготъ составляетъ почти 90.000.000 руб. Государь Императоръ, пунктомъ 5-мъ ст. I Своего Манифеста, повелѣлъ сложить всю оставшуюся отъ прежняго времени недоимку подушной подати въ Европейской Россіи, доходящую до 2.114.000 р. Сложеніе недоимокъ оброчной подати и лѣснаго налога доставитъ облегченіе сельскому населенію до 5.099.000 руб. За всѣмъ населеніемъ Сибири числится въ недоимкѣ къ 1896 году 2.543.551 руб. подушной подати и 4.487.635 руб. оброчной, а всего 7.031.186 руб. Изъ нихъ, по примѣрному исчисленію, будетъ сложено не менѣе 2.837.000 руб., а остальные 4.194.186 р., приходящіеся на долю собственно кореннаго населенія,—разсрочены на 10 лѣтъ, по 419.418 руб. въ годъ. Льгота разсрочки на 10 лѣтъ недоимокъ: поземельнаго налога въ Туркестантскомъ краѣ, въ размѣрѣ 391.558 руб., при окладѣ въ 2.884.506 руб.; подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа, въ количествѣ 468.203 руб., при окладѣ въ 1.836.275 руб., и по подати кибиточной—188.180 руб., при окладѣ въ 2.871.702 руб., что потребуетъ отъ плательщиковъ ежегодной првплаты: по первому налогу только 1,3⁰/₀ годоваго оклада, по второму—2,5⁰/₀ и по третьему всего—0,6⁰/₀. Затруднительное положеніе Калмыковъ не могло не обратить на себя попечительнаго вниманія Верховной Власти, повелѣвшей въ 11 пунктѣ ст. I Своего Манифеста сложить всю

недоимку кибиточной подати, числящуюся на означенныхъ Калмыкахъ въ суммѣ 178.756 рублей, то-есть въ размѣрѣ только не многимъ меньше годового оклада (186.858 р.). Городскому населенію Кавказа, по подъемной подати, слагаемая недоимка составляетъ 270,1 годового оклада, исчисленнаго на 1896 годъ (211.367 р.). Также льгота дарована и плательщикамъ налога взаимнъ исполненія воинской повинности на Кавказѣ, съ копѣхъ слагается 221,580 руб., или 40,7 оклада. Общая совокупность дарованныхъ по Всемилоствѣйшему Манифесту льготъ въ окладныхъ налогахъ выражается: а) въ разсрочкѣ на 10 лѣтъ недоимокъ на сумму 5.242.127 руб.; б) въ полномъ сложеніи 16.714.370 руб. недоимокъ разныхъ сборовъ, и в) въ уменьшеніи ежегоднаго оклада государственнаго поземельнаго налога и поземельныхъ сборовъ въ Привислянскомъ краѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, на 8.450.809 руб. въ годъ, а за 10 лѣтъ на 84.598.090 руб., что потребуетъ отъ плательщиковъ взноса за 10 лѣтъ, вмѣсто 153.186.650 руб. полнаго за это время оклада, всего 68.588.560 руб. Вся же сумма сложенія (недоимокъ и части оклада) опредѣлится во 101.312.460 руб. Съ присоединеніемъ остальныхъ льготъ, общая сумма сложенія по Всемилоствѣйшему Манифесту составитъ свыше 107.000.000 р.

— Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о мѣрахъ къ облегченію сельскимъ обывателямъ всѣхъ наименованій уплаты выкупнаго долга, мнѣніемъ положилъ: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1) министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственнымъ контролеромъ, а въ подлежащихъ случаяхъ съ военнымъ министромъ предоставляется по ходатайствамъ губернскихъ присутствій и губернскихъ и областныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій пересрочивать на новый срокъ оставшіяся еще непогашеннымъ выкупной долгъ, числящійся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій, въ тѣхъ случаяхъ, когда существующіе оклады выкупныхъ платежей оказываются для нихъ обременительными; 2) пересрочка долга допускается на сроки: въ 56 лѣтъ, 41 годъ и 28 лѣтъ; 3) сельскіе обыватели обязаны вносить ежегодно въ уплату выкупнаго долга пересроченнаго на 56 лѣтъ—по $4\frac{1}{2}\%$, на 41 годъ—по 5% и на 28 лѣтъ—по 6% со всей пересроченной суммы; 4) въ случаѣ недостаточности означенной въ ст. 1-й льготы, мини-

стру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственнымъ контролеромъ, а въ подлежащихъ случаяхъ съ военнымъ министромъ, предоставляется по ходатайствамъ указанныхъ въ ст. 1 учреждений, сверхъ пересрочки, допускать также отсрочку непогашеннаго выкупнаго долга; въ семъ случаѣ сумма упомянутаго долга дѣлится на двѣ части: уплата первой изъ сихъ частей разсрочивается по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 2-й и 3-й на 56 лѣтъ, а уплата второй отсрочивается до окончанія этого срока, съ тѣмъ, чтобы условія и порядокъ погашенія этой послѣдней части были опредѣляемы ко времени окончательнаго погашенія разсроченной части, сообразно условіямъ хозяйственнаго положенія, въ коемъ сельскіе обыватели въ то время будутъ находиться. Величина разсрочиваемой части выкупнаго долга опредѣляется съ такимъ расчетомъ, чтобы взносъ слѣдующихъ по этой части долей срочныхъ платежей не представлялся, по хозяйственному положенію сельскихъ обывателей, для нихъ непосильнымъ. На отсроченную часть выкупнаго долга проценты не начисляются до наступленія срока, когда должно начаться погашеніе ея срочными взносами; 5) ходатайства указанныхъ въ ст. 1-й и 4-й учреждений объ облегченіяхъ въ пополненіи выкупнаго долга, а также предположенія ихъ о размѣрѣ необходимой льготы (ст. 3 и 4) должны основываться на просьбахъ о томъ сельскихъ обществъ и на подробномъ разслѣдованіи хозяйственнаго положенія и платежныхъ средствъ каждаго отдѣльнаго селенія, для коего испрашивается льгота. Порядокъ и условія производства разслѣдованія опредѣляются министромъ финансовъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ, по принадлежности. Его Императорское Величество, изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 13-го мая 1896 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

«Росс. Тел. Аг.».

— 14 мая Харьковъ вмѣстѣ со всею Россіей праздновалъ высокотожественный всерадостный день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Утромъ въ 9^{1/2} час. во всѣхъ городскихъ и домовыхъ церквахъ совершена была божественная литургія. Въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Петромъ, Епископомъ Сумскимъ, и соборнымъ

духовенствомъ. Еще не успѣла окончиться литургія, какъ получена была въ 10³/₄ часа утра,—гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось, г. губернаторомъ телеграмма отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, извѣщавшая, что Священное Коронованіе Ихъ Величествъ въ Москвѣ благополучно совершилось. Тотъ часъ-же, по распоряженію г. губернатора, надъ губернаторскимъ домомъ, надъ городскимъ домомъ и надъ зданіями всѣхъ шести полицейскихъ частей взвились бѣлые флаги и раздался колокольный звонъ всѣхъ цервей гор. Харькова. Этимъ жители нашего города были оповѣщены, что великое событіе Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ Москвѣ благополучно совершилось. По окончаніи литургіи, Высокопреосвященный Амвросій вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ вышли на соборную площадь и здѣсь совершенно было благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю все-радостнаго событія, только что совершившагося. Въ полной, благоговѣйной тишинѣ народъ, наполнившій всю соборную площадь и окрестныя улицы, молился о ниспосланіи долгихъ счастливыхъ дней и благополучнаго царствованія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Послѣ молебствія провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и Всему Царствующему Дому. Могучій голосъ соборнаго протодіакона, о. Василія Вербицкаго, провозглашавшаго многолѣтіе, мощно раздавался во всѣхъ концахъ соборной площади, и народъ, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменемъ, горячо молился о ниспосланіи долгихъ лѣтъ Царствующей Четѣ и всему Царствующему Дому. По окончаніи молебствія и провозглашенія многолѣтія, хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ г. Ведринскаго, исполнилъ народный гимнъ, покрытый волнами долго не смолкавшаго „ура“ всей тысячной толпы, собравшейся на площади. Къ этому времени къ архіерейскому хору присоединились и другіе хоры, подошелъ также оркестръ Пензенскаго полка, подъ управленіемъ г. Маречека; триста голосовъ подъ аккомпаниментъ этого оркестра спѣли финаль: „Славься, славься, нашъ русскій Царь“, изъ безсмертной оперы Глинки „Жизнь за Царя“, а затѣмъ опять національный гимнъ, вновь покрытый долго несмолкавшимъ „ура“. Въ 1 часъ дня было совершенно торжественное молебствіе на Конной площади, послѣ котораго состоялось устроенное городскимъ управленіемъ въ особыхъ помѣщеніяхъ на той же площади угощеніе для народа, состоявшее изъ пирога и кружки пива на каждого. Кружки

эти специально были изготовлены на фабрикѣ Кузнецова; на нихъ изображены инициалы Ихъ Величествъ съ короною надъ ними и цифра „1896“—годъ высокаторжественнаго событія, въ память о которомъ онѣ сдѣланы. Кружки эти предоставлено было каждому взять съ собою на память. На той-же площади, въ складахъ Клеменова, городскимъ управленіемъ былъ предложенъ войскамъ (на 1400 человекъ) обѣдъ изъ супа съ рисомъ и жареной баранины: къ обѣду полагано было по стакану водки и по кружкѣ пива; стаканы и кружки были розданы обѣдавшимъ на память. «Хар. Губ. Вѣд.».

— 15 мая въ 11 часовъ утра, по просьбѣ торговцевъ Благовѣщенскаго базара, на Базарной площади было отслужено, по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ, молебствіе, передъ чудотворнымъ Образомъ Божіей Матери, который для этого случая, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященнаго былъ привезенъ изъ Курижскаго монастыря. Торговцы Благовѣщенскаго базара предполагаютъ соорудить часовню въ память о священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Первая императорская коронація происходила въ 1724 г. надъ супругою Петра I, императрицею Екатериною I. Самъ императоръ вѣнчался еще по-царски. Коронація же царствующаго государя была въ первый разъ совершена надъ Петромъ II, 25-го февраля 1728 года. Для первой коронаціи была сдѣлана самая главная императорская регалія—императорская корона, которая и замѣнила прежній вѣнецъ Мономаховъ. Корона царицы была изготовлена по образцу древнихъ византійскихъ коронокъ. Осыпана она была 2,564 драгоценными камнями, въ числѣ которыхъ былъ замѣчательный рубинъ, утвержденный въ крестѣ. Въ числѣ новыхъ коронаціонныхъ регалій была сдѣлана порфира или мантия изъ парчи съ вышитыми, по ней двуглавыми орлами и коронами, подбитая горностаемъ; вѣсомъ драгоценная мантия была въ 150 фунтовъ, одинъ аграфъ на ней, которымъ она застегивалась спереди, стоилъ сто тысячъ руб. Старинными регаліями русскихъ царей считается такъ называемый „царскій санъ“, присланный изъ Византіи великому князю Владиміру кіевскому, состоящій изъ слѣдующихъ священныхъ вещей: животворящаго креста съ золотой крещатой цѣлью (этотъ крестъ при коронаціи выносятся изъ алтаря; онъ извѣстенъ подъ именемъ креста Константина Великаго и былъ на Патрѣ Великомъ въ день славной Полтавской битвы и избавилъ его отъ смерти: пуля, попавъ въ край лѣваго затвора креста, подломила его

и отскочила); царскій вѣнецъ или золотая шапка Мономаха, св. бармы или діадема. Первая изъ этихъ драгоценностей въ грамотѣ великаго князя Василя Дмитріевича упоминается подъ именемъ „страстей большихъ“, т. е. части отъ древа св. креста и части отъ камня гроба Господня, въ грамотѣ же Іоанна III „Цареградскій крестъ, животворящее древо въ рацѣ“, „Златой наслѣдственный вѣнецъ государей російскихъ“—„Шапка Мономахова“ употреблялась въ древности при выходахъ въ „большомъ нарядѣ“. Вотъ старое описаніе короны, вполне соответствующее современному ея состоянію: „шапка царская золото-скаанная Мономахова, на ней крестъ золотъ гладкій, на немъ по концамъ и въ исподи четыре зерна гурмицкихъ, да въ ней каменя въ золотыхъ гнѣздахъ, надъ яблокомъ яхонтъ желтъ, яхонтъ ласоревъ, лалъ, промежъ ними три зерна гурмицкихъ, да на ней четыре пзумруда, два лала, двѣ коры яхонтовыя въ золотыхъ гнѣздахъ, двадцать пять зеренъ гурмицкихъ на золотыхъ сѣняхъ, около соболій подложена атласомъ червчатымъ, влагалище деревянное оклеено бархателю травчатою, заклады и ключи серебряны“. Въ старину только эта одна шапка была съ крестомъ. Сохраняется она посейчасъ въ „Оружейной палатѣ“. При коронаціи императоровъ она не употребляется, но прежде выносилась въ соборъ съ другими императорскими регалиями. Про бармы въ присылкѣ царскаго чина греческимъ императоромъ Константиномъ сказано: ожерелье, сирѣчь святыя бармы, яже на плещу свою возлагаше“. Св. бармы или, какъ ихъ называли „діадима“ состоятъ изъ семи золотыхъ художественной работы стараго византійскаго стиля запонокъ, изукрашенныхъ финифтью и драгоценными камнями, нашитыхъ на газетъ. По мимо украшеній, на „діадимѣ“ изображены лики св. угодниковъ, Пресвятой Богородицы и другихъ изображеній, взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Заветъа. Бармы, хранимыя въ Оружейной палатѣ, какъ значится въ спискѣ 1665 года, дѣланы, „противъ образца діадимы благочестиваго греческаго царя Константина, заплочено за нихъ 18,325 руб. гречанину цареградцу Ивану Юрьеву“. Въ тѣсномъ смыслѣ слова бармами называли св. иконы. Помимо этихъ священныхъ реликвій въ Оружейной палатѣ хранится съ давняго неопредѣленнаго времени „держава російскаго царствія“ зовомая по древнему „яблокомъ владомымъ“, „царскимъ златымъ державнымъ яблокомъ“, „яблокомъ великодержавнымъ“. Эта золотая чеканная держава имѣетъ въ окружности шара 13 вершковъ и вы-

соты съ крестомъ $9\frac{1}{2}$ вершковъ. Она украшена финифтью, алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и жемчужинами, въ золотыхъ финифтяныхъ гнѣздахъ. Въ четырехъ треугольныхъ поляхъ яблока, финифтяныя изображенія: помазаніе Давида на царство, побѣда надъ Голиаѳомъ, гоненіе отъ царя Саула. Около бляхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ символическія изображенія: орла, льва, грифа и единорога; въ описи сказано, что она „фряжскаго дѣла“. Существуютъ въ Грановитой палатѣ еще двѣ державы: одна— „яблоко великодержавное, греческаго дѣла“ и другая— „держава золотая, малая“. Употребляемая при коронаціяхъ теперь держава сдѣлана императоромъ Павломъ I; она украшена превосходными, чистѣйшей воды бриліантами, яблокомъ для креста въ ней служить превосходный синій сапфиръ. Древніе скипетры, хранящіеся въ Оружейной палатѣ, теперь не употребляются при коронаціяхъ. Существующій для церемоніала скипетръ былъ сдѣланъ для вѣнчанія на царство императора Павла I; онъ замѣчателенъ по цѣнѣ, самымъ цѣннымъ его украшеніемъ служитъ большой алмазъ въ $194\frac{3}{4}$ карата, извѣстный подъ именемъ „Орлова“ или амстердамскаго алмаза; онъ былъ купленъ въ 1772 году Григоріемъ Орловымъ для императрицы Екатерины II у армянина Лазарева за 400,000 р. Скипетръ—то же самое, что укороченный посохъ; по понятіямъ нашихъ предковъ, онъ считался главнымъ знакомъ верховной власти. Къ числу государственныхъ регалій относятся „государственный мечъ“, государственное знамя или „папиръ“ отъ нѣмецкаго слова (Papier), потомъ печать и щитъ. Ношеніе знамени, меча, печати вошло въ коронаціонныхъ церемоніалахъ только при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Государственный мечъ длиною въ 1 арш. $15\frac{1}{4}$ верш. (клинокъ 1 арш. $6\frac{1}{4}$ верш., эфесъ $8\frac{3}{4}$ вешка). Первый украшенъ богатою золотою насѣчкою, а второй—орлиными головами, надъ которыми утверждены царскій вѣнецъ. Въ старину мечъ сопровождалъ государя на войну, гдѣ служилъ знаменіемъ верховной власти, теперь его выносятъ во время коронаціи одинъ изъ первыхъ военныхъ сановниковъ. Государственное знамя въ древности употреблялось только во время походовъ царскихъ, подъ названіемъ „хоругви“. Оно ввѣрялось оружейнику, или двумъ надежнѣйшимъ воеводамъ. Знамя было сдѣлано изъ желтаго атласа, обложено кругомъ золотымъ позументомъ съ бахромою. Посредицѣ его вышитъ россійскій гербъ, а по сторонамъ гербы всѣхъ русскихъ областей. Длина знамени $2\frac{1}{2}$ ар-

шина, а ширина—2, древко съ копьемъ—4 аршина. Государственная печать въ старину была меньше нынѣшнихъ, серебряная, вокругъ герба вырѣзывался титулъ государевъ; печати ввѣрялись для храненія особымъ чиновникамъ, которыя сперва назывались „печатниками“, а потомъ „царственные большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателями“, т. е., канцлерамп. Государственный щитъ не носятъ при коронаціи, его несутъ при погребеніи монарха. Не употребляется теперь и далматикъ, какъ древняя одежда византійскихъ императоровъ; но покрою, долматикъ очень похожъ на архіерейскій сакось. Долматикъ шить изъ малиноваго бархата. Императоръ Павелъ употреблялъ его при своей коронаціи; надѣлъ эту одежду на государя митрополитъ поверхъ мундира. Въ такомъ далматикѣ Павелъ былъ и на парадѣ, разѣзжая верхомъ на лошади. Какъ сказали выше, первая императорская корона была сдѣлана для коронаціи Екатерины I. Впослѣдствіи она не разъ передѣлывалась. Для коронаціи Павла I она явилась еще великолѣпнѣе; но оцѣнкѣ ювелировъ стоимость ея была около трехъ мил. рублей. Затѣмъ корона была передѣлана къ коронаціи императора Николая I придворнымъ ювелиромъ Зефтигеномъ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ большая Императорская Россійская корона представляетъ верхъ совершенства, по необычному количеству драгоценностей и ихъ художественному сочетанію. Кромѣ большого рубина на дугѣ короны, она украшена брилліантами и жемчугомъ. На рубинѣ прикрѣпленъ крестъ, состоящій изъ пяти великолѣпныхъ брилліантовъ. Спереди и съзади короны видны двѣ лавровыя вѣтви, соединенныя внизу лентой. Внутреннія стороны половинокъ устьяны каждая 28-ю матовыми жемчужинами роскошной величины и цвѣта. Дуга, отдѣляющая половинки короны, представляетъ дубовыя листья съ желудями. Надъ дугой спереди находится большой восьмиугольный брилліантъ и три брилліанта въ формѣ миндалинъ. Нижняя часть украшена 27-ю большими брилліантами, окруженными множествомъ малыхъ. Высота короны 26,4 мм., діаметръ 19,4 до 21 мм. Она подбита пурпуровою бархатною шапочкой. Въ 1865 году Императорская корона была въ точности оцѣнена, каждый камень былъ взвѣшенъ въ отдѣльности. Произведенная оцѣнка показала стоимость короны въ 823,976 р., что согласно цѣнности настоящаго кредитнаго рубля, составитъ сумму свыше 1,000,000 руб. Другая, меньшая корона, обыкновеня возлагаемая на императрицу, тоже не

разъ передѣлывалась. Сдѣланная для супруги Павла I ювелиромъ Дювалемъ, она обошлась въ 500,000 руб. Самымъ стариннымъ знакомъ верховной власти считается тронъ, обыкновенно называемый престоломъ, изъ такихъ наслѣдй глубокой старины извѣстенъ тронъ царя Алексѣя Михайловича, такъ называемый „Алмазный“, за то, что онъ украшенъ 876 крупными алмазами и 1,223 яхонтами и множествомъ мелкаго жемчуга. Тронъ этотъ поднесенъ въ 1660 году отъ торговой въ Персіи компаніи армяниномъ Сарадовымъ. На тронѣ надпись по латыви „Могущественнѣйшему и непобѣдимѣйшему московскому монарху Алексѣю, на землѣ счастливо царствующему. Сей тронъ, съ величайшимъ искусствомъ и тщаніемъ сдѣланный, да будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ грядущаго въ небесахъ безконечнаго блаженства. Лѣта Христова 1659“. Императоръ Николай I, слѣдуя завѣтамъ сѣдой старины, въ священный день своего коронаванія въ палатахъ царскихъ возсѣдалъ на немъ. Когда былъ столъ для всѣхъ особъ женскаго пола, въ особой верхней палатѣ дворца, называемой Тайникомъ, откуда въ древнія времена царицы и царевны наши, сами не будучи видимы, могли смотрѣть на представленіе иностранныхъ пословъ и другія церемоніи, происходившія въ Грановитой палатѣ предъ тѣмъ, какъ должна была открыться трапеза, императоръ, слѣдуя также древнему обычаю, просилъ пить. И это служитъ знакомъ, чтобы присутствующія особы сѣли на свои мѣста, отдавъ поклонъ императору, а дипломатическій корпусъ, занимающій пространство между окнами по лѣвую сторону трона, поклонился въ знакъ поздравленія и оставлялъ палату, при чемъ императоръ, вставъ съ своего мѣста, отвѣтствуетъ: имъ тремя поклонами. Для императрицы употреблялся золотыя кресла царя Михайла Федоровича, въ украшеніи которыхъ находится 1,494 лаза, 7,306 бирюзъ, 2 большихъ топаза, 4 аметиста, 16 жемчужинъ, 2 кафимскихъ зерна. При коронаціи императоровъ къ предметамъ верховной власти въѣноосцевъ принадлежитъ въ настоящее время бриліантовая цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго, одѣваемая государемъ предъ облаченіемъ въ порфиру. По высочайше утвержденному установленію о россійскихъ императорскихъ орденахъ, изданному императоромъ Павломъ I въ 1797 году, 5-го апрѣля, достоинство верховнаго начальника, или гротмейстера ордена св. Андрея Первозваннаго сдѣлалось не раздѣльнымъ съ саномъ Императорскимъ. Учрежденъ этотъ орденъ Петромъ Великимъ въ 1699 году въ осо-

бый знакъ отличія для вознагражденія лицъ, оказавшихъ важныя заслуги отечеству. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ великій адмиралъ-канцлеръ графъ Головинъ, который въ 1703 году возложилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго на самого императора за взятіе имъ двухъ непріятельскихъ кораблей. Орденъ св. Андрея Первозваннаго присвоенъ и всѣмъ великимъ князьямъ Россійской имперіи, получающимъ его при крещеніи. «Нов. Вр.»

— Иностранныя газеты въ статьяхъ, посвященныхъ Коронаціи, признаютъ могущество Россіи и выражаютъ наилучшія пожеланія Государю Императору. Нѣмецкая «Nord. Allgem. Zeitung» пишетъ: „Коронаваніе Императора Николая II блестяще совершилось. Подобное величественное, роскошное зрѣлище едва ли когда являла Москва при коронаваніяхъ. Присутствовали не только высшіе сановники Русской имперіи и представители всѣхъ владѣтельныхъ домовъ европейскыхъ странъ, но и правители, посольства многочисленныхъ азіатскихъ народностей, съ цѣлью почтить державу, которая, опираясь на обширныя европейскія владѣнія, охватываетъ и громадныя области въ Азіи до береговъ Тихаго Океана. Если на этотъ разъ Россія является болѣе міровою державою, нежели раньше, то это-то обстоятельство и обезпечиваетъ сочувственное участіе народовъ европейскаго материка къ московскимъ торжествамъ. Въ то время какъ другимъ европейскимъ государствамъ приходится испытывать свои культурныя силы въ дальнихъ, моремъ отдѣленныхъ отъ нихъ областяхъ, Россія имѣетъ счастье обладать способными къ культурѣ континентальными землями, представляющими богатое поле для великихъ экономическихъ, цивилизаторскихъ задачъ. Въ мирныхъ задачахъ русской политики въ Европѣ и Азіи свѣтъ охотно видитъ гарантію международнаго мира. Это довѣріе усиливается мыслью, что Императоръ Николай II обладаетъ обширными познаніями потребностей населенія своей громадной Имперіи и во время своего царствованія проявилъ себя во внѣшнихъ отношеніяхъ искреннимъ мирнымъ Государемъ. Да будетъ ему суждено охранить Русскую Имперію отъ военныхъ осложненій и все больше развивать ея внутреннія силы.“—Англійская «Daily News» говоритъ: „Весь міръ посылаетъ наилучшія пожеланія новому правленію Россіи, правленію надеждъ в юности. Президентъ Форъ былъ отголоскомъ чувствъ Англіи, когда высказалъ пожеланія блага Государю и Государынѣ и благоденствія Россіи.“ Статья говоритъ далѣе о возстановленіи взаимнаго уваженія и до-

вѣрія между Англіей и Россіей и признаетъ основательность желанія Россіи получить свободный выходъ въ Великій Океанъ. Особеннымъ дружелюбіемъ и теплотой выраженій отличаются, какъ и слѣдовало ожидать, Французскія газеты. Всѣ онѣ переполнены письмами и телеграммами изъ Москвы. Въ большихъ газетахъ телеграммы эти часто занимаютъ нѣсколько колоннъ мелкаго шрифта. Телеграммы отличаются рѣдкою точностію и обстоятельностью. «Journal des Débats» посвящаетъ весьма симпатичную передовую статью подъ заглавіемъ: „Коронованіе Царя“ (въ номеръ отъ 22 мая): „Въ этотъ моментъ всѣ взоры обращены на Москву. Несмотря на разницу составляющихъ ее правительствъ, несмотря даже на то, что ее раздѣляютъ различные интересы, вся Европа представлена на коронаціи Царя. Всюду господствующее чувство—это чувство симпатіи. Вѣрность и твердость съ которыми Императоръ Николай II продолжалъ мирную политику Своего Отца, всюду произвела наилучшее впечатлѣніе, но нигдѣ это впечатлѣніе не было такъ живо, какъ во Франціи. Новый Императоръ не опускалъ ни одного случая для упроченія узъ соединяющихъ насъ съ Россіей. Чувства, волнующія нынѣ души Русскихъ людей, не безразличны и для насъ. Душой и мы переносимся въ Москву на эти торжества, и мы присоединяемся къ нимъ съ глубокою симпатіей“.

Не менѣе сочувственна и передовая статья въ газетѣ „Temps“. —„Вся Европа,—такъ начинается статья,—теперь обратила свои взоры на древнюю столицу Россіи и внимательно слѣдитъ за торжествами Коронованія Царя“. Отмѣчая блескъ и пышность торжествъ, газета замѣчаетъ, что этотъ блескъ отнюдь не мишурный, какъ это бываетъ въ другихъ странахъ. Все это величіе имѣетъ подъ собою прочную почву. Каждый, самый бѣдный, мужикъ знаетъ, что Царь радуется лишь радостями Своихъ подданныхъ. Его тронъ прочно держится на полномъ довѣріи болѣе чѣмъ стомилліоннаго народа“.

— Печатающійся въ Бѣлградѣ еженедѣльный журналъ „Босанско-Герцеговачки Гласникъ“, органъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, выпустилъ 12 Мая по случаю Короваціи особый коронаціонный номеръ, напечатанный на бѣлой бумагѣ синими буквами съ краснымъ заглавіемъ и рамкой. Въ передовой статьѣ по поводу Короваціи читаемъ: „Въ эти дни вся Европа пришла въ движеніе; на Москву устремлены взоры всего міра, на великое и святое

дѣло—Коронованія Русскаго Царя Николая Александровича. Что почувствуемъ въ сердцахъ своихъ мы, представители угнетенной Босніи и Герцеговины, когда засіяетъ корона, которой вѣпчались Великіе Русскіе Императоры, мы, Босняки и Герцеговинцы, которые вѣримъ, что и насъ согрѣетъ блескъ этой Короны, которые утромъ и вечеромъ молимъ Небо, чтобы насъ дружеской рукой освободили, чтобы насъ сдѣлали свободнымъ народомъ, чтобы не оставляли намъ срамъ рабства... Мы твердо надѣмся, что есть глаза, которые видятъ наше бѣдствіе, что есть уши, которыя слышатъ про нашу неволю, что есть сердце, которое сжалятся: это—глаза и сердце Русскаго Царя и Русскаго народа... Да, мы гордимся, мы радуемся, ибо въ насъ оживаютъ наши великія и справедливыя надежды. Тверда наша вѣра въ то, „что царствованіе Николая II, кромѣ другихъ благъ своихъ, будетъ ознаменовано великимъ дѣломъ освобожденія Сербскаго народа, Сербской Босніи и Герцеговины, и что нынѣшнія сербскія государства, Сербія и Черногорія, сдѣлаются также и больше и счастливѣе, такъ какъ сербскія земли будутъ объединены и свободны. Великій завѣтъ Императора Александра III исполнитъ Сынъ Его Николай II. Тотъ, который возлагаетъ Себѣ на голову корону, Онъ будетъ и нашимъ избавителемъ и нашимъ спасителемъ: это убѣжденіе каждаго Сербя Босніи и Герцеговины. Какъ бы ни старался врагъ, онъ не сможетъ потушить свѣчу и заглушить молитву, которую всякій Сербъ въ своемъ домѣ вознесетъ ко Всевышнему, чтобы Онъ даровалъ всякое счастье молодому Царю, чтобы умножилъ звѣзды Его короны и побѣды Его скипетра“...—Издающаяся въ Триестѣ, подъ редакціей Антона Якича, на итальянскомъ языкѣ хорватская еженедѣльная газета „Il Pensiero Slavo“ (прежде „Dritto Croato“) была конфискована австрійскими властями за стихотвореніе „A sua Mesta lo Tsar“ (Его Величеству Царю), помѣщенное на первой страницѣ газеты. Изъ статьи этой газеты во второмъ изданіи конфискованнаго номера «Хар. Губ. Вѣд.» приводятъ слѣдующее: „Коронація Царя, великій триумфъ Россіи въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, есть и триумфъ внутренняго славизма. Въ Москвѣ обнаруживается во всемъ блескѣ могущество Царя и Его народа, не только матеріальное, но и нравственное—могущество цивилизаціи, культуры и духа. Россія не только располагаетъ большимъ количествомъ пштыковъ, чѣмъ какая-либо другая держава, не только ея кавалерія одно изъ величайшихъ

чудесъ міра, не только ея войны самыя лучшіе по геройству, храбрости и самопожертвованію—Россія велика въ своемъ нравственномъ могуществѣ: ей и ея Императору, который тождественъ съ ней въ желаніяхъ, направленіяхъ, стремленіяхъ, Европа обязана миромъ, благодаря ей и ея Императору Европа не имѣетъ основанія опасаться за свою культуру, но можетъ съ довѣріемъ и спокойно смотрѣть въ будущее. Ею, ея Императоромъ, въ европейскую цивилизацію будетъ внесена новая сила, дѣвственная, свѣжая, обновляющая. Такимъ образомъ, вѣнчаніе Императора Всероссійскаго есть вѣнчаніе славянскаго могущества и надеждъ Европы на новую цивилизацію. Ни одинъ народъ въ мірѣ не дѣлаетъ столько для цивилизаціи, сколько Россія, эта безкорыстная освободительница столькихъ народовъ, это посетительница знамени освобожденія на Востокѣ. Она работаетъ для цивилизаціи не только своими внутренними реформами, не только своей литературой, которая представляетъ собой послѣднее слово нынѣшняго столѣтія, не только своей наукой, дѣлающей ежедневно гигантскіе шаги—она работаетъ для цивилизаціи, внося прогрессъ въ пустыни Сибири своими желѣзными дорогами, которыя должны сблизить Азію и Европу, сдѣлать изъ нихъ одно цѣлое и открыть путь еврейской цивилизаціи въ Азію. Всѣ Славяне ликуютъ и имѣютъ на то полное основаніе. Но не только Славяне ликуютъ. Долженъ ликовать весь міръ и благословлять Государя, Который соединяя въ Себѣ, если можно такъ выразиться, всю славянскую душу, олицетворяетъ Собой въ то же время и все что есть великаго возвышеннаго въ человѣчествѣ. Николай II въ день Своего Коронаванія представляетъ весь міръ въ его самыхъ благородныхъ и человѣколюбивыхъ стремленіяхъ... Да благословенъ будетъ день, въ который вѣнчается короной могущественный изъ могущественныхъ; да здравствуетъ Государь 120 милліоновъ вѣрныхъ подданныхъ, да здравствуетъ на страхъ врагамъ Россіи, да здравствуетъ Великій Царь, воплощающій въ себѣ культурное и нравственное возрожденіе міра!“

НОВАЯ КНИГА.

Способы призрѣнія Священно-церковно-служителей и ихъ семействъ; попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, опеки, пенсіи и единовременныя пособія. Извлечено изъ Свода Законовъ и распоряженій Святейшаго Правительствующаго Синода, Протоіереемъ Іоанномъ Чижевскимъ. Харьковъ 1896 г. Цѣна съ перес. 1 р., за 10 и болѣе экз. по 80 к. Адресовать въ Харьковъ, Конторская ул. д. № 64 Прот. Чижевскому.

У него же можно получать имъ же составленныя Сборники церковно-гражданскихъ постановленій:

1. Церковное Письмоводство, третье изданіе 1893 г. Цѣна съ перес. 2 р.; выписавшимъ свыше 10 экз. по 1 р. 80 к., а отъ 20 и свыше по 1 р. 30 к. экз.

2. Инструкція церковнымъ старостамъ 12 іюня 1890 г. съ подробнымъ изложеніемъ ихъ обязанностей, второе изданіе 1893 г. Цѣна съ перес. 1 р., за 10 и болѣе экз. по 80 к.

3. Церковное хозяйство, третье изданіе можно исключительно получать отъ книгопродавца И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ. Мелочь можно высылать почтовыми марками.

Продолжается подписка на самый дешевый ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ литературы, науки, общественной и семейной жизни, съ иллюстраціями

СЕМЬЯНИНЪ

3-й годъ изданія Спб., Невскій, 84. Съ пересылкой на 1 годъ 4 рубля $\frac{1}{4}$ года 1 рубль. Высылается по первому требованію и съ наложеннымъ платежемъ въ „С—ѣ“ печатается АЗІЯ общедоступное описаніе, проф. Сиверса. №№ за 1894 г. высылаются за ТРИ руб., за 1895 г. за ДВА рубля.

ОТЪ МОСКОВСКАГО КНИЖНАГО СКЛАДА

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного

Общества для распространенія св. писанія въ Россіи.

КАТАЛОГЪ

Св. книгамъ, имѣющимся въ складѣ Общества.

Новые Завѣты. Съ указателемъ церковныхъ чтеній на всѣ дни.		Цѣна въ переплетѣ.
Русскіе.		Р. К.
Въ 32-ю д. л., съ Псалт. въ футлярѣ		— 45
» „ Больш. д. л. нов. изд.		— 30
Въ 16-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ		— 60
» „ съ Псалт. въ кол. съ зол. кр., въ футлярѣ		— 90
» 8-ю „ „ кр. печ., съ Псалтирю		1 —
» „ „ „ „ „ „ въ золотомъ обр.		3 —
» На четыре. язык. (греч. слав., русск. и латин.)		2 50
Славяно-русскіе.		
Въ 24-ю д. л., въ корешкѣ, съ золотымъ крестомъ		— 80
» 16-ю „ „ „ темной кожѣ, съ золотымъ крестомъ		1 70
Славянскіе.		
Въ 16-ю д. л., въ кол. съ золотымъ крестомъ		— 60
» 32-ю „ „ „ „ „ „ съ псалт.		— 40
4-ро Евангелія. (Съ указателемъ церковныхъ чтеній).		
Русскія.		
Въ 32-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ		— 15
» 16-ю „ „ то же съ золотымъ крестомъ		— 30
Славяно-русскія.		
Въ 16-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ		— 60
Славянскія.		
» „ на славянск. яз., въ кол., съ зол. кр.		— 40
Псалтири.		
Въ 16-ю д. л., русскія, въ тисненомъ коленкорѣ		— 30
» 32-ю „ „ „ „ „ „ „ „		— 7
» „ „ „ славянскія, „ „ „		— 30
Въ 32-ю д. л., „ „ „ „		— 10
Библия.		
На русскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ		3 50
» „ „ „ 8-ю „ „ „ корешкѣ		3 —
» „ „ „ то же, въ золотомъ обрѣзѣ, въ футлярѣ		5 —
» славянскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ		3 60
» „ „ „ 18-ю д. л., въ корешкѣ		1 75
Евангелія брошюр. рус. въ 32-ю д. л., кажд. Евангел. влож. отд. въ пер. —		5

Съ требованіями св. книгъ слѣдуетъ адресоваться въ складѣ Общества.

Адресъ: для телеграммъ: Москва, Голубеву. Покровка, д. № 52.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, ИЗДАНИЕ Т-ВА А. ГРАНАТЪ и К^о. ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНІЕМЪ.

Цѣль изданія—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ вопросамъ жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію.

Въ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ приняли участіе: маг. И. С. Абельманъ, проф. Д. Н. Анучинъ, губ. агроп. В. Г. Бажаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, Д. С. Вольпинъ, маг. М. Я. Герценштейнъ, маг. Викт. А. Гольцевъ, инж. А. Н. Гранатъ, П. Н. Гранатъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. П. Я. Гурляндъ, инженер. А. М. Донде, Гр. А. Джанишевъ, В. Е. Ермилловъ, д-ръ Р. М. Жирмунскій, инж. И. М. Зиповьевъ, Н. П. Златовратскій, проф. Н. П. Ивановскій, Е. Н. Каменецкая, маг. А. П. Каменка, Я. Н. Колубовскій, инж. В. Г. Крапивинъ, В. Ф. Лазурскій, М. Е. Ландау, проф. В. Ф. Леватскій, д-ръ М. Е. Лионъ, прив.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучицкій, прив.-доц. П. И. Мплюковъ, проф. С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечасвъ, М. М. Нечаевъ, Викт. П. Острогорскій, проф. В. В. Пашутинъ, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, М. В. Познеръ, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свирщевскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, П. Н. Сокулинъ, В. И. Сторожевъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. П. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. П. Чуировъ, проф. Щегловъ и ми. др.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ (до 11000 столбцовъ убористой печати). Въ изданіи помѣщено 71890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географическихъ картъ, 150 таблицъ рисунковъ, хромо-и олеографій, статистическихъ таблицъ и картограммъ. Первые шесть томовъ вышли третьимъ стереотипнымъ изданіемъ, 7-ой—вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА полному изданію на обыкновенной бумагѣ безъ перепл.—38 руб., въ переплетѣ—42 руб., ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., при полученіи шести томовъ 5 руб., остальные деньги выплачиваются ежемѣсячными взносами по 2 рубля.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. 5 (Рихтеръ), рядомъ съ университетомъ.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“.

Открыта подписка на 1896 г.

Развлечение вступаетъ въ тридцать восьмой годъ своего существованія. Развлечение въ наступающемъ 1896 году не измѣнитъ своимъ настойчивымъ стремленіемъ и будетъ не только Будильникомъ совѣсти, мысли и здравыхъ общественныхъ отношеній, но и подаритъ читателей шалопухивымъ, какъ Стрекоза мотивомъ. Надѣвая маску Шута, оно будетъ всегда говорить горькую правду въ глаза, звать на свѣтлую дорогу добра, правды и истины и постарается сметать Осколки всей нечисти, зараждающей путь къ широкому просвѣщенію и нравственному усовершенствованію и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить для читателей истиннымъ Развлеченіемъ. Развлечение употребитъ всѣ силы на улучшение какъ вѣшняго, такъ и внутренняго качества журнала. Развлечение дастъ въ 1896 году 50 №№ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 1500 рисунковъ и каррикатуръ, не менѣе 1500 рассказовъ сатирическаго и юмористическаго содержанія, массу стихотвореній и мелочей на злобу дня и кромѣ того дастъ юмористическое обозрѣніе столичной и провинціальной жизни. Развлечение заручилось согласіемъ лучшихъ писателей-юмористовъ и художниковъ, произведенія которыхъ будутъ непрерывно помѣщаться въ будущемъ 1896 году.

Подписная цѣна на журналъ „Развлечение“

съ доставкой и пересылкой

НА ГОДЪ 6 РУБЛЕЙ, НА ПОЛГОДА 3 РУБЛЯ.

Пробный номеръ высылается за три семикопѣеч. марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала „Развлечение“ на Страстной площ., въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія ливніи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

За исправную доставку журнала Контора отвѣчаетъ только предъ лицами, приславшимъ деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва журналу „Развлечение“.

Редакторъ Н. Софдовъ.

Редакція журнала Развлечение въ будущемъ 1896 году имѣетъ возможность исключительно своимъ подписчикамъ за 1 р. 50 к. выслать самое полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА въ шести томахъ, изданное подъ редакціей профессора Пав. Ал. Висковатаго. Въ этомъ изданіи помѣщены не только всѣ произведенія М. Ю. Лермонтова, но и всѣ документы, бумаги и отзывы, которые такъ или иначе касаются жизни и дѣятельности поэта. Изданіе съ 8-ю роскошными портретами, гравированными на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, въ книжныхъ магазинахъ это изданіе стоитъ ТРИ рубля.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная аналогія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Мурскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.